

POLSKA AKADEMIA NAUK
INSTYTUT HISTORII I KULTURY MATERIALNEJ

PROF. DR. B. DĄBROWSKI

**КАМЕННЫЕ БАБЫ
ПРИ ЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ**

BABY KAMENNE
STEPÓW CZARNOMORSKICH

WARSZAWA 1954

Jarosław R. Daszkiewicz, Edward Tryjarski

**BABY KAMIENNE
STEPÓW NADCZARNOMORSKICH**
KOLEKCJA Z ASKANII NOWEJ

POLSKA AKADEMIA NAUK
INSTYTUT HISTORII KULTURY MATERIALNEJ

Ярослав Р. Дашкевич, Эдвард Трыярски

**КАМЕННЫЕ БАБЫ
ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ**

КОЛЛЕКЦИЯ ИЗ АСКАНИИ-НОВА

WROCLAW · WARSZAWA · KRAKÓW · GDAŃSK · ŁÓDŹ
ZAKŁAD NARODOWY IMIENIA OSSOLIŃSKICH
WYDAWNICTWO POLSKIEJ AKADEMII NAUK

1982

Pa 384422

T493.11 + W136.16 +
W103(2) 30

Pracę opiniowali do druku

ZOFIA KURNATOWSKA, TADEUSZ LEWICKI

3
C

Praca wykonana w ramach problemu międzyresortowego
MR III.5

Okladkę projektował Edward Kostka

(na okładce fotografia posągu kamiennego nr 8)

Redaktor Wydawnictwa Aurelia Podgórska

Redaktor techniczny Elżbieta Garnarczyk

© Copyright by Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo. Wrocław 1982
Printed in Poland All right reserved.

ISBN 83-04-00910-2

Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo. Wrocław 1982.
Nakład: 540 egz. Objętość: ark. wyd. 17,20, ark. druk. 18,75+1 wkl.,
ark. A₁ - 25. Papier offset. kl. III, 70 g. 70×100. Oddano do
drukarni 10 II 1982. Druk ukończono w kwietniu 1982. Wrocławska
Drukarnia Naukowa. Zam. 2028/82-B7. Cena zł 150,-

Центральна
наукова бібліотека
АН УРСР
АКТ № 1982
№ 6 134/14-1

СОДЕРЖАНИЕ

I. Проблемы изучения тюркских каменных изваяний (Э. Тры- ярски)	9
Введение	9
1. Свидетельство источников	12
2. Типологическая классификация	14
3. Количество и коллекции	14
4. Значение сравнительных исследований. Каменные ба- бы и курганы	17
5. Изображение умерших или врагов?	18
6. Каменные бабы и балбалы	20
7. Вопросы терминологии	25
8. Пол изображаемых лиц	26
9. Индивидуализация, портретные тенденции	27
10. Предметы изображенные на скульптурах	28
11. Сосуд	30
12. Расположение баб в отношении к другим элементам памятника	32
13. Каменные оградки	32
14. Транспорт	40
15. Почести отдаваемые изваяниям	41
16. Этнический аспект	42
Примечания	49
II. Этническая атрибуция каменных баб Северного Причер- номорья (Я.Р. Дашкевич).....	63

1. Судьба каменных баб в XIV-XX вв.	63
2. Количество каменных баб	75
3. Ареал распространения каменных баб в Восточной Европе	80
4. Типология, хронология, этнос	97
5. Проблематика дальнейшего изучения	115
Примечания	117
III. Каменные бабы в Аскании-Нова (Я.Р. Дашкевич)	138
1. Аскания-Нова и ее археологическая коллекция	138
2. Описание каменных баб	147
3. Петроархеологическое исследование	161
Примечания	164
Приложение (Е.П. Рыбачок, А.В. Филиппова-Путий): Результаты петрографического исследования каменных баб Аскании-Нова	170
Примечания	176
Сокращения	177
Содержания:	
Baby kamienne stepów nadczarnomorskich. Kolekcja z Askanii Nowej (streszczenie)	179
Stone Babas of the Black Sea Steppes. Collection from Askania Nova (Summary)	198
Указатель (составила Аурелия Подгурска)	
1. Имена авторов и исторических лиц	200
2. Этнонимы	211
3. Географические и исторические термины	215
Перечень иллюстраций	229
Spis ilustracji	231
Иллюстрации (одна цветная)	

SPIS TREŚCI

I. Kwestie związane z badaniami nad tureckimi posągami kamiennymi (E. Tryjarski)	9
Wprowadzenie	9
1. Świadczenie źródeł	12
2. Klasyfikacja typologiczna	14
3. Ilość i zbiory	14
4. Znaczenie badań porównawczych. Baby kamienne a kurhany	17
5. Wyobrażenia zmarłych czy ich wrogów?	18
6. Baby kamienne a bałwały	20
7. Zagadnienia terminologiczne	25
8. Płeć przedstawianych postaci	26
9. Indywidualizacja, tendencje do portretowania	27
10. Przedmioty wyobrażone na rzeźbach	28
11. Naczynie	30
12. Rozmieszczenie bab w stosunku do innych elementów za- bytku	32
13. Kamienne ogrodzenia	32
14. Transport	40
15. Cześć oddawana posągom	41
16. Aspekt etniczny	42
Przypisy	49
II. Atrybucja etniczna bab kamiennych z północnych ziem nadczarnomorskich (J.R. Daszkiewicz)	63
1. Los bab kamiennych w XIV-XX w.	63
2. Liczba bab kamiennych	75
3. Zasięg rozpowszechnienia bab kamiennych w Europie Wschodniej	80

4. Typologia, chronologia i etnos	97
5. Problematyka dalszych badań	115
Przypisy	117
III. Baby kamienne w Askanii-Nowej (J.R. Daszkiewicz)	138
1. Askania-Nowa i jej kolekcja archeologiczna	138
2. Opis bab kamiennych	147
3. Analiza petroarcheologiczna	161
Przypisy	164
Dodatek (E.P. Rybaczok, A.W. Filippowa-Putij): Wyniki analizy petrograficznej kamiennych bab z Askanii-Nowej	170
Przypisy	176
Skróty	177
Streszczenia:	179
Baby kamienne stepów nadczarnomorskich	179
Stone Babas of the Black Sea Steppes. Collection from Askania Nova (Summary).....	198
Indeksy (opracowała Aurelia Podgórska):	200
1. Nazwiska autorów i postaci historycznych	211
2. Nazwy etniczne	215
3. Nazwy geograficzne i historyczne	229
Spis ilustracji (po ros.)	231
Spis ilustracji (po pol.)	231
Ilustracje (w tym 1 barwna)	

I. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

Введение

Каменные бабы, являющиеся характерной разновидностью каменных изваяний, которые встречаются на огромных пространствах Азии и юго-восточной Европы, составляют важный элемент погребальных обрядов древних тюрок. Вокруг проблем, связанных с этими все еще скрывающими много тайн скульптурами, на протяжении веков, а особенно в XIX–XX вв., возникла очень обширная литература. На эту тему было высказано множество мнений, гипотез и теорий. Она является традиционной сферой интересов русских и советских ученых (Г.И. Спасский¹, П.А. Уваров², П.С. Уварова³, Н.И. Веселовский⁴, В.В. Бартольд⁵, В.А. Городцов⁶, Л.А. Евтюхова⁷, А.Д. Грач⁸, Я.А. Шер⁹, Г.А. Федоров-Давыдов¹⁰, С.А. Плетнева¹¹, Л.Р. Кызласов¹² и много других). Интересную работу написали Т.С. Пассек и Б.А. Латынин¹³. Польские исследователи также внесли довольно значительный вклад в изучение каменных баб (В. Деметрыкевич¹⁴, В. Котвич¹⁵, В. Антонец¹⁶). В изучении вопроса принимали участие украинские археологи и историки, как революционного (А.В. Терещенко¹⁷, А.А. Гатцук¹⁸, В.Н. Ястребов¹⁹, Д.И. Эварницкий [–Яворницкий]²⁰, Д.И. Багалея²¹, А.И. Маркевич²², А.И. Ружицкий²³ и другие), так и советского времени (Г.Е. Марченко²⁴, Л.П. Крылова²⁵, В.Я. Соловйов²⁶). Много весомых мнений по этому же поводу было высказано чешским археологом Л. Йислем²⁷.

Круг вопросов связанных с изучением каменных баб, по-существу, давно уже определен. По-видимому, его нельзя расширить.

Однако в пределах почти каждой связанной с ними проблемы существуют сомнения и спорные вопросы, разделяющие полемистов на разные лагеря. Внимание многих исследователей особенно привлекли каменные бабы усиленно приписываемые, в частности в последнее время, половцам-кыпчакам.

В связи с вопросом о происхождении каменных баб восточноевропейских степей создан целый ряд теорий, среди которых Г.А. Федоров-Давыдов называет скифскую, гуннскую, готскую, угорскую, полонезскую, кельтскую, монгольскую, финскую, славянскую, турецкую, болгарскую, и теорию относящую баб к народам эпохи бронзы²⁸. Это действительно редкий случай бессилия исследователей, очутившихся перед лицом археологического явления огромного распространения и одновременно лишенного достаточных сведений в письменных источниках.

Согласно Л. Йисля, только в 1885 г. Г. Вамбери первый разрешил спорную дилемму и определил, что в данном случае имеется в виду наследие древних тюрок. Это мнение действует до сих пор. Однако, общепринято выделять из массы похожих объектов бабы различных типов, отличающихся деталями одежды и вооружения, приписывая их степным народам более раннего времени, в частности скифам или скифо-сарматам.

Следующий шаг в определении принадлежности скульптур, выступающих на юге Восточной Европы, сделал Н.И. Веселовский, выдвигая предположение, что они принадлежат тюркским народностям, кочевавшим ранее по восточноевропейским степям. Ссылаясь на письменные свидетельства Г. де Рубрука и Низами²⁹, он обосновал мнение о том, что хотя бы часть скульптур принадлежала половцам-кыпчакам. Путем указанным Н.И. Веселовским, но ограничивая принадлежность баб одними только половцами, пошли в наше время другие ученые, прежде всего Г.А. Федоров-Давыдов, Л.А. Евтихова и С.А. Плетнева. Они указывают в частности на общие черты выступающие между элементами одежды, изображенной на каменных бабах, с предметами принадлежащими, по их мнению, половцам или же, осторожно говоря, составляющими погребальный инвентарь поздних кочевников.

Несколько изменилась методология изучения самих памятников. Уже очень давно пытались связывать каменных баб Восточной Европы с подобными скульптурами, выступающими на других территориях и в других отрезках времени. В этом отношении знаменательно указание В. Котвича: "Спешат установить параллель между человеческими скульптурами тюркских могил и скульптурами называемыми «баба», из Западной Сибири и Южной России, пытаюсь, таким образом, раскрыть проблему этих «баб», столь сложную для ученых. Однако эти сравнения не решают, а только осложняют вопрос. Дело в том, что в достаточной мере не учитываются местные различия и, прежде всего, не принимаются во внимание все обстоятельства, связанные с группой тюркских могил, относящихся к точной дате тюркского периода"³⁰. Каменных баб Восточной Европы начали в первую очередь сравнивать с бабами, расположенными на землях, где проживали древние тюрки, а именно в Монголии, в Туве, на Алтае, в Казахстане и Семиречьи. Кажется, что несмотря на, в принципе правильное направление этих поисков, они являлись преждевременными из-за низкого уровня изученности каменной резьбы древних тюрок на пространствах Азии. Поэтому серьезной и правильной нужно считать позицию тех ученых, которые, в связи с распространенностью явления, пытаются ограничить его во времени, в пространстве и типологически, а также путем детального анализа (предупрежденного точной каталогизацией) углубить изучение самих объектов в пределах выделенных типологических групп. Это касается, прежде всего, баб, приписываемых половцам. Вопреки критическому замечанию Л. Йисля, что результаты анализа и статистики в действительности скудные и не позволяют делать далеко идущие выводы³¹, кажется, что это необходимый и неизбежный этап исследований. Тем более, что в случае баб, приписываемых половцам, вопрос касается последнего этапа развития многовекового процесса. Однако, это не должно приводить к пренебрежению сравнительными исследованиями на общетюркском фоне.

Необходимо обратить внимание на несомненное существование эволюционного процесса данных объектов, соответствующего путям

политической экспансии тюркских народов: каменные бабы Казахстана и Семиречья еще довольно близкие каменным бабам Монголии и Алтая; с другой стороны, приписываемые половцам бабы являются конечным элементом развития и, в большинстве случаев, представляют собой наиболее тщательно изваянные объекты, в которых реалистическая концепция, опирающаяся на старательность камнетеса, нередко граничит с художественным мастерством.

Мы точно не знаем когда и под влиянием каких факторов начался отход от провил древнего этикета, требовавшего изображать умершего в положении сидя. У многочисленных т. наз. половецких баб обнаруживаются не только положение сидя, но также полусидя и стоя. Одна из причин этих изменений могла являться чисто технической, так как, по-видимому, не подлежит сомнению, что ваяние сидящего человека (несмотря на всю схематичность скульптуры) является более сложным, чем ваяние стоящего — что соответствует более типичной форме обыкновенного каменного блока (стелы).

1. Свидетельство источников

О балбалах древнейших тюрков сообщают орхонские надписи — о каменных бабах на территории Монголии или южной Сибири и письменных источниках, однако совершенно нет сведений.

Иначе сложились обстоятельства по отношению к близким нам во времени каменным бабам половецких степей, хотя и здесь краткие упоминания не разъясняют многих принципиальных вопросов. Общеизвестны и часто цитируются свидетельства персидско-азербайджанского поэта Низами с конца XII века и папского посла Г. де Рубрука с середины XIII века. В первом случае выдающийся поэт рассказывает в поэтических строках, как половецкие воины, проезжая по степи, поклоняются и приносят дары каменным изваяниям³². Во втором источнике, проезжающий через край половецв посол к великому хану сообщает: "Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу"³³.

Из более поздних времен сохранились также другие сведения. 1594 годом датируется упоминание посла немецкого императора к запорожским казакам Э. Лассоты о более чем двадцати каменных бабах, которые стоят на курганах или могилах на «татарском берегу» Днепра. Он лично осмотрел одну бабу на кургане на правом берегу Днепра около речки Суры³⁴. Составители "Книги Большому чертежу" 1627 г. трижды упоминают о «каменных людях» установленных на курганах и осуществляющих роль дорожных указателей для путешественников³⁵.

Сохранился целый ряд сведений второй половины XVII — XVIII вв. Неизвестный по имени украинский казак-разведчик, описывая в 1677 г. Маджарские степи на Куме, писал о находящихся там "человики по древнему обычаю от камня содиланы"³⁶. Шведский пленный Ф.-И. фон Страленберг, сосланный в Сибирь в 1709—1722 гг., описал и срисовал несколько баб, среди них и покрытое руническими надписями изваяние, установленное на могиле около Абакана³⁷. Наличие большого количества каменных баб севернее Азовского моря отметил в своих путевых записках немецкий врач Й.-Я. Лерхе, сопровождавший русские войска во время крымского похода 1738 г.³⁸ О каменной бабе, найденной в 1763 г. во время раскопок могилы, расположенной у верховьев рек Большого и Малого Ингула, сообщил академик Г.Ф. Миллер³⁹. Сведениями об антропоморфных скульптурах степей закрепили в конце XVIII в. путевые записки академиков, обследовавших экспедиционным путем огромные пространства Европейской и Азиатской России. О них писали И.-П. Фальк, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.-А. Гильденштедт, В.Ф. Зуев. Интересно, что на каменные изваяния обратил внимание известный польский путешественник, историк и писатель Я. Потоцкий, посетивший Ногайские степи в 1798 г.⁴⁰ Список авторов XVIII в., упоминавших о скульптурах евразийских степей, можно продолжить до нескольких десятков. Безусловно, множество сообщений о каменных бабах, рассеянных по литературе XVII—XX вв. — особенно об изваяниях, не дошедших до нашего времени — также играют роль свидетельства источника.

2. Типологическая классификация

Изваяния, количество которых составляет сотни экземпляров, можно классифицировать при помощи различных критериев. Ряд исследователей действительно предложили деления, очень отличающиеся друг от друга. Первую научную классификацию разработал П.А. Уваров.

Таким образом, с точки зрения пола представляемых лиц можно выделить мужские, женские и двухполые статуи; с точки зрения положения — сидящие, стоящие и полусидящие; с точки зрения способа представления — изображающие всего человека или одну только голову, или же только лицо. С точки зрения техники ваяния можно различать скульптурные статуи, отображающие человеческую фигуру спереди и сзади, или полустелы, изображающие только перед фигуры и являющиеся, в действительности, односторонне скульптурными плитами. Принимая во внимание материал, из которого изготовлены каменные бабы, их можно распределить на изваяния из известняка, песчаника или гранита. Учитывая как критерий одежду представляемых лиц, можно, прежде всего, различать бабы одетые и обнаженные. В свою очередь, используя как критерий различные элементы одежды, можно выделять, например, баб с непокрытой головой или с разнообразными головными уборами, как шляпы или круглые шапочки, иногда с полями — на мужских статуях; шляпы различных типов с "рогами" и без них, низкие шапочки с широким доньшком и т.д. на женских статуях.

Деления подобного типа можно приумножить. Однако, вряд ли существует в этом необходимость. Наоборот. Некоторые из них чисто формальные. Можно сомневаться в том, принесут ли они пользу при определении сущности проблемы.

3. Количество и коллекции

Несмотря на отсутствие каталогов всех коллекций каменных баб,

прогрессирующее их уничтожение и, одновременно находки новых скульптур, перевозку памятников из одного места в другое и т.д. — уже существуют ориентировочные данные, касающиеся количества известных нам экземпляров.

В изданной в 1955 г. работе А.Д. Грач информирует, что на территории Азии каменных баб больше всего найдено до сих пор в Туве, а только 29 на Алтае, 23 в Монголии, 6 в Хакасии. Немногим более 200 скульптур найдено в Семиречьи и на прилегающих землях Казахстана⁴¹. Следует считать, что эти данные нуждаются в некоторых дополнениях.

Приписываемых половцам баб сохранилось гораздо больше. Еще в середине XIX века в одной только Екатеринославской губернии находилось 428 каменных изваяний, а в 649 в степях южной России и Украины⁴². Это количество быстро уменьшалось. Крестьяне употребляли их вместо столбов для заборов, использовали как точильные камни, как камень для фундаментов и т.д. В 1908 г., согласно переписи проведенной по инициативе П.С. Уваровой местными учителями, землемерами и чиновниками, в южной России и Украине было зарегистрировано всего 1133 бабы⁴³.

По С.А. Плетневой, из тысячей статуй, когда-то стоявших в южных степях, сохранилось до наших дней несколько сот. В музеях, в больших и небольших районных городах, в селах Днепропетровщины и северного Приазовья она изучила, а во многих случаях лично открыла более 644 статуй, дополнительно собрав при этом сведения еще о 40 скульптурах⁴⁴. Изданный недавно С.А. Плетневой общий каталог регистрирует 1322 позиции⁴⁵.

С.А. Плетнева, взяв на себя огромный труд каталогизации каменных баб, описывает скульптуры принадлежавшие, по ее мнению, половцам надднепровским, приазовским, среднедонецким, нижнедонецким, нижнедонским, а также северокавказские, крымские, причерноморские, верхнедонецкие и поволжские скульптуры и изваяния, хранящиеся в Москве и Ленинграде⁴⁶.

Каменные бабы находятся в каждом историко-краеведческом музее южной Украины. Сегодня их можно найти среди коллекций Ни-

кополя, Кривого Рога, Киева, Запорожья, Мелитополя, Донецка, Симферополя, Ялты, Феодосии, Херсона, Ростова, Таганрога, Новочеркаска, Саратова, Воронежа, в заповеднике Аскания-Нова и во многих других местностях. Наиболее многочисленными являются коллекции в Днепропетровске (60 экземпляров, и в окрестностях еще 15), Краснодаре (53 экземпляра), Ворошиловграде (60), Жданове (37), Таганроге (20), Одессе (30), Новочеркасске (17), Бердянске (14), Донецке (26), Москве (33) и др.⁴⁷

Нигде не говорится о том, сколько экземпляров находится за пределами Советского Союза. По-видимому, их много. Поэтому стоит упомянуть, что 4 каменные бабы находятся в Неборове (Польша). Их привезли из украинских степей (по всей вероятности из имений Стецких) около 1820 г. для украшения магнатского имения (Аркадия) благодаря заботам Гелены из Пжездзецких Радзивилловой⁴⁸.

Говоря о бабах Балканского полуострова, мы имеем в виду изваяния на территории современной Болгарии, другими словами — в пределах Болгарии наддунайской. Окончательное их количество неизвестно, так как следует считаться с возможностью обнаружения новых экземпляров, главным образом на древних кладбищах. Всего известно шесть баб. Три хранятся в Археологическом музее в Варне (две из местностей Монастир и Эрзереве), две в народном музее в Шумене (из местностей Златна Нива, древнейшее название Энджэ, недалеко от Плиски), а шестая баба найдена в деревни Световрачанэ, недалеко от Софии.

Болгарские бабы отличаются друг от друга не только внешними признаками, как размер, материал, но и техникой исполнения и художественным стилем. Тем не менее, обе бабы из Златной Нивы очень похожи одна на одну (массивные туловища, бедра в виде треугольников, сходные лица, сосуду в одинаково согнутых руках и т.п.). Можно предположить, что они были высечены в одно и то же время и руками одного мастера. Совсем в другом стиле баба из Монастира: более плоская, представляет лицо без шеи, на изваянии резко обозначен пояс, от которого свешиваются подвески-фестоны с треугольными концами.

Относительно этнической атрибуции баб из Болгарии высказано много противоречивых мнений: одни считали их старославянскими идолами, другие готовы были видеть в них изваяния богомилов. Однако не может быть сомнения в том, что они имеют черты общие с бабами тюркских народов — Поволжья, Средней Азии и Южной Сибири, и что наибольшее число аргументов говорит за включением их в культурное наследие протоболгар или печенегов (сравни с. 68-69).

4. Значение сравнительных исследований.

Каменные бабы и курганы

Проблему приписываемых половцам баб необходимо рассматривать в сравнительном аспекте, сопоставляя их — однако только после детального исследования — с аналогичными фигурами других тюркских народностей, притягивая, по мере необходимости, материал из периода до появления тюрков в VI в. Одновременно кажется, что поиски чересчур отдаленных аналогий, например, славянских каменных изваяний или каменной резьбы из Западной Европы, не могут принести желаемых результатов. Как упоминалось выше, господствует убеждение о существовании группы каменных баб, авторство которых приписывают скифам. Тем не менее и в этой области существует определенное сомнение, в первую очередь в связи с тем, что каменные бабы стоят или около древних курганов, или на них, однако — как доказано исследованиями — даже в таком случае не имеют с ними генетической связи. Как считает С.А. Плетнева (а также и другие исследователи), придерживались принципа, чтобы баб было, по-возможности, видно из самых далеких расстояний и поэтому устанавливали их на возвышенностях, которыми часто являлись курганы. В связи с этим возникло убеждение, что бабы имели непосредственное отношение к создателям этих же курганов, т.е. главным образом к скифам или же, что их начали устанавливать в эпоху бронзы⁴⁹. Несмотря на эти оговорки, нужно признать, что группа баб, определяемых именем "скифских", действительно отличается специальным художественным стилем и комплексом деталей.

Часто упоминают о том, что В.А. Городцов раскопал восемь больших курганов и в шести из них не нашел никаких следов культуры кочевников⁵⁰. Это могло сопоставлять с фактами, что самые ранние тюрки, т.е. ту-кю, создавали своим каганам и вождям памятники, которые, как правило, не устанавливались на могилах: как известно, тело или сжигали, или хоронили после длительного периода, при чем останки ложили в подсобных гробах, часто вообще не обозначаемых.

На сегодня мы знаем более 100 захоронений приписываемых половцам, расположенных под курганами, однако ни одному из них не сопутствовало каменное изваяние. Это свидетельствует о том, что у половцев изваяния не являлись надгробными памятниками⁵¹.

5. Изображение умерших или их врагов?

Страстный и длительный спор на тему, кого представляют каменные бабы — самих умерших или их главных врагов, необходимо в случае изваяний приписываемых половцам, решить однозначно в том смысле, что в действительности это схематические изображения богатых или видных представителей кочевой аристократии и их женщин. Видных — так как великолепные памятники устанавливают (как и сейчас) людям, выдвинувшимся выше среднего уровня; богатых — так как, несомненно, не каждый из оставшихся при жизни радственников был в состоянии нести бремя трудов и расходов по подыскиванию или же транспортировке соответствующего камня (которого в некоторых регионах степи не было) и, самое главное, полу-ремесленной и полу-художественной обработки камня, которая, хотя основывалась на копировании и размножении, требовала все же значительного ремесленного, а в некоторых случаях также художественного мастерства.

В связи с этим можно считать, что существовали полу-профессионалы занимавшиеся ваением фигур подобного типа, и что во многих местах существовали каменные карьеры, из которых брали соответствующее сырье⁵².

В пользу того мнения, что каменные бабы изображают умерших

половцев, выдвигаются следующие аргументы. Многие элементы одежды изображенной на каменных бабах точно соответствуют предметам сохранившимся среди погребального инвентаря, приписываемого половцам. Поразительным примером подобного сходства являются каптарги, как это доказала С.А. Плетнева⁵³. Приверженцы аргумента, говорящего что ведь уже ту-кю устанавливали камни, являвшиеся изображениям своих врагов, и что таким же образом — по свидетельству Ибн-Фадлана — поступали огузы, кажется, забывают, что и балбалы, и бабы входившие в состав больших орхонских комплексов не были (кроме, конечно, камней, высеченных китайскими мастерами) изваяны столь тщательно, как большинство баб приписываемых половцам. Ссылки на естественное развитие художественных умений не являются убедительными, так как не удастся проследить подобное развитие художественного ремесла тюркских народов на протяжении ряда столетий. Напрашивается вывод о том, что более поздние тюрки начали ваить свои каменные бабы более тщательно и снабжать их многочисленными аутентичными деталями, потому что дело коснулось их близких умерших. В этой дискуссии важными кажутся психологические моменты. Прекрасно известно из различных письменных источников и этнографических данных, имеющих отношение к народам находящимся на более низкой ступени общественного развития, правило, что врага нужно осилить, что в исключительных случаях его можно спасти или снять с него вину, или же другим образом оказать великодушие, нпр. выдав тело или занявшись похоронами — установку, однако врагам памятников, и то в массовых общественных масштабах, нужно считать чрезвычайно редким, если не исключительным явлением. В некоторой степени оно находит однако подтверждение в интересном тувинском свидетельстве, которое за Л.В. Гребневым сообщил Л. Йисль. Итак, в тамошних преданиях относящихся к свадебным обычаям упоминается, что герой, добываясь невесты, убил самого могущественного из своих врагов и после этого установил большой камень или же каменную фигуру, представляющую убитого врага, должна была она остаться для будущих поколений свидетельством совершенного подвига⁵⁴. Тяжело однако определить

непосредственную связь между приведенным преданием и практикой установки каменных баб в контексте погребального ритуала.

Стоит привести контраргументы и вызванный ими скептицизм В. Котвича: "Другая гипотеза ... состоит в том, что «бабы» являлись изображениями самих умерших, отсюда и их различный пол; однако это менее правдоподобно. Рубрук говорит, что команы насыпают большой холм над своим усопшим и «erigunt ei statuam», т.е. хочет сказать: е м у, а не е г о, статую; действительно кажется очень странным, чтобы видели умершего, выполняющего обряды или службы, для которых предназначался тот или другой сосуд, который он держал в руках"⁵⁵.

Все еще сохраняет свою актуальность аргумент, выдвигаемый многими исследователями, между прочим также В.В. Бартольдом, что изваяния столь многих женщин несомненно не могут быть изображениями врагов. В связи с этим стоит напомнить, что — по сообщению Г.А. Федорова-Давыдова — среди "баб" приписываемых половцам больше 50% изображений женщин⁵⁶.

6. Каменные бабы и балбалы

Если проблема, кого в большинстве случаев представляют бабы из кыпчакских степей, кажется, может быть решенной (хотя мы и не знаем, насколько интенсивно придерживались этого обычая тюркские народы, близко родственные половцам), так ответ на тот же самый вопрос в отношении всех скульптур того же типа, оставленных древними тюрками, остается открытым. В действительности и приверженцы теорий "родных умерших" (выдвинутой впервые А.А. Спицыным)⁵⁷, и сторонники теории "врагов" не в состоянии — как указал Л. Йисль — представить обоснованный критерий распределения этих объектов, который говорил бы в пользу одного или другого тезиса⁵⁸. Эта проблема самым тесным и запутанным образом связана с вопросом о балбалах. Уже сто лет известно, что от больших памятников в честь тюркских властелинов в Монголии бегут в степь ряды камней, символизирующие убитых врагов и что обычно один из

этих камней — значительно больших размеров, имеющих примитивным образом обозначенные человеческие формы и часто покрытый тамгой или целой рунической надписью — изображал главного убитого врага погребенного лица. Однако, открытие чехословацко-монгольской экспедицией около комплекса Кюль-тегина наравне с балбалами также каменных баб как будто стерло разницу между обеими категориями изображений и вынудило искать новые попытки интерпретации. При таком положении Л. Йисль склонялся к выводу — укрепляемому многочисленными аргументами — что бабы, найденные в данном случае, и, как правило, в других случаях не отличаются ничем существенным от балбалов и просто изображают врагов тюрков ту-кю. Вот главные аргументы Л. Йисля: около памятника Кюль-тегина стояло по крайней мере пять каменных баб, которые не могли быть изображениями одного тюркского повелителя; действительные изображения Кюль-тегина и его жены были исполнены китайскими скульпторами и имеют портретный характер; об установке памятника врагу существует след в упомянутом выше фольклорном предании тувинцев; в соответствии с этикетом того времени умерших изображали только в положении сидя — немыслимо, чтобы умерший мог стоять в виде скульптуры около своего памятника или могилы; изваяния тюркских повелителей были испорчены путем отсекования голов, что, как обосновал В. Котвич, сделали, по-видимому, уйгуры, а каменных баб (кроме одного исключения) оставили в покое; уйгуры отнеслись к ним с уважением именно потому, что они изображали врагов ту-кю, т.е. потенциальных или фактических союзников уйгуров; усилия, приложенные для создания изображения врага и, таким образом, схватывания его души «in effigie» в мемориальном месте окупались, так как этот самый крупный враг умершего должен был с тех пор оказывать услуги умершему на том свете; поэтому более важным было высечение изображения главного врага, чем самого умершего; в конце концов изображения умерших также изготавливались, однако они были из недолговечного материала и не дошли до наших времен; некоторым исключением, не легко поддающимся объяснению, являются несомненно изображения трех умерших тюрков ту-кю (отца

и двух сыновей), высеченные в камне памятника из Ихе-Асхете⁵⁹.

Указанные рассуждения имеют и слабые стороны. Самую большую трудность вызывает вопрос, почему существовали две более "высокие" категории изображений врагов (фактически их было бы уже три — вместе с обыкновенными каменными, которые оставляем в стороне): примитивные балбалы в роде, например, балбала шада телесцев около памятника Бильге-кагана или Сабра-тархана около онгинского памятника, а также бабы с более антропоморфными формами и, иногда, также обозначенными чертами лица. Если для "закличания" души врага и принуждения его служить умершему хватало "примитивного" балбала, какую пользу должна была принести установка более тщательно изваянной бабы? Неужели во втором случае можно было рассчитывать на перспективу более эффективного действия? Необходимо подчеркнуть, что наши знания баб Центральной Азии и в частности Монголии не дают оснований для какой-либо этнической дифференциации этих изваяний. Кажется, большое значение в мнимой исчезновении разницы между изваяниями двух категорий нужно приписать влиянию времени, сопротивлению материала и примитивизму выполнения: несмотря на прекрасную память народов Востока, изваяния обеих категорий — часто похожие друг на друга, и, как правило, без надписи или тамги — нельзя было различить, когда уже прошло несколько поколений.

Пытаясь учитывать актуальный уровень исследований, можно предложить следующее решение. Интуитивному и дополнительно ослабленному сознанием многочисленных хронологических и этнических лакун убеждению в том, что разнообразные тюркские народы со времени древнейших доступных нам свидетельств устанавливали каменные бабы, должно сопутствовать убеждение, что этот обычай на протяжении нескольких веков значительно эволюционизировал. При этом можно различать два периода. В первом периоде каменные изваяния — имеющие форму то ли обыкновенных камней или столбов, то ли блоков с четко выраженными антропоморфными чертами — обозначали, в принципе, врагов. Во втором периоде, припадающем на время продвижения тюркских племен из территории Казахстана на причерноморские степи, осуществилось принципиальное изменение акцентов и каменные

бабы, подчиняющиеся наиболее распространенным средним образцам исполнения, однако в соответствии с талантом ваятеля, индивидуализированные, начали обозначать, преимущественно, самих умерших. Понятно, что для обоих периодов нужно допускать определенные исключения, основания которых нам неизвестны. Даже Л. Числь, видевший в бабах из Монголии изображения врагов, удерживается от утверждения, что именно так было во всех случаях⁶⁰.

Возможно, что в обычае установки портретных баб нужно видеть своего рода демократизацию обычая, которому положили начало как будто китайцы, установившие именно портретные скульптуры в Кошо-Цайдаме (для Кюль-тегина и Бильге-кагана).

Второй и конечный этап эволюции нашел свое отражение в т.н. половецких бабах, однако кажется мало вероятным, чтобы он был связан исключительно только с участием этого народа. Хотя на кристаллизацию этих важных перемен (охватывающих также определенную манеру стиля и комплекс деталей) повлияла значительная изолированность половцев, выдвинувшихся далеко на запад, а также культурные, в первую очередь религиозные, чужие влияния, все еще открытым остается вопрос, почему только половцы должны являться исключительными авторами этих перемен.

Невозможно очень далеко углубляться в прошлое, и все же можно предполагать, что самой ранней, так как самой простой идеей жителей степи являлось увековечение близкого умершего большим каменным блоком или столбом, который хотя бы в приближении своей величиной или очертаниями постоянно напоминал об умершем, тем более что о самом теле не очень заботились, сжигая его или оставляя в степи. Это был общедоступный способ и только на некоторых территориях временно и гораздо позже появился обычай изготовления изваяний из менее долговечного материала — дерева. Кажется вполне естественным, что с самых ранних времен проявлялось желание уподобить изображение живой или, точнее, мертвой модели. Это желание донесло до наших времен ряд каменных работ, в которых высечение с обеих сторон плоской стелы трехугольных углублений и отчленение, таким образом, головы от туловища являлось единствен-

ным антропоморфизирующим средством. Возможно, это та же самая идея, которая призывала различные народы устанавливать разнообразные обелиски, однако, наверное, отличалась от идеи надгробного камня, задачей которого было как хранить останки, так и охранять живых от умершего.

Этот обычай необходимо, несомненно, отличать от, по-видимому, более позднего обычая устанавливать балбалов, т.е. изображения врагов. Не исключена возможность, что ту-кю восприняли его от более ранних жителей степей или тайги⁶¹. Кажется, ареал употребления этого обычая был в значительной мере социально ограничен. Во-первых - обладание балбалом являлось привилегией воина, т.е., как правило, мужчины. Исследования учат нас, что это была прежде всего привилегия господствующей прослойки - каганов, министров, вождей, аристократов. Во-вторых - по-видимому, не каждый мужчина племени должен был иметь конкретного упорного или видного врага, которого желал бы получить под видом балбала. Антропоморфные балбалы, балбалы с идентифицирующей надписью или балбалы в виде рядов обыкновенных камней это, несмотря на все, привилегия исключительных личностей, и, по существу, мы не знаем, насколько глубоко этот обычай был распространен среди "черного народа" (тюр. *qara bulduq*). Кажется, обычай устанавливать балбалов не продолжил свое существование среди поздних тюрк-кочевников, и например у половцев мы ничего не слышим о рядах балбалов.

Стоит обратить внимание - если в отношении главного балбала в общем считается, что он всегда будет служить своему победителю в загробной жизни, так подобное предположение в отношении обыкновенных балбалов, обозначающих убитых более низкого ранга, не является столь очевидным. Учитывая, что в соответствии с верованиями тюркских народов существование "на том свете" представлялось в принципе совершенно похожим на земное, нужно считать, что все умершие враги "заколдованные" под видом каменных балбалов, при жизни принадлежавшие наверное различным народам и племенам, должны были составлять своего рода придворную гвардию умершего героя. Должен ли был главный балбал стоять во главе этой гвардии?

Анализируя большое, достигающее сотен и тысяч, количество установленных балбалов, ученые обращали внимание на то, что один воин не мог, по-видимому, собственными руками убить столь многих людей и что, может быть, некоторых погибших записывали, как сказать "в счет" умершего или же, что количество балбалов могло иметь символическое значение. В связи с этим возникает вопрос: большое количество камней не обозначает ли врагов убитых умершим собственноручно, а также убитых в сражениях проходивших под его командованием?

Известно, что во время похоронных празднований убивали ритуальным образом определенное количество пленных. Ж.-П. Ру предполагает, что эти жертвы могли дополнять созданную ранее группу балбалов⁶². Киргизский каган, упомянутый в тексте "Бильге-кагана", был убит за 17 лет до похоронных торжеств своего победителя!⁶³ Ж.-П. Ру напоминает здесь два значения слова балбал, предложенные В. Котвичем: 1. 'камень', 2. 'враг, принесенный в жертву'⁶⁴.

Возникает вопрос, можно ли вне всяких сомнений сказать, что т.н. половецкие бабы играли функции идентичные каменным изваяниям властелина и его жены памятников Кюль-тегина и Бильге-кагана?

7. Вопросы терминологии

Невозможность определить на многих территориях разницу между бабами и балбалами, возникающую с их иногда общей изобразительной функцией, является причиной, а часто также следствием терминологических разногласий. В связи с отсутствием более точных критериев деления, некоторые исследователи склонны сделать из "каменной бабы" доминирующее понятие, охватывающее все каменные изваяния, размещенные в азиатских степях в местах посвященных умершим, с чем, однако, соглашаются не все⁶⁵. Другие ученые пытаются доказать этимологическую близость слов 'балбал', 'болван' и 'баба' (между прочим можно указать, что первое из этих

слов нужно точнее писать как 'blbl', так как мы, по существу, не знаем гласных этого слова, записанного исключительно рунами⁶⁶, что до сих пор не принесло ничего определенного.

Некоторые исследователи (часто не языковеды) представляют вопрос таким образом, что половцы называли идолов балбалами, а летописцы Древней Руси передавали это слово как «болван» (или, хотя бы, в "Слове о плъку Игоревѣ" — «тѣмтораканьскій блѣванъ»). Простой народ, однако, будто бы выговаривал это чужое слово как «баба». Так и называли эти изваяния, несмотря на пол изображаемого лица⁶⁷. Иногда выводят происхождение тюр. 'blbl' от перс. 'rah-lavan', в основном благодаря семантической ассоциации — «борец, герой».

Давно уже обращено внимание на то, что в половецком языке слово «балбал» неизвестно (В.В. Бартольд, В. Котвич) и что вместо него пользовались словом 'sin', обозначающим 'des toden bilde'⁶⁸. Более новые исследования как-будто подтверждают это предположение. На основании отсутствия слова «балбал» в половецком языке предполагали, что к половцам уже не дошел обычай установки скульптур обозначающих врагов⁶⁹.

8. Пол изображаемых лиц

Общеизвестно, что приписываемые половцам бабы изображают как мужчин, так и женщин; при этом женских изваяний сохранилось — как упоминалось выше — более 50%⁷⁰. Мужские скульптуры обозначены усами и бородами, а также элементами вооружения и одежды, определяющими мужчину и воина. Женщины отличаются характерной одеждой и искусной прической. При чем, однако, косы не являются критерием пола, уак как носили их и мужчины, и женщины. На некоторых изваяниях обозначены как главные, так и второстепенные половые признаки. Большинство женских изваяний имеет точно представленную обнаженную массивную грудь. Немногим отличаются изображения груди тучных мужчин.

Настоящую трудность для исследователей представляют изображения лиц двухполых. При этом не подлежит сомнению, что к этому не имеет отношения ирония врага, мщение потомков и т.п. Изваяния сами по себе не оставляют сомнений по поводу намерений изваятелей⁷¹. Потому что мало вероятной кажется гипотеза о каком-то избытии гермафродитов, весь вопрос следует перенести в сферу представлений людей, заказывающих подобные скульптуры. Эти случаи можно объяснить тем, что если определенная видная личность (а касается это именно таких) имела какие-нибудь слегка намеченные психические или второстепенные физические признаки противоположного пола, тогда определившийся облик подвергался деформации, усилению признаков и, в результате, изображаемое лицо получало дополнительные признаки противоположного пола. Этому благоприятствовала обычная у древних народов тенденция отмечать необыкновенные и странные явления. Под влиянием не всегда искусного камнетеса торс тучного мужчины получал признаки женской груди, а женщина, храбро сражавшаяся с врагом при жизни, получала мужские атрибуты в виде усов, бороды и т.д. Дело могло заключаться также в том, чтобы показать другим, что в роду имелся необыкновенный родственник — и сколь особой была его утрата.

Менее правдоподобной кажется попытка объяснения этого явления в плане религиозных представлений о потусторонней жизни, которая, в общих чертах, должна была походить на земную и в которой умершие живут и без изменений сохраняют свои биологические признаки.

9. Индивидуализация, портретные тенденции

Входило ли в намерения создателей баб желание схватить индивидуальные черты изображаемого лица? Ответ на этот вопрос разделяет исследователей на два лагеря. Однако, кажется, существует возможность согласовать две точки зрения. Тяжело отрицать, что естественным скрытым или явным желанием, передаваемым камнетесам, являлось стремление, чтобы каменный столб, устанавливаемый

в честь умершего, мог лучшим образом его напоминать⁷². Это очень человеческое стремление не выдерживало практики и могло быть реализовано только в редких случаях, в основном, по двум причинам: неумелости самих камнетесов, полуремесленников, полухудожников или любителей, действовавших примитивными орудиями и не всегда обладавших талантом; и сложным сегодня для определения барьером типизации или стандартизации изделия. Тяжело не согласиться с наблюдением Л. Йисля, что "дело касается типизации лица и положения и что «каменные бабы» воплощают сами по себе определенную схему, даже тогда, когда, понятным образом, устанавливаются также некоторые различия"⁷³. С другой стороны, даже если говорить о более раннем периоде, "то естественно можно полагать, что первоначальные изображения были у кыргызов портретны, т.е. была попытка воспроизвести облик покойного"⁷⁴. Таким образом, объектом исследований должна быть существенная проблема о том, имеет ли в своей основе разница, наблюдаемая между различными группами баб или отдельными экземплярами одной группы, индивидуализирующие тенденции, или не имеет их. На практике все может сводиться к позе изображаемого лица или к деталям одежды и различных атрибутов присовокупляемых персонажам, нпр. музыкальный инструмент. В отношении черт лица — их можно сравнивать только между отдельными статуями, так как существуют минимальные шансы отыскания какой-нибудь модели. Даже необычная находка портретного изображения Кюль-тегина и его жены⁷⁵ не продвинула вперед вопрос об индивидуальном характере каменных баб.

В этом месте стоит упомянуть о гипотезе Л.И. Альбаума, усматривающего изображение одного из представителей эфталитской аристократии в каменной бабе, происходящей из местности Токмак⁷⁶.

10. Предметы изображенные на скульптурах

Приписываемые половцам бабы представляют изображения людей оснащенных характерными элементами вооружения, одежды, прически и предметам ежедневного употребления. Несомненно, различные атри-

буты характерны для мужских и женских изваяний, хотя в некоторых областях разница не очень большая. Почти одинаковые, например, главные элементы одежды, состоящие из кафтана, брюк и сапог. Вооружение характерно почти исключительно для мужчин; С.А. Плетнева в своем обширном каталоге цитирует только один пример изваяния женщины («амазонки») с изображением оружия⁷⁷. Принципиальная разница, определяющая женские изваяния, сводится, кроме этого, к отличным и более богатым типам головных уборов, а также к многочисленным украшениям, видимым на одежде, в виде обшивок, галунов, орнамента и многочисленных драгоценностей.

Итак, у мужских баб находим длинные по колена кафтаны, брюки, сапоги, рубашки и пояса. На головах имеются уборы в виде капюшонов-башлыков или шапочек. Наиболее часто бабы изображают вооруженных воинов с полным арсеналом вооружения того времени, со шлемами на голове, иногда в панцирях, с бляхами на груди, укрепленными точно обозначенной замысловатой системой ремней и пряжек. Из наступательного вооружения отображены на изваяниях сабли, луки, колчаны и плети.

Из характерных элементов нужно упомянуть еще косы — две или три, спадающие на плечи. Многочисленные предметы ежедневного употребления обычно прикреплены на скульптурах к поясу. Это прежде всего, ножи, огнива, гребени, шила, различного вида сумочки и музыкальные инструменты. Очень редко имеются зеркала, гораздо чаще являющиеся атрибутом женских скульптур⁷⁸.

У женских баб определяется особое богатство в области головных уборов, являющихся соединением шляпы, прически и украшений. Особенно характерны т. наз. "роги", на которых держится вся конструкция, отмечающиеся в трех разновидностях. Одних только шляп определяется шесть типов. Основная одежда припоминает мужскую: кафтан, часто богато орнаментирован, брюки, сапоги. Очень прецизно обозначены различные украшения одежды: цепочки и ленточки, соединяющие, между прочим, шляпы с кафтанами, ожерелья шести типов, подвески, сумочки (по-видимому, на талисманы). На поясах подвешивались ножи, огнива, сумки, гребеня, зеркала, музыкальные ин-

струменты, а также щеточки различных видов и несколько других предметов неизвестного назначения⁷⁹.

Все эти изваяния имеют, как правило, в руках сосуд. Так как, можно предположить, дело не в обыкновенном предмете, а в символическом элементе, значение которого до сих пор не нашло единого объяснения, посвящаем ему отдельный параграф.

11. Сосуд

Общезвестно, что бабы различных типов держат обычно на животе ниже пупка в руках каменные сосуды, функция которых до сих пор окончательно не выяснена. Упомянутый сосуд имеет, рассматривая более огульно, вид то ли чары, то ли кубка с обозначенным сверху отверстием. Одни ученые считают этот сосуд как символическое изображение жертвоприношения, в котором должен находится какой-то напиток бессмертия; другие — что углубление поощряет приношение жертвований — подачней в честь умершего и т.д.

Г.Е. Грум-Гржимайло предполагал, что сосуд, который держат каменные скульптуры, это урна с пеплом (сравни с. 109). В. Котвич не отбрасывал а priori это предположение, однако более приемлемым считал тезис о том, что сосуд должен служить для актов пирования. Этот ученый обращал большое внимание на направление, в котором обращено данное лицо⁸⁰.

По А.Н. Бернштаму положение баб со сложенными руками обозначало покорность и подчинение, а чаша в руках могла обозначать приношение даров⁸¹. По мнению Л. Йисля, чаша в руках отражает обычай принесения в дар напитка — обычай, который особенно у кочевников сохранился до сих пор⁸². По Л.А. Евтюховой и А.Д. Грачу не каждая баба с сосудом в одной или двух руках имеет пришевленную сабдю. Второе — каждая баба с сабдией держит также сосуд⁸³. Кажется, что связывание наличия сосуда с обладанием сабдией является должным следом. Около 50% сосудов из Монголии это кубки (чаши), которые, однако, не встречаются в Туве, где они заменены другими изображениями.

А.Н. Бернштам упоминает о тюркской каменной бабе из Чуйской долины; это изваяние держит сосуд, а на другой руке сидит птица, являющаяся, наиболее вероятно, символическим изображением души умершего. Оттуда все изображения с птицами нужно считать изображениями умерших (нпр. в Ихе-Асхете в Монголии). А.Н. Бернштам считает, что поза баб взята из буддийской иконографии, а сосуд обозначает приношение жертвования, полностью соответствующее с упомянутой функцией изваяния как целости⁸⁴.

Очень привлекательной является гипотеза Л.П. Кызласова, убежденного, что эти столь хлопотливые сосуды не скрывают никакой тайны и их можно объяснить очень просто. Как известно, поблизости гроба или могилы, а может быть чаще поблизости места посвященного умершему, проводились различного рода поминки, во время которых обильно потчевались напитками. Вера в то, что смерть человека не является чем-то необратимым, а также тоска и боль привели к убеждению, что умерший, хотя бы только в виде изображения, также принимает участие в празднованиях в свою собственную честь. Отсюда и обычай изображать умерших с чашей для напитка в руке, из которой они "пьют" таким же образом, как и другие пирующие⁸⁵. Кажется, что подкупающая своей простотой теория Л.Р. Кызласова требует углубления также в пределах самого акта пиршества, так как при предлагаемой комбинации положение не совсем логично: умерший, воплощенный в камне, пьет напиток в свою собственную честь!

С.А. Плетнева различает пять типов сосудов: 1) простые, цилиндрические, иногда имеющие в верхней части венчик с насечкой; 2) похожие на горшочек с суженной шейкой и доньшком; 3) цилиндрические с выделанными в виде валиков венчиком и донцем; 4) конусовидные, с широким горлом и узким дном; 5) бокаловидные с конусовидным дном⁸⁶.

12. Расположение баб в отношении к другим элементам памятника

Каменные бабы встречающиеся на территории древнего восточнотюркского каганата середины VIII в., т.е. в Монголии, в округах сегодняшней Тувы, на Алтае, а также в пограничных северокайтских территориях, были расположены, как правило, с восточной стороны места, посвященного умершим, огражденного камнями или каменными плитами участка земли, либо большого комплекса типа орхонских памятников. Путешествуя по степи, иногда создается впечатление, что бабы стоят также отдельно, однако это, по-видимому, ошибочное мнение.

Отмеченный давно, хотя в связи с перемещением или уничтожением баб, сложный для однозначной интерпретации факт ихнего расположения вне собственно территории памятника очень существенный, и даже до такой степени, что Л. Йисль пытался достать из него главный критерий, отличающий эти изваяния (являющиеся, по его мнению — как мы знаем — в большинстве случаев балбалами) от всех других фигур, принадлежащих к памятнику⁸⁷.

Л.А. Евтюхова отметила, что изваяния устанавливались древними тюрками Сибири не на могилах, а в пределах специально образуемых оградок из камней, играющих, во всей вероятности, роль алтарей⁸⁸. Как упоминалось выше, баб устанавливали на курганах, насыпанных другими народами, по-видимому в основном для того, чтобы их легче было увидеть издали. Стоит отметить, что даже в таком случае требование установления бабы за пределами территории, имеющей отношение к умершему, было осуществимо, так как тюрки нередко хоронили своих умерших в верхушке кургана в виде т.наз. впускных погребений.

13. Каменные оградки

Степные территории, устья долин и скаты гор, когда-то заселенные тюркскими народами, до сих пор покрыты тысячами камен-

ных ограждений, которые оцепляют участки земли и создают своего рода "огороды" (нем.: Steinsetzungen, Steinzaune; франц.: clôtures de pierres; русс.: оградки, поминальные оградки). Их формы очень разнообразны, чаще всего сформированы в плане прямоугольника, квадрата или же круга; имеются, однако, также более сложные формы, нпр. удлиненный прямоугольник, разделенный по ширине на три или больше частей, квадрат с небольшими кругами около всех четырех углов и т.д. Иногда в пределах этих "огородов" бегут дальнейшие ряды камней, создавая дорожки и коридоры и разделяя территорию на более мелкие участки. От внешней стороны оградки кое-где отходит ряд камней (изредка достигающий до 3 км длины); это так часто описываемые балбалы, символические изображения врагов, убитых умершим при жизни. Описанием и исследованием этих странных для европейских представлений "огородов" занимались многочисленные ученые, хотя обычно на втором плане других проблем. Большие заслуги в деле изучения их распространения на территории южной Сибири, Алтая и северо-западной Монголии, а также определения их типов принадлежат Й.Г. Гранэ.

Финский ученый обратил внимание на тот факт, что оградки встречаются не только в совокупности с могилами, но и без более близкой связи с ними; что они могут быть очень небольшими; что укладывали их обычно из камней, величиной в человеческую голову, и что иногда им сопутствуют каменные столбы. Г.И. Гранэ отметил семь типов этих оградок: 1) обыкновенные ряды камней — одинарные иногда двойные, бегущие параллельно друг другу; 2) круглые; 3) четырехугольные; 4) двойные, окруженные двумя параллельными рядами камней; 5) составленные из многих частей; 6) с каменным столбом, расположенным извне; 7) с каменным столбом, расположенным внутри. Подчеркнул, что существуют, кроме этого, различные формы, являющиеся комбинациями указанных типов⁸⁹. Создатели оградок часто обозначали сторону света, почти как правило — восток. Делали это путем размещения каменных столбов, рядов камней или сторон оградок в желаемом направлении, пропуская несколько столбов из определенной стороны оградки и сооружая таким обра-

зом ворота - отверстия в определенной стороне оградки⁹⁰.

Много внимания каменным оградкам уделила Л.А. Евтѣхова, а ценные сведения подбросили Л. Йисль, Л.Р. Кызласов, С.А. Плетнева и другие.

Камни, употребляемые на оградки, являются местным материалом, имеют различные формы и различные размеры - от нерегулярных или частично обработанных блоков до гальки, от камешков поменьше кулака до огромных глыб. При употреблении плит или блоков их тяжело отличить от степных могил. В Туве оградки обычно выполнены из каменных плиток (высотой в 0,1-0,5 м), вложенных в узкие рвы.

Какие функции выполняли эти оградки, каким было их значение? Эти вопросы ставились давно, однако сообщаемые ответы не удовлетворяют многих исследователей⁹¹. Наиболее простым, навязываемым неподготовленному наблюдателю ответом было мнение, что они обозначают могилы; так считали многие путешественники и исследователи, не проводившие археологических раскопок. Тем не менее, это только частичный ответ, в большинстве случаев являющийся ложным, так как проблема гораздо более сложная.

Обозначение места погребения умершего при помощи почти повсюду доступного материала - одной брилы или холмика набросанных камней - имеет в жизни кочевых степных народов традицию, начало которой невозможно определить. Это относится также к тюркам. Стоит, все же, осознать символические функции разнообразных магических кругов, известных из прошлого многих народов, существование многочисленных практик, направленных на разграничение мира умерших от мира живых - чтобы вспомнить, по-видимому, принадлежащий только к этим явлениям, ритуальный объезд вокруг юрты с умершим или вокруг могилы, а также упомянуть свидетельства археологии, утверждающие, что эти "огороды" вообще не являются захоронениями, чтобы все дело увидеть в более сложной перспективе.

На основании проведенных до сих пор исследований можно считать, что в убеждении многих древних тюркских народов, начиная

от ту-кю, и судьба тела умершего человека, и место его вечного покоя не являются самой важной проблемой. В результате подобных убеждений, когда тело сжигали, а останки оставляли непогребенными, и также когда укладывали их в земле или же оставляли в степи - не очень заботились об ихней судьбе. Действовали скорее всего без шума, помещая тело, часто испепеленное, под курганом или в небольших вспомогательных захоронениях, специально замаскированных⁹². Предметом более заметной заботы являлись однако кости.

Гораздо более важным был вопрос обеспечения покоя и собственного существования умершему, а также одной из его душ, которая на определенный период после смерти все еще оставалась дальше на земле. Таким образом, мы подходим к широко распространенной среди древних тюрков идее и практике сооружения различных конструкций и выделения мест посвященных памяти умерших, мест, в которых одна из душ имеет свое место пребывания.

В этой области много зависело от общественного положения умершего, а также зажиточности и щедрости его семьи, в связи с чем имеем дело с памятниками различного характера. Наиболее известны прекрасные памятники тюркских властелинов VII в. над Орхоном, Селенгой и Толой, в которых встречаются такие элементы, как портретные скульптуры самих умерших и их жен, стелы с надписями, саркофаги, балбалы, каменные бабы, жертвенные камни и т.д. Более скромны памятники тюркских сановников в Туве. Необходимо обратить внимание, что памятники охранялись специальной системой, окружающей их. Итак, главным элементом был ров, а около памятника Кюль-тегина находилась также стена из утрамбованной земли и еще водный бассейн, охранявший вход. Извне тянулся ряд балбалов (насчитывающий около 3 км, в конце отклоняющийся от своей главной линии), который должен был соединять душу умершего с небом. Возможно, что балбалы окружали целую стену⁹³. Похожие, хотя в меньшей мере разросшиеся защитные системы, известны также из других территорий, на которых проживают тюрки. Так напр. советские исследования в Туве показали, что курган около деревни Сарыг-Будун в Эрзинском районе был окружен рвом 0,25 м глубины и 2 м ширины.

Сам ров, в свою очередь, был окружен валом шириной 2-3 м. Похожую конструкцию нашли также в котловине Деспен. Здесь обнаружен каменный курган диаметром 8 м, окруженный четырехугольным валом. Внутри вала протянулся ров до 2 м ширины и до 0,5 м глубины. В месте разрыва вала находилась каменная оградка. По середине восточной стороны ограждения стояло еще одно каменное изваяние, а по направлению к востоку на расстоянии 278 м протянулся ряд камней-балбалов. На 143 метре этот ряд образовал небольшой круг. На северной стороне ограждения, уже на вале, к нему присоединилось второе небольшое ограждение размером 1,5 · 1,6 м⁹⁴. Современные исследователи, по-видимому, согласны с тем, что все указанные выше средства (к которым в случае памятника Кюль-тегина, а также и Бильге-кагана нужно присоединить также апотропеидные маски, прикрепленные к стенам святилища) должны были охранять памятник не столь от людей и животных, как от злых духов. Предполагалось именно, что эти духи, несмотря на всю необычность своего существа, довольно ограничены, и установление баррикад при входе при помощи вала, или бассейна с водой, или же отклонения ряда балбалов, т.е. препятствий, которые в физическом отношении мог преодолеть любой ребенок, помешают злым духам найти правильное направление и добраться до места пребывания души.

Таким образом можно считать, что тем, чем в случае богато оснащенных памятников являлся ров, вал, стена или бассейн с водой, в случае памятника обыкновенного человека являлась легкая для сооружения без затрат и особого труда каменная оградка. Несомненно, случалось также (археологические исследования до сих пор не дали ясной картины, затемненной между прочим, возможностью производить захоронения несколько раз в том же самом месте), что участок степи, огражденный камнями, являлся не только памятником умершему (иногда нескольким лицам), но также и могилей человека, похороненного здесь позже, однако, как правило, функции эти были разделены. Как показали исследования, нигде не удалось найти человеческих костей⁹⁵. Какое, следовательно, было назначение оградок?

Только относительно недавно начало укрепляться мнение, имеющее уже более столетнюю историю, что обычай устанавливания каменных изваяний и курганов близко объединяется с культом, которым занимались в оградках, расположенных по соседству. У процессе продвижения тюрков на запад оградки исчезали, а половцам они уже — по мнению некоторых исследователей — остались совершенно неизвестны. В связи с постоянно подтверждающимися результатами археологических исследований о том, что каменные изваяния не имеют непосредственной связи с погребениями людей в курганах, проблема каменных оградок превратилась в особенно интересную. Сегодня уже общепринято мнение, что у древних азиатских тюрков из территорий Алтая, Тувы, Монголии, а также Казахстана и Семиречья каменные оградки определяли места посвященные умершим, в частности окружали их памятники, а также что в этих местах совершали торжества, имеющие отношение к умершим.

Тяжело вполне определенно говорить о том, в чем выражались эти торжества, однако не подлежит сомнению, что постройка памятного места была важным торжеством и что главным элементом этого, а также повторяемых позже торжеств, являлось жертвоприношение и потребление ритуального пира, т.е. тризны. Об этом свидетельствуют археологические данные. И так на Алтае и в Туве раскопано десятки подобных комплексов состоящих из курганов и оградок, что помогло определить главные их особенности⁹⁶. В центре упомянутых объектов, под курганом, как правило, находилась круглая яма диаметром 40-80 см, заполненная большими камнями, присыпанными землей, углем и пеплом. Ближе ко дну находились куски истлевшего дерева, иногда же на самом дне заостренный деревянный кол диаметром до 30 см. В каждой из ям находили на дне спинные позвонки барана или нижние челюсти лошади и др. Кости этих же животных вместе с углем и пеплом находили также в горизонтальном шаре под курганами. Не находили однако — как уже упоминалось — ни целых, ни обожженных человеческих костей⁹⁷.

В связи с упомянутыми выше открытиями Л.А. Евтюхова пришла к убеждению об одновременном происхождении каменных изваяний и

курганов, в которых имеются захоронения VII—IX вв. н.э. Заметила она также, что в большинстве случаев оградки расположены поблизости курганов и будто бы входят вместе с ними в единый комплекс. Л.А. Евтюхова предполагает, что "повидимому, площадки в пределах оградки являются местом поминальных жертв, своеобразными алтарями, сооруженными в память погребенных в соседних курганах"⁹⁸. Этот взгляд, как будто, разделяют также С.А. Плетнева⁹⁹, Л.Р. Кыласов¹⁰⁰, Г.А. Федоров-Давыдов¹⁰¹, его придерживался также Л. Йисль¹⁰².

Находки не могут нам, однако, более детально сообщить в каких местах и в какое время проводились поминки и жертвоприношения, следы которых были открыты. В отношении места необходимо различать первое торжество, проходившее сразу же после смерти или, точнее, после погребения, от торжества установки памятника, а также более поздних поминальных празднеств. Здесь существует пять главных возможностей: поминание умершего, присовокупленное к пиру, могло проходить в юрте умершего или его родственников, около могилы, на или же около памятного места, окруженного оградкой, а также могло начинаться в юрте, заканчиваясь на могиле¹⁰³. Сам факт выделения площадок, посвященных умершим, но не являющихся могилами, наталкивает на мысль, что наиболее часто употреблялся третий или четвертый вариант.

Г.А. Федоров-Давыдов — предполагая заранее, что посредниками при перенесении обычая установки каменных баб от тюрок Семиречья к половцам являлись кимаки, и что западные кыпчаки, заимствуя идею и обычай установки изваяний и соблюдая особенности изваяний родственных им восточных племен, одновременно очень изменили стиль исполнения и вид изваяний — утверждает, что "обычай ставить каменные фигуры... был, видимо, связан с особым культом, отправляемым в каменных оградках"¹⁰⁴. Существует ли возможность определить этот культ более точно?

В отношении древних азиатских тюрок упомянутых выше территорий сомнения могут коснуться только различий между культом умерших и культом предков. На этот вопрос в отношении алтайских

народов обращает внимание Ж.-П. Ру¹⁰⁵. Однако сомнения увеличиваются вместе с прослеживанием этого явления в отношении продвижения тюрок на запад. Благодаря свидетельству письменных источников о почитании половцами изваяний можно предполагать, что каменные оградки, обычно сопутствующие им на территориях расположенных более на востоке, переменили, точнее расширили свои функции: являясь дальше как в Азии местом культа умерших или предков, постепенно, особенно при скоплении нескольких объектов, превращались в места культа местных божеств — до этого ранга как будто выростали видные представители рода. Существо культа предков, приближающегося к культу божества, метко определил упомянутый французский ученый: "От уважения к поклонению продвижение заметно, и хотя предок никогда не стал богом, он получает, как бог, преклонение своих: это почитание предков"¹⁰⁶.

Таким образом, функции каменных оградок — как и других подобных защитных сооружений этого типа — кажутся двойными. Во-первых, они должны обозначать место, посвященное умершему и принадлежащее ему и, одновременно, являться местопребыванием одной из его душ. Во-вторых, они должны образовать магическое препятствие; охраняющее само место от вторжения злых духов, которые могли бы принести несчастье душе, а, может быть, даже ее похитить. Не исключается также и третья функция, а именно: охрана живых от души, пытающейся вырваться наружу. Об этом точнее ничего неизвестно, однако в свете многочисленных средств, употребляемых живыми для защиты от умерших, нельзя ее исключать.

О том насколько важную роль в ощущениях древних тюрок играли эти каменные оградки, отделяющие мир умерших от мира живых, свидетельствует обычай устанавливания портретной резьбы умерших, балбалов и баб в положении зависимом от этих оградок. Итак, принципом применяемым (хотя и не без исключений) у ту-кю являлось, что изваяния умершего, его жены, а также, по-видимому, надворных сановников или гостей прибывших на погребальные торжества, устанавливали в пределах оградки, а балбалов вне ее пределов¹⁰⁷. В причерноморских степях, в связи с выходом из употребления обы-

чая установки балбалов и оградок, это различие потеряло все значение.

Функция оградок, по существу, не очень переменялась тогда, когда напр. у половцев места, которые они окружали, превратились в объект массовых посещений, а установленные в их пределах изваяния — в предмет живого, граничащего с обожествлением культа. Подобным образом, как и раньше, они отграничивают и сейчас действительный мир от мира сверхъестественного (хотя понимаемого вполне реально), в котором находятся умершие, *profanum* от *sacrum*.

Г.А. Федоров-Давыдов, подчеркивая существенную разницу между изваяниями в Восточной Европе и изваяниями Восточной Сибири и Монголии, писал: "Во-первых, в степях Южной России нет верениц простых камней балбалов, во-вторых, нет каменных оградок около изваяний, в-третьих, кроме мужских статуй... в южнорусских степях представлено большое количество женских статуй. Все эти отличия зародились еще в Семиречье"¹⁰⁸.

14. Транспорт

Некоторые ученые отрицали наличие у тюрков более высоких художественных дарований и считали, что антропоморфные изваяния, имеющиеся около памятников тюркских властелинов в Монголии, просто привозились из других мест и из других надгробных памятников. Этого мнения придерживался А.И. Соболевский, за ним пошел Г.Е. Грум-Гржимайло. А вот рассуждения В. Котвича об этом: "Можно отметить теоретически возможность допускать транспортировку могильных изваяний, однако это невозможно проверить и в результате все новые выводы нужно рассматривать как преждевременные и даже сомнительные"¹⁰⁹.

Так как теория тюркского происхождения балбалов и баб принята почти всеми, предположения А.И. Соболевского и Г.Е. Грум-Гржимайло потеряли значение. А вопросы транспорта начали рассматривать с двух других точек зрения. Во-первых, как транспортировку уже готовых каменных блоков из каменных карьеров в мастерские

и из мастерских в виде готового изделия до места назначения. Если вырубывание блоков соответствующих размеров и качества являлось для половецких ремесленников (не исключено, что занимались этим чужие ремесленники, может быть пленные) значительным техническим достижением, так транспорт по степи при помощи животных не кажется нам ничем особо сложным. Во-вторых, вопросы транспорта снова подверглись оживленной дискуссии в связи с распространенным ранее тезисом, что балбалы можно было дарить умершему лично или на расстояние с намерением поместить это изображение около памятника умершего. На практике это могло обозначать, что какой-нибудь близкий родственник или знакомый, находившийся далеко от траурных церемоний, мог или лично изготовить балбала и привезти его или же заказать в какой-нибудь мастерской с указанием перевезти его на место. В связи с этим Л. Йисль отмечает, что баб-балбалов привозили иногда также из далеких мест, что зависело от места проживания жертводателя. Поэтому могли это быть также изваяния изготовленные из материала неизвестного на месте¹¹⁰. О том как развевывалась дискуссия вокруг вопроса о транспортировке баб в причерноморских степях, информирует параграф: "Петроархеологическое исследование" (см. глава III).

15. Почести отдаваемые изваяниям

Обширные степные территории не богаты на творения рук человеческих, а те, которые существуют, несмотря на течение столетий, вызывают большой интерес и уважение среди жителей степи, что даже сегодня отмечается в Монголии. Специальным почитанием окружали как обожествленные создания природы, так и элементы связанные с культом умерших — придорожные насыпные холмы, камни, курганы и, конечно, изображения людей¹¹¹. Нет в том ничего удивительного, что и каменные бабы были окружены особым почитанием. К сожалению, у нас нет данных для заключения о том, насколько длительным было это чувство и в течение скольких поколений оно оставалось живым.

Эти проявления, наверное, усиливались, когда скопления баб

в одном месте превращались фактически в святилища (сравни также предыдущий параграф)¹¹².

В связи с этим необходимо обратить внимание, что мы не знаем точно, какую функцию исполняли святилища-мавзолеи и каменные саркофаги, встечаемые около памятников ту-кю. С другой стороны, мы не всегда в состоянии ответить на вопрос о том, что находилось в разнообразных по форме насыпных холмах из более мелких камней, массово встречающихся в степи: были ли это места погребений, места трупосожжения и захоронения пепля или же просто памятники посвященные почитанию умерших¹¹³.

Между прочим стоит упомянуть и о том, что в соответствии с верованиями тюрков одна из душ человека после его смерти находилась дальше по соседству с телом, поддерживая связь с этим миром и как будто вела полуземную жизнь. У нас нет точных сведений (исключая утверждения Л. Йисля в отношении древних тюрков в Монголии) о том, что умерший мог получить несколько баб. В принципе дело касалось одной бабы, которая должна была изображать умершего. Эта идея, по-видимому, нашла отражение в конструкции надгробных памятников, в которых душа имела свое вместилище и где, как говорит В. Котвич, "земной мир состоял бы в контакте с загробным"¹¹⁴. По-видимому, для того чтобы задержать эту душу на месте, употреблялись святилища-мавзолеи и саркофаги. Возникает однако предположение, что эту же функцию определения особого места посвященного умершему выполняли, в случае обыкновенных умерших, каменные оградки. Мы знаем, что они должны были охранять от вторжения злых духов (для этой же цели также искривлялись ряды балбалов)¹¹⁵; охранять саму душу, а в более поздний период религиозных представлений - по-видимому, как в случае половцев - священность обожествленных изваяний предков.

16. Этнический аспект

В группе проблем связанных с каменными бабами последнее место занимает вопрос атрибуции этих изваяний. После того, как

были отброшены малообоснованные старые теории, главными создателями и собственниками этих изваяний считают тюркские народы, отделяя при этом от них баб эпохи бронзы и скифского или скифо-сарматского периодов с характерными совершенно отличительными чертами. Общеизвестно, что каменных баб устанавливали как на древнейшие известные нам тюрки - ту-кю, так и в гораздо более позднюю фазу - половцы (команы, кыпчаки). С другой стороны, мы вынуждены строить далекоидущие предположения в отношении других тюркских племен и народностей, в основном тех, которые проживали на различных территориях в период VIII-XIII вв. Генезис обычая устанавливать изваяния до сих пор не нашел удовлетворительного объяснения, а в свете более столетних, малопродуктивных исследований кажется даже необъяснимым, особенно если заняться возможными связями с отдаленной скифо-сарматской эпохой. К примеру укажем на мнение А.Н. Бернштама: надо "полагать, что центром происхождения балбалов является страна древних киргизов - Минусинский край"¹¹⁶. По мнению же Л.Р. Кызласова, тюркские каменные скульптуры VI-VIII и следующих столетий родились еще в дотюркский период, именно в период таштыкской культуры; при этом центром зарождения должно было являться Алтайско-Саянское нагорье - Хакаско-Минусинская долина и возможно Алтай¹¹⁷. Из этого следует, что народом, который должен был научить ту-кю этой практики, являлись енисейские киргизы. С другой стороны, по-видимому, стоит подумать о том, не нужно ли считаться с какой-либо формой посредничества хунну, в конфедерацию которых, состоящую из различных народов, входили ту-кю. Во всяком случае, нельзя также забывать здесь о китайских влияниях - столь четко засвидетельствованных на памятниках тюркских властителей центральной Монголии, и слабее на периферии, для чего стоит указать на памятники в Дариганге, памятники тюркских владетелей в Туве и даже находку каменной черепахи в Казахстане¹¹⁸.

В этом месте необходимо сделать очень важную оговорку - необходимо спросить, по отношению к какому типу каменных изваяний мы хотим искать источники и аналогии. Как известно (об этом упоминалось выше), среди исследователей нет согласия в отношении того,

что нужно называть "бабой", а что "балбалом", а также кого должны отображать эти две группы. Одновременно нигде не говорится, что эти две группы действительно имели общие традиции и общее происхождение. Трудности, возникающие при выделении обеих групп (на практике действительно очень значительные по различным поводам), делают невозможной даже простую постановку проблемы их возникновения осмысленным образом.

Итак создается парадоксальное положение, что изваяния сами по себе, своими особенностями, соединяющими их с некоторыми территориальными или этническими группами (что наиболее четко заметно в случае европейских половцев), помогают, по крайней мере частично, раскрыть свое происхождение только тем исследователям, которые убеждены, что эти изваяния действительно представляют ранее живущих людей, являвшихся представителями тех племен, которые в соответствии с другими источниками, главным образом письменными — проживали на данной территории. Последователей этого взгляда много. Так нпр. С.В. Киселев считает каменных баб Алтая изображениями алтайских тюрков; подобным образом С.И. Вайнштейн видит в каменных бабах Тувы изображения древних жителей этих территорий. В отношении причерноморских баб решительно высказалась С.А. Плетнева, считающая их точными портретными изображениями половцев и половчанок. С другой стороны, те из ученых — как М.Е. Массон или Л. Йисль — которые среднеазиатских и южносибирских баб, как и балбалов, считают изображениями врагов тюрков, а только — как исключение — самих тюрков, как будто отказываются от поисков дальнейших источников, которыми, нужно нам признать, в незначительной мере являются особенности самих изваяний. Однако и здесь существуют определенные исключения, в которых — по мнению Л.И. Альбаума и Л. Йисля — принадлежит баба из Токмака, представляющая будто бы эфталита (это должно следовать из характерного положения руки держащей чашу)¹¹⁹. Л.И. Альбаум убеждал, что ему удалось (на основании деталей изваянной одежды и черт лица) узнать эфталитов также в целом ряде "балбалов" — он считал, что это изображения эфталитов убитых тюрками и эфталиток плененных ими же¹²⁰.

В других случаях, по-видимому, подобная этническая идентификация невозможна, так как схематизация среднеазиатских изваяний касается как черт лица, так и деталей одежды, украшений и дополнительных атрибутов.

Подводя частичные итоги в отношении азиатских каменных баб, можно убедительно говорить, что каменные бабы встречаются в значительном количестве на территории восточного каганата ту-кю. Даже более того — встречаются также около могильных памятников властелинов этого народа, которые мы в состоянии идентифицировать с полной уверенностью. В результате, будучи убежденными, что этот народ устанавливал каменных баб своим владельцам и сановникам, мы не имеем, одновременно, уверенности в том, что изваяния изображают самих ту-кю или же их врагов, которые не поддаются идентификации.

В отношении древних уйгуров наши знания также неполные. В общем можно сказать, что открыты каменные скульптуры уйгурской эпохи (VIII-IX вв.) однако не удалось определить, принадлежали ли они самим уйгурам или же другим народам, входившим в состав их каганата. Вопрос является еще более сложным, так как каменные бабы не были обнаружены по соседству с памятником одного неидентифицированного уйгурского кагана, умершего в 759 г.¹²¹

В отношении енисейских киргизов (оставляя в стороне вопрос об их принадлежности к тюркам) предполагают, что они были тем народом, у которого раньше всех возник обычай установки каменных баб и от которого его восприняли ту-кю¹²².

Г.А. Федоров-Давыдов, основываясь также на исследованиях Я.А. Шера, предполагает, что некоторые типы каменных баб, устанавливаемые ранее в Семиречье, восприняли в первую очередь кимаки, являвшиеся восточной группировкой кыпчаков, и что они способствовали их распространению в X-XI вв. в Казахстане (сравни с. 12, 22).¹²³ Эти типы каменных баб, в соответствии с передвижением половецких племен, переместились в дальнейшем дальше на запад.

В отношении половецких баб стоит обратить внимание, что отнюдь не все изображенные на них лица были монголоидами, а многие,

наоборот, имели четкие европейские черты - след контактов ихней аристократии с соседями, в первую очередь с русами¹²⁴.

На Алтае обычай устанавливания изваяний длился более-менее 400 лет (VI-IX вв.), в Средней Азии - в Семиречьи - гораздо дольше. Существует предположение, что даже в XII в., несмотря на распространение в Средней Азии ислама, в более глухих регионах еще устанавливали подобные скульптуры¹²⁵.

Хотя картина распространения каменных баб в причерноморских степях, по понятным причинам, не является точной, однако достоверными считаются сведения о том, что они концентрируются именно в тех регионах, которые до монгольского наезда были заняты различными группировками половцев, а именно над Северским Донцом и нижним Днепром. Одновременно обращаем внимание на то, что скульптур этих не находим будто бы там где не проживали половцы, в частности в Поросье и в регионе Белой Вежи. В связи с этим некоторые исследователи делали выводы, что проживавшие на этих территориях торки не занимались устанавливанием каменных баб (смотри ниже)¹²⁶. Такой вывод можно считать вероятным, однако он не вполне доказан. Здесь возникает целый ряд вопросов. Какие факторы повлияли на длительное сохранение половцами традиции установления этих скульптур? И наоборот: чем можно объяснить, что небольшая группировка торков отнеслась отрицательно к многовековой тюркской традиции? Явились ли этим фактором политические влияния, возникшие на почве связей с княжествами Руси - или же религиозные влияния христианства, ислама? Если принять, что баб устанавливали только в память видных людей, то можно считать, что эта не очень многочисленная ветвь тюрков (подобным образом как нпр. берендеи) не выдала из своей среды много людей данной категории. Кажется однако более правдоподобным, что торки не отказались от скульптурного изображения своих умерших, а только существенным образом реформировали этот обычай.

На этот след наталкивают исследования С.А. Плетневой, выделенной незначительную, ибо насчитывающую только три объекта, группу захоронений, которую она склонна приписывать торкам. В одной

из могил этой группы найдены две деревянные, глуботесанные статуэтки, стоящие у головы и ног умершего¹²⁷. Тяжело исключить возможность, что у торков они могли играть роль баб-балбалов, изображений умерших или их врагов. Из других данных известно, что торки вырезали статуи из дерева (делали это, возможно, также половцы)¹²⁸. В 1905 и 1907 гг. Е.П. Трефилеев исследовал три кургана с погребениями тюркских кочевников, на которых стояли каменные бабы. Как следует из погребального обряда, эти захоронения и курганы принадлежали торкам. Тем не менее С.А. Плетнева - исходя из предпосылки, что эти курганы находятся на территории одной из половецких группировок и что в местах, где проживали торки, не находили изваяний (сравни выше) - считает, что имеем дело с изваяниями, установленными половцами на курганах высших торками¹²⁹.

Загадочно выглядит проблема изготовления каменных баб печенегам, известно ведь, что этот народ в культурном отношении был очень близок родственным половцам, а печенежский язык, вполне возможно, незначительно отличался от команского¹³⁰. Поэтому также а priori тяжело определить причины, почему именно в этом отношении печенеги должны были отличаться от половцев, тем более что появились на историческом горизонте несколько ранее; они одновременно были ближе древнетюркской традиции. Впрочем, проводились уже попытки подобной этнической атрибуции. В. Антонец считал, что четыре каменные бабы, перевезенные из Украины в Польшу и помещенные в Неборове, четко принадлежащие к т. наз. половецкому типу, являлись, по-видимому, остатком печенегов - впрочем, только отсылая к литературе и не мотивируя ближе свои предположения¹³¹.

При сегодняшнем уровне исследований вопрос решить очень тяжело, и все же кажется возможным, что печенеги также могли устанавливать подобные скульптуры. Учитывая, однако, близость ихней культуры культуре половцев в данной области (одежда, прическа и головной убор, предметы ежедневного обихода), не можем из сотен похожих схематизированных экземпляров выделить принадлежавшие пе-

ченегской аристократии. В противоположном случае тяжело понять причины отбрасывания древней тюркской традиции. Тем не менее, в случае печенегов более отчетливо навязываются возможности религиозных влияний (римское христианство, ислам, маздеизм, манихеизм)¹³². Впрочем, само размещение кочующих тюркских орд порождает много неясностей и нпр. С.А. Плетнева приписывает некоторые территории то печенегам, то огузам-торкам¹³³.

На подобные, а может быть и на гораздо большие трудности натакивается проблема каменных баб наддунайских протоболгар. Как известно, в Болгарии найдено несколько каменных изваяний держащих сосуд в руке и напоминающих скульптуры тюркских народов. Однако даже предварительная их атрибуция протоболгарам вызывает сопротивление, нпр. одни исследователи приписывают их богومیдам, а другие считают их славянскими идолами¹³⁴. Интересно, что лицо изваяний из Златной Нивы около Плиски лишено детальных черт, как это имеет место во многих случаях у каменных баб половецких степей¹³⁵. Может быть, это результат разрушающего действия атмосферных явлений, однако возникает вопрос, не было ли вызвано это состояние сознательно. Как считают некоторые исследователи причерноморских баб, отсутствие или замазывание черт лица изваяний являлось результатом мусульманских влияний, так как "Коран" запрещал изображать человеческие существа, особенно их лица.

Это запрещение проникло к тюркам, проживавшим на других территориях, но тем не менее его охотно обходили. В данном отношении интересный пример каменного изваяния музея в Фрунзе, представляющего тюрка-мусульманина. Это индивидуальный выразительный портрет турецкого кочевника, созданный, конечно, вопреки указаниям ислама. На скульптуре изображена цилиндрическая меховая шапка, окруженная снизу - как свидетельство принадлежности ее собственника к исламу - чалмой¹³⁶.

Этот пример очень поучительный и отчетливо показывает, как среди народов восточного каганата древняя тюркская традиция уступала место требованиям новой религии.

Все эти рассуждения хочется закончить вопросом. Устанавли-

вали ли древние тюркские народы, упомянутые в орхонских надписях, такие как карлуки, басмалы или телесцы, каменные изваяния в честь своих умерших? Сегодняшний уровень знаний не дает нам возможности ответить на этот вопрос.

Проблема атрибуции каменных баб Причерноморья рассматривается на более конкретном и подробном материале в последующей главе.

Примечания

¹ Г.И. С п а с с к и й, Древности Сибири, "Сибирский вестник", СПб. 1818, ч. 1, с. 67-85; ч. 2, с. 147-177; ч. 7, с. 1-28.

² П.А. У в а р о в, Сведения о каменных бабах, Тр. 1 АС, М. 1871, с. 501-520, карта.

³ П.С. У в а р о в а, К вопросу о каменных бабах, Тр. XIII АС, т. 2, М. 1908, с. 92-96.

⁴ Н.И. В е с е л о в с к и й, Мнимые «каменные бабы», "Вестник археологии и истории", вып. 17, СПб. 1905, с. 1-26; е г о ж е, По поводу ответа В.А. Городцова, ИАК, вып. 37, 1910, с. 98-102; е г о ж е, Современное состояние вопроса о каменных бабах или балбабах, ЗООИД, т. 32, 1915, с. 408-444, табл. 15.

⁵ В.В. Б а р т о л ь д, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893-1894 гг., "Записки имп. Академии наук", Ист.-фил. отд., VIII сер., т. 1, № 4, СПб. 1897, с. 1-151 (перепеч.: е г о ж е, Сочинения, т. 4, М. 1966, с. 21-91; т. 8, 1973, с. 23-62); е г о ж е, К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, "Записки Восточного отделения Русского археологического общества", т. 25, Пг. 1921, с. 55-76 (перепеч.: е г о ж е, Сочинения, т. 4, с. 377-396).

⁶ В.А. Г о р о д ц о в, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 года, Тр. XII АС, т. 1, М. 1905, с. 174-225; е г о ж е, Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии, там же, с. 226-340; е г о ж е, Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года, Тр. XIII АС, т. 1, М. 1907, с. 211-285; е г о ж е, Бахмутская «миниатюрная каменная баба». (Ответ проф. Н.И. Веселовскому), ИАО, вып. 37, 1910, с. 89-97.

⁷ Л.А. Е в т ю х о в а, Каменные изваяния Северного Алтая, Труды Гос. исторического музея, вып. 16, М. 1941-1943, с. 119-134; е е ж е, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, "Ма-

териалы и исследования по археологии СССР". № 24, М. 1952, с. 71-120.

8 А.Д. Грач, Каменные изваяния Западной Тувы. (К вопросу о погребальном ритуале тугю), Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. 16, М.-Л. 1955, с. 401-431; е г о ж е, Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (Юго-Западная Тува), Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. 30, М.-Л. 1958, с. 151-158; е г о ж е, Древнетюркские изваяния Тувы, М. 1961.

9 Я.А. Шер, Об одном древнетюркском изваянии из Чуйской долины, СА, 1963, № 2, с. 239-243; е г о ж е, Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане, СА, 1963, № 4, с. 158-166; е г о ж е, Каменные изваяния Семиречья, М.-Л. 1966.

10 Г.А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники, М. 1966; е г о ж е, Общественный строй Золотой Орды, М. 1973; е г о ж е, Искусство кочевников Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов, М. 1976.

11 С.А. Плетнева, Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, "Материалы и исследования по археологии СССР", № 62, М. 1958, с. 151-226; е е ж е, Половецкие каменные изваяния, М. 1974; е е ж е, Женская половецкая статуя с ребенком, СА, 1974, № 3, с. 258-262.

12 Л.Р. Кызласов, Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. (Из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году), "Известия АН Каз. ССР", № 108, серия археол., вып. 3, Алма-Ата 1951, с. 53-63; е г о ж е, О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня. (К вопросу о происхождении киргизского народа), "Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции", т. 3, Фрунзе 1959, с. 104-113; е г о ж е, Тува в период тюркского каганата (VI-VIII вв.), "Вестник Московского университета", серия IX, истор. науки, М. 1960, № 1, с. 51-76; е г о ж е, [Рец. на кн.:] А.Д. Грач, Древнетюркские изваяния Тувы, СА, 1964, № 1, с. 349-355; е г о ж е, О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей, СА, 1964, № 2, с. 27-39.

13 T. Passek et B. Latynin, Sur la question des «kamennye baby», Eurasia Septentrionalis Antiqua, Vol. 4, Helsinki 1929, с. 290-311.

14 W. Demetrykiewicz, Figury kamienne tzw. «bab» w Azji i Europie i stosunek ich do mitologii słowiańskiej, "Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie", t. 15, Kraków 1910, nr 7, с. 2-13; е г о ж е, Altertümliche steinerne Statuen, sog. «baby» (Steinmütterchen, Becherstatuen) und ihr Verhältnis zur slawischen Mythologie, "Bulletin international de l'Académie des Sciences de Cracovie", I-II classes, Kraków 1910, nr 7-8, с. 97-115.

15 W. Kotwicz, Quelques remarques sur les statues de pierre dites baba 'femme en pierre', "Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres", Cracovie 1928, с. 70-81; W. Kotwicz et A. Samoïlovitch, Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale, "Rocznik Orientalistyczny", t. 4, Lwów 1928, с. 60-107; W. Kotwicz, Quelques remarques encore sur les statues dites «baba» dans les steppes de l'Eurasie, там же, t. 13, 1937, с. 159-189; е г о ж е, Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale, там же, t. 15 (1939-1940), 1949, с. 159-195.

16 W. Antoniewicz, «Baby kamienne» w Nieborowie, "Głos Plastyków", R. 8, 1947, с. 63-65.

17 А. Терещенко, Очерки Новороссийского края, III: Насыпи могильные в Южной России, с указанием некоторых памятников в других местах, ЖМНЛ, ч. 79, СПб. 1853, август, с. 33-69; е г о ж е, О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях, ЧОИДР, М. 1866, кн. 4, с. 1-37.

18 А. Гатцук, Заметка о каменных бабах близ Москвы, там же, 1870, кн. 3, с. 123-129.

19 В. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии, ЗООИД, т. 17, 1894, с. 63-176.

20 Д. Эварницкий, Каменные бабы, "Исторический вестник", т. 41, СПб. 1890, июль, с. 184-194; е г о ж е, Раскопка курганов в Херсонской губернии, Херсонского и Александрийского уездов. (В имени А.Н. Синельникова Михайлово-Апостолове и хуторе О.В. Волковой Зпроньке), Тр. XI, АС, т. 1, М. 1901, с. 718-735.

21 Д.И. Багалей, Общий очерк древностей Харьковской губернии, Харьковский сборник, вып. 4, X. 1890, с. 76-92; е г о ж е, О каменных бабах Харьковской губернии, ЗХУ, 1901, кн. 4, с. 2; е г о ж е, Археологическая карта Харьковской губернии, составлена к XII-му археологическому съезду. Предисловие. Объяснительный текст, Тр. XII АС, т. 1, М. 1905, с. I - IV, 1-92, карта.

22 [А.И. Маркевич], Каменные бабы в Таврической губернии, ИТУАК, № 36, 1904, с. 84-94.

23 А. Ружицкий, Краткое сообщение о каменных бабах в Таврической губернии, ИТУАК, № 39, 1906, с. 111-114.

24 Г. Марченко, Мистецька цінність «кам'яних баб», "Народна творчість та етнографія", К. 1969, № 4, с. 74-82.

25 Л.П. Крылова, Каменные бабы. Каталог, Днепрпетровск 1976.

26 В. Соловйов, Скульптурні шедеври степу, "Жовтень", Львів 1977, № 2, с. 132-136.

27 L. Jisl, Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kiltegin-Denkmal durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958, "Ural-Altäische Jahrbücher", Bd. 32, Wiesbaden 1960, H. 1-2, с. 65-77; е г о ж е, Mongolei, Kunst und Tradition, Prag 1960; е г о ж е, Wie sahen die alten Türken aus? "Ural-Altäische Jahrbücher", Bd. 40, Wiesbaden 1968, H. 3-4, с. 181-199; е г о ж е, Balbals, Steinbabas und andere Steinfiguren als Äusserung der religiösen Vorstellung der Ost-Türken, Prag 1970.

28 Федоров - Давыдов, Кочевники..., с. 166.

29 Г.А. Федоров - Давыдов, Кочевники..., с. 166, также много раз цитированный фрагмент поэмы Низами Ганджеви, Искандер-наме, перев. К. Липскерова, [в:] е г о ж е, Пять поем, М. 1968, с. 657:

"И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина.
Пеший путник придет или явится конный, -
Покоряет любого кумир их исконный.
Всадник медлит пред ним, и, коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,
Что оставить овцу перед идолом надо".

В прозаическом переводе этот фрагмент звучит: "Все племена кыпчаков, когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они тут с пути или верхом поклоняются ей как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда свое стадо, отпускает перед ней овцу". См.: Низами Г я н д ж е в и, Искандер-наме, ч. 1, перевод Е.Э. Бертельса, Баку 1940, с. 318.

30 Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 83.

31 Jisl, Balbals..., с. 13.

32 Сравни сноску 29.

33 "Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу" - G. de Rubruck, Itinerarium, ed. A. van den Wyngaert, [in:] Sinica Franciscana, vol. 1, Quaracchi 1929, с. 98; русский перевод: Г. де Р у б р у к, Путешествие в восточное страны, перев. А.И. Малеина, [в:] Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука, М. 1957, с. 102.

34 E. Lassota von Steblau, Tagebuch, herausg. von R. Schottin, Halle 1866, с. 224. Русский перевод: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, под ред. В.Б. Антоновича, вып. 1, К. 1890, с. 168; польский перевод: E. Lassoty i W. Beauplana Opisy Ukrainy, pod red. Z. Wójcika, Warszawa 1972, с. 80.

35 "А на речке на Терьновке стоит человек камен, а у него кладут из Белагорода станичники доездные памяти, а другие памя-

ти, кладут на Самаре у двух девок каменных; а от каменного человека до Самары верст с 30"; далее: "А от верх речки Миюся к верх речки Елкуваты; а верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных"; также: "А ниже Аламы пала в Калауз истока ис человедей Какуигыр. А по правой стороне по тому истоку люди каменные болваны, против тое соли, что емлют азовцы". См.: Книга Большому чертежу, подготовка к печати и ред. К.Н. Сербиной, М.-Л. 1950, с. 64-65, 68, 86.

36 А.Н. П о л ь, Н.М.М [у р з а к е в и ч], История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань..., ЗООИД, т. 8, 1872, с. 487.

37 Ph.J. von Strahlenberg, Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia, insoweit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet..., Stockholm 1730, с. 357, 411-412; репринт: Szeged 1975 (Studia Uralo-Altica, VIII).

38 J.J. Lerche, Lebens- und Reisegeschichte von ihm selbst beschrieben..., hrsg. von A.F. Bülsching, Halle 1791, с. 121.

39 [Г.Ф. М и л л е р], Изъяснение о некоторых древностях в могилах найденных, Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, СПб. 1764, декабрь, с. 502.

40 J. Potocki, Histoire primitive des peuples de la Russie..., SPb. 1802, с. 130.

41 Количество древних скульптур, сообщаемое в различных исследованиях, различно, что связано, по-видимому, как со сложностью в употреблении географически-этнографических делений, так и с открытиями новых статуй. Сравни напр.: "Географические распределение древнетюркских изваяний по нынешним данным следующее: Семиречье и Казахстан 332, Южная Сибирь, Тува и Монголия - 165" (Ш е р, Каменные изваяния..., с. 22) или же: "До сих пор самое большое количество открытых скульптур - 113 экземпляров - найдено в Туве, тогда когда на Алтае отмечено только 29, в Монголии 23 и в Хакасской Автономной Республике 6. Было найдено всего немногим больше 200 статуй, рассеянных по территории Семиречья и в соседних регионах Казахстана" (А.Д. Grach, Turkic Art, [в:] Encyclopedia of World Art, vol. 14, New York-Toronto-London 1967, с. 443).

42 К р ы л о в а, Каменные бабы..., с. 7.

43 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 7.

44 Там же, с. 11-12.

45 Там же, с. 77-199.

46 Там же, с. 9.

47 Там же, с. 9-12.

48 Antoniewicz, «Baby kamienne»..., с. 63-65. Литература о каменных бабах в Неборове указана в последнее время в статье: E. Tryjarski, Les «babas de pierre» de Nieborów (Pologne) et la possible affinité de l'une d'elles avec le «babas» de Zlatna Niva (Bulga-

rie), [in:] Actes du I Congrès de Turcologie à Istanbul (в печати).

49 Плетнева, Печенеги..., с. 207.

50 Ср. Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 72; Крылова, Каменные бабы..., с. 11.

51 С.А. Плетнева, Введение, [в:] Крылова, Каменные бабы..., с. 4.

52 По предположению С.А. Плетневой, при изготовлении каменных баб были заняты сотни мастеров в десятках мастерских, сгруппированных вблизи карьеров; см.: Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 53.

53 Там же, с. 49, а также рис. 10, № 23-41.

54 Jisl, Balbals..., с. 14.

55 Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 90. Впрочем, даже и сейчас в связи с вопросом о назначении каменных баб появляются сомнения также в украинской науке. И так, например, Л.П. Крылова в работе опубликованной в 1976 г. пишет: "К сожалению, не вполне ясным остается вопрос о назначении каменных изваяний... Можно предположить, что они могли быть дорожными жертвенниками, сооруженными в память о богатых предводителях родов и орд, а также их жен"; см. Крылова, Каменные бабы..., с. 22

56 Федоров - Давыдов, Кочевники..., с. 191.

57 Спицын, Татарские курганы..., с. 150.

58 Jisl, Balbals..., с. 9.

59 Там же, с. 28 и след.

60 "Несмотря на приведенные выше рассуждения, у меня нет смелости все без исключения «каменные бабы» объявить только убитыми врагами. По-видимому, это не столь просто. Я объявил здесь только теоретическую, принципиальную часть развязки вопроса... Однако совершенно не исключено, что какой-нибудь турецкий ремесленник иногда получал задачу изваять из камня фигуру умершего, что он не дорос этой задаче и совершенно не ваял ног. Подобная фигура ничем не отличалась от «бабы». Сосуд не может здесь служить удовлетворительным критерием" (там же, с. 52). Из новейшей литературы, посвященной проблеме «бабы-балбалы» можно упомянуть: G. Frumkin, Les «babas» et les «balbals» turcs en Asie Centrale, I. Milletlerarasi Türkoloji kongresi (İstanbul, 15-20 X 1973), tebliğler I, İstanbul 1979, с. 63-68.

61 Сравни А.Н. Бернштам, Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, "Материалы и исследования по археологии СССР", № 26, М.-Л. 1952, с. 144. В.Д. Кубарев замечает, что "если древнетюркские балбалы многими учеными олицетворяют с числом убитых врагов тем войном, в честь которого сооружены изваяние и ограда, то назначение балбалов скифского времени до сих пор неясно". В то же время предложение этого ис-

следователя, что "... балбалы можно считать коновязными столбами, которые предназначались для лошадей родственников и гостей, принимавших участие в погребально-поминальном обряде", вызывает большие сомнения (В.Д. Кубарев, Древние изваяния Алтая (Оленные камни), Новосибирск 1979, с. 93, 96).

62 J.-P. Roux, La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux d'après les documents écrits, Paris 1963, с. 187.

63 Там же.

64 Там же.

65 "После того, как было установлено, что турки Орхона называли балбалом определенную статую из камня и что это слово напоминает по звучанию славянское слово баба на западе, многие ученые хотели присвоить этим последним функции, которые турки давали своим балбалам, пытаясь доказать, что западные бабы также изображали врагов, убитых рукой умершего. Подобная идентификация, не обоснована подробными исследованиями, натолкнулась на тяжело преодолеваемые препятствия; сложно напр. объяснить, зачем врагам, погибшим в бою, держат сосуд для пира и зачем им выполнять определенные обряды или, еще, каким образом среди врагов оказались женщины в почти преобладающем калитестве, как это мы видим среди баб?... По-моему, в настоящее время нельзя побороть препятствие иначе, как только путем формального разграничения между концепцией балбалов - аморфных камней и концепцией антропоморфных статуй, устанавливаемых на могилах. И только этих последних, по-видимому, как мне кажется, можно сравнить с западными бабами, не прилагая к ним изваяния балбалов" (Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 87-88). Новые предложения сформулировал Л. Йисль: "В будущем термин «каменная баба» можно употреблять только для грубых человеческих фигур, стоящих вне пределов собственно памятника, как правило восточнее от него или около входа в него. По своему смыслу это одновременно «балбалы», т.е. схематические, выкованные в камне изображения или же символы убитых врагов; часто именно упомянутые в надписях по имени видные противники, которых устанавливали вблизи памятника. Кроме этого, могли быть «балбалы», отличающиеся от других тем, что они не были собственноручно убиты умершим в бою или же как пленные, однако приподнесены оставшимися родственниками или друзьями как подарок... Из сказанного выходит, что было бы, по-видимому, лучше название «каменная баба», укоренившееся на протяжении столь длительного времени и столь глубоко ... вообще ликвидировать и, вместо него ввести в литературу новый специальный термин. Я хотел бы предложить выражение «figuraler Balbal» (по русски «фигурный балбал») тогда, когда совершенно ясно имеем дело с изображением человека в камне" (Jisl, Balbals..., с. 50, 51-52).

66 "Вывод и, вместе с этим, точное значение слова еще неизвестны, даже вокализация с двойным «а» при балбал - это только довольно правдоподобная гипотеза" (A.v. Gabain, Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, "Anthropos", vol. 48, Salzburg 1953, с. 549. Вопросы возможного родства перечисленных слов, диспутируемые уже В.В. Радловым, П.М. Мелиоранским, Ф.Е. Коршем и многими другими, повторно рассматриваются сейчас при различных

случаях с большими или меньшими упрощениями. Сравни нпр. П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 6; е е ж е, Введение..., с. 5.

67 П.М. Мелиоранский высказывался отрицательно об этой гипотезе Ф.Е. Корша (см. П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 6).

68 "Отметим, между прочим, что в Codex Cumanicus имеется слово *sin*, которое должно обозначать 'des toden bilde'. Но нужно ли понимать это буквально в смысле изображения самого умершего? Однако мы там находим еще слова 'des toden hws', 'des toden huw' и все они, кажется, обозначают не что-то другое, а объекты на могиле умершего" (Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 90, сноска 48). Последующее издание Куманского кодекса не принесло ничего нового для интерпретации выражения *syn*, 'нагробный камень, изображающий умершего', 'des dodin bilde' (см. K. Grønbech, Kommanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus, Copenhagen 1942, с. 228. Г.А. Федоров-Давыдов предполагает, что названием *syn* именно называли баб, приписываемых половцам (см. Ф е д о р о в - Д а в ы д о в, Кочевники..., с. 191, сноска 38).

69 Ср. Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 88, сноска 43.

70 Там же.

71 "Полное отсутствие одежды специально отмечено на статуях №№ 1, 9, 10 и 14 изображением мужских половых органов, к которым на № 10 добавлены еще женские" (В.А. К а з а к е в и ч, Намогильные статуи в Дариганге. Поездка в Даригангу, Л. 1930, с. 19). "Одни предпочитали не замечать явно мужских черт фигуры и считали статуи женскими, другие наоборот, полагали, что изображение свисающей на живот груди просто ошибка мастера, желавшего изобразить полного мужчину. Неправомерность первого вывода абсолютно очевидна. Статуи с грудью - мужские по всем остальным признакам" (П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 74). Подобные сложности для интерпретации представляют, между прочим, двупольные статуи из Ближнего Востока, датируемые, правда, XV-XIII вв. до н.э. (см. Th.H. Carter, The Stone Spirits, "The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania", vol. 12, Philadelphia, Spring 1970, Nr 3, с. 22-40).

72 О каменных столбах на могилах древних тюрок в Монголии смотри особенно: J.G. Granö, Über die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nordwestmongolei, Helsingfors 1910, с. 32-47.

73 Jisl, Balbals..., с. 50. Приверженкой теории портрета является, между прочим, Л.А. Евтюхова. "Несмотря на общность изобразительных приемов, лица мужских и женских статуй, несомненно, индивидуализированы. Конечно, можно предположить, что в них отражается индивидуальность авторов, а не оригиналов". С.А. П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 57.

74 Б е р н ш т а м, Историко-археологические очерки..., с. 144.

75 Ср. Jisl, Vorbericht..., с. 71; е г о ж е, Wie sahen die alten Turken aus?..., с. 182 и след.

76 Л.И. А л ь б а у м, Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, Ташкент 1960, с. 192, 194, 196. Ср. Jisl, Balbals..., с. 28.

77 Находится в Николаевском историко-краеведческом музее; П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 74, 186 (№ 1205).

78 Очень подробно описывает и анализирует детали одежды половецких каменных баб С.А. П л е т н е в а (там же, с. 25-52), также в более ранней работе (е е ж е, Печенеги..., с. 209-211). Статистико-математический метод в отношении деталей изваяний из Семиречья употребил Я.А. Ш е р (Каменные изваяния..., с. 126-129).

79 Детальный анализ особенно в Л.А. Евтюховой, С.А. Плетневой, Я.И. Шера (П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 51-52).

80 "Грум-Гржимайло предполагает, что это пепельная урна... и мы не должны отклонять a priori это предположение, учитывая, что погребальные обычаи тюрок предполагают также сохранение пепла" (Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 86, сноска 39). Сам В. Котвич имел также другие предположения для определения значения сосуда: "Не были ли они предназначены для хранения души умершего, на могиле которого устанавливалось каменное изваяние или же для хранения питания для него? (Kotwicz, Quelques remarques..., с. 177).

81 Б е р н ш т а м, Историко-археологические очерки..., с. 144; ср. Jisl, Balbals..., с. 9-10.

82 "В данном случае чаша в руках обозначает обычай приподносить напиток - обычай, сохранившийся у кочевников, в основном, по сегодняшний день" (Jisl, Balbals..., с. 10).

83 Сравни там же, с. 11.

84 Б е р н ш т а м, Историко-археологические очерки..., с. 144.

85 "На самом деле ничего загадочного в этом нет... Изображения умерших воинов с сосудом для питья в руке необходимы были для того, чтобы при совершении поминок, когда родственники и соратники покойного устраивали в честь него поминальный пир возле оградки, он сам в виде изваяния как бы «присутствовал и вышивал» вместе со всеми, принимая пищу, бросаемую ему в жертвенный костер, через дым. Естественно, что при этом помпашающие обращались к нему и «разговаривали» с ним, принося ему жертву, чтобы умило-

стивить его «злую» душу, как это делали и тюркоязычные народы Саяно-Алтайского нагорья еще в недавнем прошлом" (Кызласов, О назначении..., с. 36).

86 Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 51-52.

87 "Здесь авторитетный только один критерий, а именно где стоит статуя: перед памятником или в пределах оградки. По-видимому, действовал твердый принцип, что «балбалов» устанавливали только вне памятника" (Jísl, Balbals..., с. 53).

88 Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири..., с. 115.

89 J.G. Granß, "Über die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nordwestmongolei, "Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja" [Journal de la Société Finno-Ougrienne], vol. 28 (1910), Helsinki 1912, с. 28-31.

90 Там же, с. 31.

91 Еще в 1893 г. В.В. Радлов писал: "Все эти прямоугольники я должен считать за жертвенные места" (цит. по кн.: Л.Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М. 1969, с. 31), однако уже И.Г. Гранз не разделял его мнения: "Пока неизвестно, для какой цели вообще создавались каменные оградки" (Granß, "Über die geographische Verbreitung...", с. 31).

92 Как известно, среди алтайских народов существуют две внешне противоречивые тенденции в области погребальных обрядов. С одной стороны, стремятся разместить памятник умершему в наиболее видном месте, с другой — охотно затаивают место погребения тела в земле, нпр. убивая ремесленников работающих на строительстве могилы или случайных свидетелей церемониала; перенося по месту погребения табун лошадей и т.п. Несомненно, однако, что необходимо здесь провести принципиальную разницу, именно между памятником и могилкой, а также между могилами видных и богатых личностей, в случае которых специальным образом охранялись ценные похоронные подарки, и могилами обыкновенных, убогих людей. О неисследованных до сих пор соответствующим образом вспомогательных могилах ту-кю см. Jísl, Balbals..., с. 36.

93 "Путем раскопок было прежде всего установлено, что ров, окружавший весь объект, был гораздо мощнее, чем можно было считать... Максимальная глубина составляла до 2 м, ширина на уровне верхних краев около 6 м, у подошвы 1,20-1,70 м... У входа с восточной стороны ров был прерван... Параллельно всей длине рва простиралась, с внутренней стороны, стена из убитой земли, покрыта черепицей, отштукатурена на бело и окрашена в красный цвет. Параллельно ее внешней стороне, ориентированной на восток, протянулся по краю рва ряд дальнейших балбалов... Можно притти к выводу, что эти балбалы возможно охватывали стену вокруг... Сразу же за входом вымостка понижалась и образовывала

бассейн для сбора дождевой воды... Спрашивается, служил ли этот бассейн для воды только практической цели. Более правдоподобно, что его расположение связано с определенными религиозными представлениями, подобным образом как это бывает около некоторых китайских дворцовых и культовых построек, где подобные бассейны должны препятствовать злым силам в проникновении во внутрь здания" (Jísl, Vorbericht..., с. 68-69).

94 Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири..., с. 114-117; Кызласов, История..., с. 33-34.

95 "Хотя там никогда не находили кальцинированных человеческих костей" (Jísl, Balbals..., с. 46); "Ни в одной из них не обнаружено никаких следов погребений ни по обряду труположения, ни по обряду трупосожжения, синхронных самой оградке" (Кызласов, История..., с. 31).

96 Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири..., с. 114; Л.Р. Кызласов различал в Туве пять видов этих конструкций, датируемых им для этой территории VI-VIII вв. "1. оградки без всяких дополнительных устройств, 2. оградки, у которых с восточной стороны вертикально стоит простая плита или валун ("главная" плита), 3. оградки, "главные" плиты которых имеют приданную им схематическую форму фигуры человека или выбитое на восточной грани примитивное лицо человека, 4. оградки, с восточной стороны которых установлены целые фигуры людей, 5. оградки, у которых вместе стоят и "главная" плита, и фигура человека" (Кызласов, История..., с. 26).

97 Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири..., с. 114. Точнее об остатках жертвоприношений и поминок — костей животных, посуды и других предметов — смотри у Л.Р. Кызласова. Дерево являлось остатком колов, на которых подвешивали головы убитых животных (Кызласов, История..., с. 30-31).

98 Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири..., с. 115.

99 Плетнева, Печенеги, торки..., с. 207.

100 Кызласов, История..., с. 23 и след.

101 "Обычай ставить каменные фигуры, сначала только мужские, возник у алтайских, монгольских и тувинских тюрков в VII - VIII вв. и был, видимо, связан с особым культом, отправляемым в каменных оградках, которые на этом этапе сопутствуют изваяниям. В более поздние периоды каменные оградки исчезли, а статуи сохранились почти до X в. на этой же территории" (Федоров — Давыдов, Кочевники..., с. 189).

102 "Л.А. Евтюхова уже раньше правильно классифицировала небольшие огороженные тюркские объекты ("оградки" советских археологов) как места поминания и памятники тех лиц, которые были погребены в соседних могильных курганах" (Jísl, Balbals..., с. 46).

103 "Поминальные костры для сжигания жертвенной пищи возлияния пьянящих напитков (типа араки и кумыса) разводились, видимо, в непосредственной близости у оградок. Затем, после окончания обряда жертвоприношения, в оградку чаще всего переносили часть углей и золы от жертвенного костра, забрасывали некоторые остатки поминок..., а также жертвовали иногда изношенные или сломанные предметы вооружения и быта... После этого оградку засыпали землей" (Кызласов, История..., с. 32).

104 Там же, с. 189.

105 Сейчас мы знаем, что культ мертвых и культ предков это два культа, именно потому, что культ умерших предназначается для преобразования умершего в предка... Культ предков пришел позже ... существовало различие между культом мертвых и культом предков (можно бы говорить: новые мертвые и старые мертвые)" (Roux, La mort..., с. 117).

106 Там же, с. 118.

107 О предполагаемом размещении изваяний около памятника Кюль-тегина см. Jísl, Vorbericht..., с. 69; ср. также его же, Balbals..., с. 53.

108 Федоров - Давыдов, Кочевники..., с. 190-191.

109 Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 81.

110 "Каменных баб, по-видимому, иногда привозили к памятникам из больших расстояний; это было связано с местом проживания каждовременного жертводателя" (Jísl, Balbals..., с. 51).

111 Об этом существует богатая литература, особенно исследования Ж.-П. Ру.

112 В.А. Городцов отметил, что в некоторых случаях изваяния образовали скопления по несколько в одном месте. Г.А. Федоров-Давыдов считает, что, возможно это были небольшие святилища, посвященные культу предков, где устанавливали каменные и деревянные скульптуры. Он упоминает три культовые места кочевников (Федоров - Давыдов, Кочевники..., с. 192).

113 В последнее время укрепилось убеждение, подкрепленное результатами раскопок, что самым важным было сооружение места посвященного умершему (также вождям и аристократам), а судьба тела, которое хоронили через несколько месяцев, сжигали или же оставляли в безлюдном месте, была гораздо менее существенной.

114 Kotwicz et Samoïlovitch, Le monument..., с. 28.

115 Там же, с. 91. В другом месте В. Котвич пишет: "Нужно считать, что гроб - это постоянноеместилище души-пламени героя, а разнообразные балбалы, все вокруг, души врагов, которых он убил. Эти идола души-пламени должны постоянно охранять могилу победителя. Поэтому возможно, их оставляли стоять бесформенными и

грубыми, напоминающими больше непостоянное пламя огня" (Kotwicz, Contribution..., с. 13).

116 Бернштам, Историко-археологические очерки..., с. 31. На денной стадии исследований не представляется возможным притягивать при решении вопроса о генезисе статуй - даже в качестве материала для сравнений - древние изваяния из Ближнего Востока и других регионов, См. Carter, The Stone Spirits..., с. 22-40.

117 Л.Р. Кызласов, Таштыкская эпоха, М. 1960, с. 160; ср. Шер, Каменные изваяния..., с. 31.

118 Л.И. Альбаум, Об этнической принадлежности некоторых "балбалов", КСИИМК, вып. 80, М. 1960, с. 95-100.

119 Казакевич, Намогильные статуи..., passim. Эта черепаха происходит из села Юрьевки в Чуйской долине (см. Бернштам, Историко-археологические очерки..., с. 146).

120 Альбаум, Балалык-тепе..., с. 194; ср. Jísl, Balbals..., с. 28, 39.

121 Ср. Бартольд, К вопросу..., с. 378.

122 Бернштам, Историко-археологические очерки..., с. 144.

123 Там же, с. 189.

124 Взаимоотношение лиц монголоидного и европоидного типов, изображенных на памятниках древних тюрок, особенно на бабах приписываемых половцам, до сих пор неясно. Ср. Плетнева, Печенеги..., с. 210; и ее же, Половецкие каменные изваяния, с. 58.

125 Плетнева, Введение..., с. 4.

126 "Эти земли были кочевьями побежденных половцами печенегов или гузов-торков, оставшихся в степях после прихода в Европу половцев (в 1066 г.). Характерно, что всюду, где мы можем предполагать наличие этих племен, нет статуй. Их нет и в Поросье - земле черных клобуков, в состав которых входили и отдельные половецкие семьи, их нет в кочевьях "диких половцев" ... Наконец, нет их и в окрестностях Саркела - Белой Вежи, где жили, как в Поросье, и печенеги, и торки, и половцы" (Плетнева, Введение..., с. 17).

127 "У ног и изголовья были поставлены деревянные, грубо сделанные статуэтки без ног, с вставленными перпендикулярно к телу руками-палочками" (Плетнева, Печенеги..., с. 162).

128 Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг., изд. А.П. Ковалевского, X.1956, с. 128. Ср. Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 59.

129 Там же, с. 72.

130 Ср. E. Tryjarski, Pieczyngowie [в:] K. Dąbrowski,

Т. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski, Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1975, с. 596 и след.

131 Antoniewicz, "Baby kamienne"... , с. 65.

132 Ср. Tryjarski, Pieczyngowie..., с. 583, и след.; е г о ж е, Les religions des Petchenegues, [в:] Traditions religieuses et parareligieuses des peuples altaïques. Communications présentées au XIIIe Congrès de la "Permanent International Altaistic Conference", Strasbourg, 25-30 juin 1970, Paris 1972, с. 139-148.

133 "Печенегов или гузов-торков... печенеги, и торки, и половецы" (Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 17).

134 Ср. Tryjarski, Protobułgarzy, [в:] Dąbrowski, Nagrodzka-Majchrzyk, Tryjarski, Hunowie europejscy..., с. 336.

135 "Половцы под влиянием мусульманства, начавшего проникать в степи в XII в., стали изображать безликие статуи: сначала женские, а затем изредка и мужские, так как смысл мусульманского запрета вряд ли был понятен язычникам - заказчикам и мастерам" (Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 56).

136 Бернштам, Историко-археологические очерки..., с. 146.

II. ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ КАМЕННЫХ БАБ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. Судьбы каменных баб в XIV–XX вв.

Не подлежит сомнению, что уничтожение каменных скульптур началось почти одновременно с их установкой. Довольно значительное количество изваяний, находимых во время раскопок под поверхностью курганов, наводит на мысль, что скрывали их в земле некоторое время после установления спустя – возможно в связи с уходом на другие кочевья – для того, чтобы сохранить памятники от обесчестивания врагом. Землей засыпали даже целые святилища, состоящие из скоплений баб. Итак в Бахмутском у., Екатеринославской губ., в середине XIX века в небольшом кургане (высотой примерно в 1 м) было найдено 12 баб¹.

Вторичное использование тюркских баб в качестве строительного материала прослеживается с того времени, когда они начали терять ореол святости, т.е. с момента укрепления позиций ислама. Разрушение статуй в Болгаре связывается с XIV в.²; разбитые скульптуры были использованы для сооружения могил – близ ст. Кременской на Дону³, около с. Астахова, Ворошиловградской обл.⁴, не позднее золотоординской эпохи.

Уничтожение статуй в крупных масштабах, достигшее своего апогея в XVIII – начале XX вв. (а возможно и ранее), явилось следствием отвоевывания земель от тюркского кочевого, полуседлого и оседлого населения. Основная масса статуй оказалась утилизированной на хозяйственные нужды, погибла при разворачивании селитренных промыслов, при многовековом кладоискательстве, из-за враж-

дебного отношения церкви или из-за суеверий. Огромное количество было уничтожено просто из-за бессмысленного стремления к разрушению, правда, не обязательно продиктованного тем, что, мол, "для русского человека эти каменные чудовища были олицетворением господства половцев над степями"⁵.

Отвоевывание южного Правобережья, а в дальнейшем и Левобережья, от татар Польшей и Литвой началось в конце XIV в. Хотя зависимость степей от этих государств являлась в значительной степени номинальной, тем не менее до начала XVI в., когда весь причерноморский регион очутился под властью Турции и Крымского ханства, в Диких полях существовали условия для продвижения украинского населения на юг. По-видимому, тогда впервые также лесостепи Правобережья и Левобережья Днепра были основательно очищены от баб, появляющихся здесь в дальнейшем только в результате раскопок.

Изобретение стрельного пороха превратило могилы в важный источник добывания его важнейшей составной части - селитры. Тысячи курганов были раскопаны в XV-XVIII вв. и превращены в майданы⁶. Уже в начале XV в. селитру экспортировали даже в Пруссию⁷, а И.-А. Гильденштедт в 1774 г. увидел поверженную статую на месте заброшенной селитреварни близ Виского Шанца, недалеко от Р. Синюхи на Правобережье Днепра⁸.

Не менее губительным для баб являлось беспримерное кладоискательство. По образному описанию видного археолога В. Городцова, бабы "служили сигналами для ориентировки преступной деятельности и все курганы, где сохранились остатки каменных баб или память о нахождении на них последних, оказались разрытыми"⁹. Кладоискательство проявлялось в виде массового психоза, когда целые деревни на несколько лет отправлялись в степи для раскапывания могил¹⁰. Кладоискатели разбивали статую в поисках ценностей, скрытых будто бы внутри. В с. Дергуновке (Вязовке), Николаевского у., Самарской губ., около 1878 г. крестьяне разбили бабу, разыскивая в ней деньги¹¹, а в с. Вешняковке, Елизаветградского у., Херсонской губ., в середине 80-х гг. XIX в. кладоиска-

тель, заметая за собой следы, разбил статую ломом на куски¹². "Русские люди - писал В. Городцов - проявляли и в настоящее время проявляют весьма разрушительную кладоискательскую деятельность. Эта позорная деятельность, к стыду старой русской цивилизации, одно время имела даже правительственную санкцию"¹³.

Православная церковь, выступая против идолопоклонства, реликты которого сохранились на Украине, приняв вид своеобразного фетишизма, вплоть до середины XIX в. (и даже позже), проповедовала необходимость уничтожения скульптур, кстати, не допускаемых также в храмах. "Густынская летопись", составленная на Черниговщине в начале XVI в., отразила развернувшуюся тогда борьбу против остатков язычества - идолопоклонства¹⁴. В 1674 г. в Киеве вышел первым изданием (многократно переиздаваемый на протяжении XVII-XVIII вв.) "Синописис" архимандрита Киево-печерского монастыря И. Гизеля, в котором два параграфа направлены против понимания идолов и других языческих пережитков¹⁵. Изданная в 1686 г. в Чернигове брошюра украинского проповедника И. Голятовского: "Боги поганскіи въ болванахъ мешкаючіи духове злыи; тутъ же посподу ихъ розмаитіи злости написани, жебы хр[и]стіяне правовѣрныи могли отъ себе злыхъ духовъ одогнати, и подоптати, и попліовати, и силу ихъ зламати, и над ними триумфовати еще более усилила враждебность к статуям"¹⁶. Что подобные выступления не были беспочвенными, также в отношении каменных баб, свидетельствует зафиксированное источниками почитание тюркских изваяний украинским населением, постепенно продвигавшемся в степи. Не даром "Книга Большому чертежу", составленная в 1627 г., отмечает, что "на речке на Терьновке стоит человек камен, а у него кладут из Белагорода станичники доездныя памяти, а другие памяти кладут на Самаре у дву девок каменныхъ"¹⁷.

Возможно, что, направленные против идолов-изваяний проповеди повлияли на укрепление у простого народа взгляда на баб как на грешников, превращенных в камень Богом, которого они обидели¹⁸ - поэтому и нужно было каменных истуканов громить, что и делалось повсеместно. В противоположных случаях, когда простолю-

дины дарили каменных баб уважением и относились к ним с суеверным страхом, способствуя фетишизации изваяний, баб уничтожали по указанию местного начальства, чтоб предупредить идолопоклонство¹⁹.

Все эти, а также другие причины, являвшиеся поводом гибели каменных баб, проявились в полном объеме вместе с волной продвижения украинских и русских поселенцев на Юг на всем огромном пространстве от Придунайских земель до Южного Поволжья и Северного Кавказа. Левобережье Днепра и Поволжье заселялись путем постройки располагаемых все более к югу засечных черт, отрезавших все новые территории и прикрывавших южные окраины Русского государства от татар (Белгородская черта, построенная в 1635-1658 гг., Симбирская в 1648-1654 гг., Новая в 1676-1684 гг., Изюмская в 1680-1681 гг.). В дальнейшем были захвачены и постепенно заселены земли Запорожской сечи (окончательно в 1775 г.), Божско-Днепровского Междуречья и Восточного Приазовья (по Кучук-Кайнарджийскому договору 1774 г.), ногайские степи и Крым (1783 г.), и еще раз - остальные уже территории: Божско-Днепровское Междуречье (по Ясскому договору 1792 г.)²⁰. Из занятых земель изгонялось кочевое и полукочевое татарское и калмыцкое население, там уничтожались построенные ими селения, а, вместе с ними, окружающие памятники древности, к которым кочевники относились с суеверным страхом. На прямую зависимость количества сохранившихся баб от процесса колонизации указывал еще в середине XIX в. М. Грабовски. Рассказывая о том, что на территории Киевской губ. уцелело только 2 бабы (в дальнейшем их было найдено еще несколько), он подчеркивал, что ранее "на могилах стояло их несравненно большее количество, а то что сейчас их осталось здесь меньше как в степи около нижнего Днепра и Бога, объясняется тем, что последние земли более длительное время находились в состоянии дикости"²¹. Подобную мысль в отношении приволжских степей высказал примерно тогда же Э. Эйхвальд: "Потому их здесь нет, что истреблены народом, не заботившимся о сохранении памятников древности, снимавшим их по большей части с курганов для употребления на разные домашние на-

добности, так как в этих местах камни принадлежат к редкостям"²².

Последние двадцать лет XVIII в. - это период беспримерного уничтожения памятников древности на новоприобретенных землях, проводимого солдатеской и бюрократией²³.

Разгром достиг каменных баб, на которых, в лучшем случае, высекали памятные надписи о том, что "здесь стояла дивизия генерала Берга в 1770 г."²⁴ или же свозили их в помещичьи усадьбы для украшения.

Вторая половина XVIII - весь XIX вв. принесли с собой массовую гибель статуй в связи с процессом заселения степей и употребления баб для хозяйственных нужд, при расстановке их на почтовых трактах в качестве верстовых столбов, свозке - согласно моде - в помещичьи и, по закону подражания, крестьянские усадьбы или же просто в связи с бессмысленным стремлением к уничтожению.

Освоение степи - постройка селений - начинались от поисков камня, пригодного под фундаменты. Когда уже был преодолен суеверный страх перед бабами, на них начали смотреть как на желанный обработанный строительный материал, стягивать с могил и других мест, употреблять "в дело".

Литературой засвидетельствована перевозка баб в селения с середины XVIII века. В с. Новопавловку, Павлоградского у., Екатеринославской губ., 10 баб свезли к сельской расправе в середине XVIII в., в с. Орловщину, Знаменку и Каменку, Новомосковского у., в с. Подгородное, Павлоградского у., этой же губернии, 22 бабы привезли в конце XVIII века. К середине XIX в. все они были уже обезображены, в большинстве случаев с отбитыми головами и руками²⁵. При основании с. Даниловки, Изюмского у., Харьковской губ., 2 бабы были разбиты крестьянами и употреблены на стояны под здания²⁶. В 30-х гг. баб снимали с курганов по распоряжению фаворита Екатерины II Г. Потемкина для размещения в его парке; в 90-х гг. XVIII в. их снимали в Лугане (позже: Луганске) для помещичьих усадеб²⁷. В 1774 г. И.-А. Гильденштедт видел 2 бабы, установленные в крепости Петровской недалеко от Северского Донца²⁸. В 1782 г. В.Ф. Зуев натолкнулся на бабу на даче полковника Ганд-

виха на р. Малом Ингуле, на расстоянии примерно 23 км от Херсона²⁹ и т.д.

Поистине тяжело определить ту область жизни степных поселенцев, в которой баб не утилизировали бы – при этом не только в обычном строительном смысле. В селах баб укладывали в фундаменты хат и сараев³⁰, из них делали устои или подпоры сараев, укладывали в стены домов и хлебов³¹, заделывали как пороги или ступеньки³². Под хатой или на улице баб превращали в тумбы и скамейки³³. На них навешивали ворота, укладывали их в подворотнях³⁴, встраивали в заборы усадеб и садов³⁵. Своеобразную декоративную роль они играли, будучи установленными у ворот или забора двора, иногда с веревкой на шее или продетой под мышками³⁶. В саду или в огороде за ними была закреплена функция не только садовой скульптуры, но и пугала³⁷. Для крестьянина это был еще материал, из которого можно было, например, выдолбить корыто для воды...³⁸

В поле баба – это межевой знак³⁹ или точильный камень для заступов и кос⁴⁰. На пастбище – это место, вокруг которого зажигают костер⁴¹, камень, о который чешется скот⁴² или мишень для метания камней⁴³. Иногда еще – позорный столб, к которому привязывают конокрада⁴⁴.

Из баб строили мостовые⁴⁵, их употребляли вместо мостиков⁴⁶. На дороге они дорожный указатель⁴⁷.

Баб закладывали в основания ветряных мельниц⁴⁸, строили из них плотины и гати на речках⁴⁹. В маслобойнях их привешивали для отягнения гнетов⁵⁰.

Церкви сооружали на фундаментах из баб⁵¹, их встраивали в церковные ограды⁵².

В степных городках и городах из баб делали столбы для городских ворот⁵³, заделывали в стены дворов⁵⁴, а в городских садах превращали в декоративную скульптуру (нпр. в Бердянске, Ногайске, Новочеркасске)⁵⁵. Известна история строительства подвала исправником (начальником уездной полиции) в Новомосковске, Екатеринославской губ., в 70-х гг. XIX в. На строительство были

свезены бабы из целого уезда. В подвале на случайного посетителя со всех сторон смотрели бабы, а два изваяния были поставлены у входа⁵⁶.

Конечно, для строительных работ баб использовали не только целиком, но соответствующим образом обрабатывали каменные глыбы, часто разбивали на куски и дробили на щебень⁵⁷.

Большое количество баб, в связи с модой, господствовавшей в помещичьих кругах начиная с конца XVIII по вторую половину XIX вв., было свезено в усадьбы, где их устанавливали по паркам, по садам для украшения беседок, около подъездов и т.д. В дальнейшем, в основной своей массе – когда мода уже прошла – они оказывались заброшенными и изуродованными.

В первой половине XIX в. бабы превратились в товар – строительный материал, которым торговали на ярмарках. В Бердянск их привозили на продажу как бутовой камень на подземные фундаменты⁵⁸.

Количество баб, уничтоженных утилитарным и "украшательским" способами, определить точно невозможно, но если считать, что погибло их на протяжении полтора столетия (до революции) несколько тысяч – это не будет преувеличением.

Особую главу образует уничтожение баб путем преобразования их в верстовые камни. Если учитывать, что русская верста, при пересчете на метрическую меру, составляла 1067 м, то нужно считать, что именно в таком расстоянии друг от друга были расставлены турецкие изваяния на протяжении тысяч верст почтовых трактов.

Неизвестно, кто конкретно подсказал императрице Екатерине II идею об употреблении каменных баб в качестве верстаков и дорожных указателей, но остается фактом, что в последние годы ее царствования (т.е. до 1796 г.)⁵⁹ бабами были обставлены почтовые дороги восточнее и юго-восточнее Москвы (Ореховский тракт⁶⁰, а также окрестности Рязани⁶¹), северного Приазовья (Таганрогский тракт⁶²). При этом подчеркивалось, что бабы очень полезны именно в такой функции на покрытых снегами просторах степей.

В 1818 г., во время поездки на Украину Александра I, согласно донесению Таганрогского градоначальника Министерству вну-

тренних дел (датируемом, по-видимому, 1843 г.), "все мамы были сняты с курганов и отвезены на почтовую дорогу ведомства Мариупольского греческого суда, где расставлены вместо дорожных знаков"⁶³. Опыт использования баб в качестве верстаков был распространен на Кавказ, где они были установлены, при чем довольно изощренно (женские попеременно с мужскими) в окрестностях Ставрополя⁶⁴. Хотя, по сообщениям местного начальства, их начали снимать (например, с Мариупольского тракта) уже через несколько лет, когда будто-бы были устроены кирпичные знаки, а бабы зарыты в землю (!), практически скульптуры стояли на дорогах еще в конце 60-х гг. XIX в.⁶⁵, наводя ужас на путешественников. "Все они [...] во время ночи при лунном свете кажутся страшными привидениями"⁶⁶. Все каменные бабы, и те, которые в 20-х гг. были сняты с дорог⁶⁷, и те, которые выстояли почти столетие, оказались уничтоженными. Уже в первые десятилетия "службы" они превратились в жалкие обломки. "Без рук, без голов, а были и такие, раздробленные части которых лежали в кустах"⁶⁸, "туловища на дорогах, обвиняющие человеческую злобу, которая все губит и уничтожает"⁶⁹ - писали об этом печальном зрелище современники. Таким административным порядком были уничтожены дальнейшие тысячи изваяний.

По сравнению с "дорожными бабами", установка каменных изваяний около источников воды, которая практиковалась в Поволжье (нпр. около г. Камышина, Саратовской губ., на правом берегу Волги), может быть и могла считаться более благородным делом, тем не менее и там они оказались уничтоженными⁷⁰.

По-видимому, не меньшее количество баб погибло просто из-за легкомыслия, шалостей или страсти к уничтожению. Подобные "забавы" начинались хотя бы из окраски баб в различные цвета.

В 1843 г. по дороге из Харькова в Чугуев красовалась баба, раскрашенная в красный цвет; тогда же в Екатеринославе, в губернаторском саду, скульптуру раскрасили в черно-серый⁷¹. В 1853 г. священник с. Васюковки (Васильевки) в Павлоградском у., Екатеринославской губ., раскрасил бабу около своих ворот⁷². В 1881 г. в Бахмутском у., этой же губ., наблюдали много измазанных дег-

тем баб⁷³. Этим последним увеселением занимались, в частности, чумаки⁷⁴. В 1892 г. в с. Великий Токмак, Бердянского у., Таврической губ., владелец гостиницы размалевал бабу голубой, красной и черной красками⁷⁵. Гораздо более распространенным и повсеместным развлечением являлось отсекание голов и рук у статуй, принявшее поистине массовый характер⁷⁶. Не поддающееся даже приблизительному представлению количество баб было просто разбито и поломано из-за желания бить и громить.

Картина получалась мрачной и удручающей, что между прочим вполне осознавали бессильные современники. Вот ряд ихних высказываний. Немецкий этнограф Д. Шляттер (1828 г.): "Много [баб] разбито на куски и на холмах там и сям находятся только кучи камня"⁷⁷. Английский путешественник Р. Бремнер (1836 г.): "Поблизости многих сотен курганов, около которых мы проезжали, не было видно никакого камня и никакого изображения"⁷⁸. Непременный секретарь Императорской Академии наук П.Н. Фус (1843 г.): "Так называемые каменные бабы, которые еще в недавнем времени во множестве стояли на степных могилах полуденной России, ныне более и более исчезают"⁷⁹. Украинский историк В.В. Пассек (1839 г.): "Многие из них (статуй) сильно повреждены. Более 30 статуй в имении г. Шидловской [...] почти совершенно истреблены"⁸⁰. Русский высокий чиновник Я. Флоренсов (1850 г.): "Любитель древности едва ли найдет теперь статую на своем месте"⁸¹. Также высокий чиновник А.И. Пискарев (1851 г.): "В этот промежуток времени (т.е. с 80-90-х гг. XVIII в.) может быть более чем половина этих истуканов истреблена"⁸². Украинский археолог А.В. Терещенко (1853-1854 гг.): "Теперь почти все истреблено невежеством, предрассудками и, наконец, употреблением в дело"⁸³; он же: "[Бабы], находившиеся прежде во множестве в Павлоградском, Бахмутском и Славяносербском уезде, едва составляют теперь сотую часть"⁸⁴. Немецкий натуралист А. Пецольд (1855 г.): "Нужно чрезвычайно сожалеть, что эти памятники культуры неизвестного народа берегли столь мало. [...] С ними обращаются очень плохо, так что у многих только с трудом можно узнать общие человеческие очертания. Я видел мно-

гие сотни курганов, но ни на одном не было бабы"⁸⁵. Польский любитель старины А. Подберезский (60-ые гг. XIX в.): "Цинизм вместе с приукрашенным цивилизацией вандализмом стянули их [баб] необдуманно с прежних мест и, таким образом, почти полностью утерян след ихнего прежнего значения, заложенной в них идеи [...] Каменные бабы почти нигде не сохранились неподрезанными, в большинстве случаев они стоят обезображены, разбиты, неузнаваемы в грязном угле, одни без голов, другие без рук и ног, которые им обломали"⁸⁶. Украинский любитель древностей Г.С. Чириков (1879 г.) говорит о "бесчисленном множестве уничтожившихся баб"⁸⁷. Русский археолог Д.Я. Самоквасов (1884 г.) об окрестностях станции Краснокутовки над р. Конкой: "Еще на памяти старожиллов вершины многих курганов большей и средней величины (а их около 500), оканчивались каменными истуканами, которые частью побиты местными жителями, частью свезены в усадьбы"⁸⁸. Украинский историк Д.И. Яворницкий (Эварницкий) (1890 г.): "Лет 30-40 тому назад [...] каменных баб гораздо больше было в новороссийских степях, чем теперь: в настоящее время они или обезображены до неузнаваемости или совсем истреблены, и чем дальше, тем меньше их становится [...] Каменных баб совсем уничтожают"⁸⁹; он же в другой раз: "Порча каменных баб практиковалась в самых широких размерах до позднего, сравнительно, времени [...] Вообще, уничтожение этих памятников было очень велика"⁹⁰. Русский археолог Н.Е. Бранденбург (1890 г.): "Истуканов [...] сохранилось довольно много, хотя несравненно большее их количество уже уничтожено; к величайшему сожалению при этом почти все уцелевшие экземпляры уже снесены с своих первоначальных мест"⁹¹. Украинский краевед А.И. Ружицкий описывает отношение населения Таврии к бабам (1906 г.): "Не могу не отметить прежде всего равнодушное отношение населения к остаткам старины. Мой приезд в село и поиски каменных баб вызывали забавные толки или снисходительную улыбку к прихотям праздного человека, или же недоумение: "Нащо здались ті каміння?" [...] На курганах каменных баб уже не пришлось встретить"⁹². Суровый приговор вынес выдающийся русский археолог Н.И. Веселов-

ский (1915 г.): "С присоединением степной полосы к Российской империи каменные бабы быстро начали исчезать с курганов [...] Попустительство местных властей в деле расхищения каменных баб нанесло русской археологии большой и непоправимый вред"⁹³. Простое, далеко не полное сопоставление высказываний 1828-1915 гг. создает выразительную своей мрачностью картину.

Несмотря на все возмущенные возгласы, царская администрация ничего не сделала для охраны удивительных памятников культуры, а некоторые робкие ее попытки принесли прямо противоположные результаты. Если 23 декабря 1843 г., после прошения Императорской Академии наук⁹⁴ и после докладной записки Н.И. Надеждина⁹⁵, министр внутренних дел Л.А. Перовский вынужден был обратиться с циркуляром к гражданским губернаторам, предписывая объявить бабы неприкасаемыми и провести их перепись⁹⁶, то это привело даже к тому, что "в некоторых местах низшие чины администрации прямо приказывали уничтожить эти изваяния, чтобы донести начальству, что в их районе подобных статуй не имеется"...⁹⁷ По-видимому, единственным положительным следствием циркуляра 1843 г. явился сбор (к сожалению, далеко не полных) статистических данных о количестве и месте нахождения баб, которые в дальнейшем были опубликованы А.И. Пискаревым⁹⁸. Впрочем, попыток взять под защиту баб административным путем больше и не было... Даже грабительские раскопки кладовискателей, явившиеся, как известно, одной из причин погрома каменных изваяний, были запрещены - и то только частично (исключительно на государственных землях) - всего лишь законом от 11 марта 1889 г. Запрет этот не коснулся частных и церковных владений... Гражданская война не способствовала сохранению баб, разбросанных по помещичьим усадьбам. Небольшая часть их была свезена в музеи, остальные - разгромлены. В дальнейшем подобным образом сложилась судьба баб, украшавших хозяйства зажиточных крестьян. За последние годы много баб испорчено и совсем уничтожено неосознательными и темными людьми. Нужно собирать все, какие возможно сведения и их изображения, так как эта группа памятников находится под самой значительной угрозой"⁹⁹. Заметно уменьшилось количество статуй

вне музеев, да и в музеях они не всегда находились в нужной сохранности. Так, например, из 35 баб, хранившихся в Музее Одесского общества истории и древностей в 1874 г.¹⁰⁰, через сто лет осталось (в Одесском археологическом музее) 30¹⁰¹.

Во время последней войны бабы Изюмского музея использовались как мишени¹⁰² — из 13 баб, отмеченных в 1928 г.¹⁰³, та осталось 10¹⁰⁴. В Анадо́льском степном лесничестве, в котором находилась большая коллекция баб, "после войны большинство статуй было разбито и разбросано среди кустарников, окружающих контору лесничества" — и только позже примитивно реставрировано¹⁰⁵. Из Таганрогского музея после 1951 г. исчезло 5 баб, по-видимому, разбитых на строительный щебень¹⁰⁶.

С.А. Плетнева говорит о только недавно приостановленном "стихийном процессе повсеместного уничтожения памятников" и о том, что новонайденную статую "чаще всего [...] разбивают на месте и используют, как и сто лет назад, для хозяйственных нужд". Как и давно "по селам и деревням Украины они лежат на перекрестках дорог, служат заборными столбами и скамейками, края их иногда видны в фундаментах деревенских хат"¹⁰⁷. Не так давно конкретно отмечалось, что "в некоторых селах Донецкой, Луганской, Херсонской и Харьковской областей древние скульптуры уничтожают"¹⁰⁸. В музеях не созданы условия для хранения баб — одним из самых мрачных выводов капитального исследования С.А. Плетневой является тот, что "если в крупнейших хранилищах каменных статуй СССР [...] не будут выстроены специальные павильоны-хранилища, каменные статуи через 50-100 лет вообще исчезнут с лица земли"¹⁰⁹.

Удручающая картина уничтожения каменных баб на протяжении ряда столетий не является самоцелью нашего исследования. Изучение механизма и масштабов гибели статуй — чрезвычайно интенсивного их уничтожения, проводимого за последние 150-200 лет крайне необходимо для уяснения трех не подлежащих сомнению истин:

1. Количество каменных изваяний в прошлом в момент прекращения их установки в степях и лесостепях Восточной Европы было в десятки раз больше того, существование которого зафиксировано

письменным образом;

2. Отсутствие каменных баб в определенных регионах, отмеченное в течение последнего столетия, не обязательно говорит в пользу утверждения о том, что раньше там их не было. Другими словами, ареал распространения каменных баб значительно изменился вследствие многовекового их истребления человеком;

3. Зарегистрированные наукой места значительного скопления статуй вполне возможно отражают случайную картину, так как нитенсивность насыщения отдельных регионов статуями прямо зависело, в конечном счете, от степени хозяйственного освоения земли человеком, т.е., что скопления баб, в основном, зафиксированы там, где освоение степи началось поздно.

Эти три положения мы попытаемся раскрыть в процессе дальнейшего изложения.

2. Количество каменных баб

Своеобразные переписи каменных изваяний в широких масштабах устраивались по крайней мере дважды; проводились также попытки подсчета другим образом. Конечно, все эти исчисления коснулись, в первую очередь, уцелевших баб — вопрос о возможном количестве баб в прошлом не поднимался никогда.

Первая "перепись" баб была проведена в соответствии с циркуляром министра внутренних дел от 23 декабря 1843 г. — результаты ее были обнародованы в 1851 г. А.И. Пискаревым¹¹⁰. Согласно этим данным, на территории Российской империи находилось 645 изваяний, преимущественно на юге Украины и России. Сведения эти, несомненно, значительно занижены; с другой стороны, в "перепись" попало, правда, незначительное количество нетуркских статуй.

А.И. Кельсиев, частично на основании полевых исследований, оценил в 1881 г. количество сохранившихся баб на "свыше тысячи, может быть немного больше"¹¹¹.

По поручению Московского археологического общества на протяжении 1903-1905 гг. проводилась вторая "перепись" каменных баб.

Собранные на местах данные обобщила П.С. Уварова¹¹², пришедшая к выводу, что сохранилось (снова главным образом в европейской части государства) 1133 бабы. Сведения эти, как будет показано дальше, занижены. Подробные данные, собранные П.С. Уваровой, не публиковались, они были только недавно использованы С.А. Плетневой.

Л.П. Зяблин в 1952 г. обладал сведениями о 1092 бабах на восточноевропейской территории¹¹³. В результате дальнейших поисков эту цифру удалось довести до 1300 изваяний, из которых на 1974 г. сохранилось 684¹¹⁴.

Данные нашей картотеки, частично проверенные и дополненные в полевых условиях (Черкасская, Кировоградская, Днепропетровская и Херсонская обл.), разрешают увеличить количество зафиксированных в различных источниках изваяний примерно до 1650 экземпляров, из которых сохранилось до нашего времени не более 730.

В конце XIX- начале XX вв. проводились (в частности, благодаря работам по археологическому картографированию, а также путем сбора сведений губернскими статистическими комитетами) подсчеты количества баб на более ограниченных территориях. Только часть этих данных достигла в печать.

Для Таврической губ. в 1903-1905 гг. была получена цифра ок. 200 баб (А.И. Маркевич, А.И. Ружицкий), которую, однако, нельзя считать полной, так как данные из ряда мест не поступили¹¹⁵ (что косвенно свидетельствует о заниженности цифр П.С. Уваровой, насчитывавшей в этой губернии 199 баб). В Донецкой области в 1905 г. В.А. Харламовым было найдено 443 бабы¹¹⁶ (у П.С. Уваровой только 350). Для Екатеринославской губ. имеются только данные П.С. Уваровой - 328 баб. В Херсонской губ. количество баб по данным, собранным В.Н. Ястребовым (1894 г.), определялось количеством не более 40¹¹⁷. Даже если примерно треть этой цифры отбросить на бабы нетюркского типа, то окажется, что на территории губернии было зафиксировано около 30 интересующих нас изваяний. И в данном случае информация П.С. Уваровой, говорившей только о 6 бабах, значительно занижена. Для Харьковской губ. Д.И. Багадей при картографировании учел данные приблизительно о 140 бабах¹¹⁸;

по его собственному признанию данные занижены, так как он не учитывал привозных баб. П.С. Уварова отметила 133 бабы на территории этой губернии, несомненно, учитывая также импортных. По данным 1929 г. на территории б. Харьковской губ. сохранилось более 100 баб¹¹⁹.

Из существующей литературы вопроса не представляется возможным "выжать" какие-либо другие цифровые данные.

В целом ряде случаев исследователи прошлого ограничивались только огульным определением количества баб ("множество", "тысячи" и т.п.). Несмотря на неконкретность подобных указаний, все они представляют ценность, особенно если учесть, что исходили они из уст наблюдателей XIX в., имевших возможность во время путешествий и полевых исследований создать себе более-менее обоснованное впечатление о количестве каменных баб. Свод этих общих соображений может оказаться бесполезным.

П.Н. Фус (1843 г.) писал о множестве баб, стоявших на могилах¹²⁰. Я. Ерней (1844-1845 гг.) насчитывал их тысячами¹²¹. Я. Флоренсов (1850 г.) упоминал о множестве статуй, виденных им в Мариуполе, Новочеркасске, Донской обл., Славяносербском и Бахмутским у.¹²² А.В. Терещенко (1853-1854) был убежден (как мы отмечали уже выше), что из "множества" баб в Павлоградском, Бахмутском и Славяносербском у. осталась сотая часть¹²³. М. Мух (1877 г.) считал, что на территории между Прутом и Доном сохранились тысячи баб¹²⁴. А.Л. Крылов (1878 г.) приводил мнение о том, что в Миусском окр. "стоит копнуть и непременно в кургане выкопаешь каменную бабу, которых там много"¹²⁵, сам он также был убежден, что данный округ очень богат каменными скульптурами¹²⁶. Г.С. Чириков (1879 г.) писал о "бесчисленном множестве уничтожившихся баб" в Харьковской губ.¹²⁷, И.С. Леваковский (1879 г.) - о "необыкновенном изобилии" баб в Бахмутском у.¹²⁸, Д.И. Яворницкий (Эварницкий) (1890 г.) отмечал, что "особенно много каменных баб было в Славяносербском у., Екатеринославской губ., и Александрийском (у.), Херсонской, близ знаменитого Черного леса"¹²⁹. Н.И. Веселовский (1892 г.) подчеркивал, что каменных баб "в Таврической губ., мне хорошо

известно, бесчисленное множество"¹³⁰, он же считал (1915 г.), что в Бахмутском у. в прошлом было, "можно сказать, царство этих статуй"¹³¹.

Вряд ли, однако, представляется сейчас возможным решить вопрос о том, насколько сообщения о значительных скоплениях баб в Павлоградском, Бахмутском, Славяносербском у., Екатеринославской губ., в Александрийском у., Херсонской губ., Миусском окр., Донской обл., степной части Таврической губ. отражали условия, существовавшие до заселения. Вполне возможно, что явление это не являлось следствием большего, чем в других местах, скопления баб на упомянутых территориях в далеком прошлом, а результатом того, что данные местности начали запахивать сравнительно поздно. Итак, значительное скопление баб в северных у. Таврической губ. мы склонны связывать с тем, что кочевья ногайцев вокруг г. Дялангача (Ногайска) находились здесь вплоть до 30-х гг. XIX в.¹³² Степи в Мариупольском у., Таврической губ., например, начали запахивать всего лишь только в конце XIX- начале XX в.¹³³ В Миусском округе еще в начале XIX в. кочевали калмыки¹³⁴, что, очевидно, также способствовало сохранению статуй.

Комбинация цифровых и описательных данных дает, несомненно, достаточно оснований для того, чтобы, как это делают современные исследователи, считать, что в прошлом в степях находилось "огромное количество этих статуй"¹³⁵, т.е. "огромное число каменных статуй, украшавших в древности почти каждое видимое издали место в степи"¹³⁶ (За пределами наших рассуждений остаются деревянные статуи¹³⁷, устанавливаемые, по-видимому, там, где поблизости не было камня, пригодного для изготовления статуй. Количественное соотношение деревянных - подверженных быстрой порче - и каменных изваяний навсегда останется неизвестной величиной).

Попытки определить количество статуй тюркского типа на территории Восточной Европы могут носить всего лишь только характер более или менее удачной гипотезы, для конструирования которой исходным пунктом ретроспекции могут являться как итоговые цифровые данные, так и общие представления о множестве уничтоженных статуй.

Согласно нашей оценке, упомянутая выше цифра 1650 баб (сохранившихся ок. 730 и фиксируемых в литературе, но не сохранившихся - ок. 920) характеризует реликты тюркских каменных статуй на территории, присоединенной к Российскому государству после 80-х гг. XVII в. Даже если считать мнение А.В. Терещенко о том, что на 1853-1854 гг. в Павлоградском, Бахмутском и Славяносербском у. сохранилась "сотая часть" находившихся здесь "прежде" (когда - на момент завоевания?) статуй¹³⁸ поэтическим преувеличением, так, все-таки можно считать, что уничтоженными оказалось на территории, присоединенной после 80-х гг. XVII в., в результате: а) утилизации баб а процессе хозяйственной деятельности, б) установки на почтовых трактах, в) установки в помещичьих и крестьянских усадьбах, г) других причин (селитроварение, кладоискательство, суеверия, религиозный фанатизм) - баб примерно в 20 раз больше того количества, сведения о котором удалось собрать. Иными словами, количество баб на европейской территории, находившейся вне пределов России и Польши по 80-ые гг. XVII в., определяется цифрой в не менее 30 тысяч. Мы считаем, что количество на данной конкретной территории не подвергалось принципиальным изменениям по сравнению с уровнем середины XIV в. Значительное изменение в количестве баб произошло, по-видимому, только в Дунайско-Божском междуречьи.

Для той части территории степи и лесостепи, которая до 80-х гг. XVII в. находилась в составе как России, так и Польши, и входила в ареал распространения баб (см. следующий параграф), где процесс массового уничтожения баб был уже позади, мы принимаем - конечно, только в качестве рабочей гипотезы - цифру 10 тысяч каменных изваяний.

Попытка подобных гипотетических исчислений приводит нас к мнению, что на территории, являвшейся к середине XIV в. ареалом распространения каменных баб, количество их определялось величиной порядка около 40 тысяч. Дело здесь не в арифметической точности, достичь которой невозможно, а в конструировании приблизитель-

но верных представлений. В том, что наша реконструкция не очень фантастична, убеждает нас хотя бы мнение С.А. Плетневой, считающей, что "тысячи, возможно даже десятки тысяч статуй были варварски уничтожены"¹³⁹. Мы просто попытались несколько более конкретизировать мнения того рода.

Только четкое понимание этого положения, особенно пропорций между тремя группами баб: I – сохранившихся, II – сохранившихся и тех, о которых имеются литературные данные, III – тех, о которых не сохранились никакие сведения и тех, о которых имеются литературные данные, и сохранившихся (мы определяем их соотношение как примерно 1:2:50) – показывает полную несостоятельность попыток механически проецировать данные о бабах I группы (ок. 730 экземпляров) и даже о бабах II группы (ок. 730 + 920 экземпляров) на период, когда установка баб прекращалась, т.е. на середину XIV в., или же на более ранний период – период господства половцев.

3. Ареал распространения каменных баб в Восточной Европе

Изучение вопроса о территории, занимаемой в прошлом турецкими каменными бабами, наталкивается на несколько значительных препятствий. Первое – и самое главное из них – это конечно, массовое уничтожение баб, вынуждающее прибегнуть к ретроспективной реконструкции ареала, не всегда вполне удачной из-за скудости источников. Во-вторых, это общеизвестный факт перевозки баб как на близкие, так и порой на весьма значительные расстояния. В-третьих, это затруднения источниковедческого характера, связанные с интерпретацией письменных источников, как печатной и рукописной литературы, так и архивных данных, в которых часто, особенно в XVIII–XIX вв., не делались различия между типами баб.

Наиболее распространенное народное название изваяний "каменная баба" (в украинском языке: "кам'яна баба", реже: "кам'яний лід"¹⁴⁰, "кам'яний чоловік", "кам'яна дівка", "баба-мужик", "ма-

ра" = привидение¹⁴¹) относится не только к турецким изваяниям, но и к статуям других типов, к менгирам и даже к "бабообразным" естественным образованиям. Ареал же распространения украинского диалектного термина "мамай"¹⁴², безусловно заимствованного из татарского "мамай", = 'чудовище' (?), который относится почти исключительно к турецким изваяниям, совершенно неизучен. (Нельзя кстати, согласиться с турецкой этимологией восточно- и западнославянского слова "баба" в значении 'каменное изваяние', из турецкого "баба" = 'отец, предок, уважаемый человек'¹⁴³, так как в данном случае нужно было бы ожидать употребления термина "баба" = 'каменное изваяние' только в русском и украинском языках, приуроченного к территории, где находились турецкие бабы. В действительности это совершенно не так).

Перевозка турецких каменных изваяний имела место в довольно значительных масштабах и была вызвана как модой (в помещичьей среде), так и коллекционированием, музейным и внемузейным. Таким образом "импортные" бабы очутились не только в окрестностях Петербурга¹⁴⁴, в Литве (Вильнюс)¹⁴⁵, Грузии (Тбилиси)¹⁴⁶, Польше (Варшава, Неборув)¹⁴⁷, Германии (Берлин)¹⁴⁸, но и в далекой Канаде (Ниагара Фаллс)¹⁴⁹. Литературой засвидетельствованы перевозки баб внутри ареала их распространения, при чем в самых различных направлениях – из Юга на Север (например, из Северного Кавказа на Левобережье: "более 30 статуй в имении г. Шидловской, привезенных с Кавказа"¹⁵⁰, из Полтавской губ. в Быковский у. Могилевской губ.¹⁵¹, из Запада на Восток (из берегов р. Маньча в местность к югу от Астрахани¹⁵²) и т.д. Для исследователя положение осложняется в тех случаях, когда перевозки осуществлялись в пограничной полосе предполагаемого рубежа ареала, нпр. из Крыма в Тимский у., Курской губ. (интересно, что бабы были привезены туда в 50-х гг XIX в. чумаками)¹⁵³ или же из ближе неизвестной местности в Вольнскую губ. ("в имение г. Гака")¹⁵⁴.

И, хотя, несомненно, сейчас не представляется возможным выяснить большинство случаев перевозки баб, вряд ли стоит как-то демонизировать этот вопрос, объявляя все те бабы, которые не под-

ходят под а priori избранный ареал, привозными. В свое время легкомысленное заявление В.В. Пассека (1838 г.) о том, что в Харьковском, Валковском и Полтавском у. статуи "все привезены из Новороссийского края или из-за Дона"¹⁵⁵, было воспринято совершенно некритично и, хотя дальнейшие конкретные материалы опровергли утверждение В.В. Пассека, делало плохую службу вплоть до последнего времени. Подобным образом, как нам кажется, без учета сопутствующих данных, привозной объявлялась баба в окрестностях Москвы (около с. Кунцева)¹⁵⁶. У некоторых авторов "нежелательный" ареал распространения статуй аннулируется объявлением импортными всех тех каменных баб, которые не укладываются в прокрустово ложе определенной концепции. Итак, на территории современных Харьковской и Полтавской обл. "статуи в большинстве случаев попадали позднее из более южных районов", а в Лубны и Харьков их "также, очевидно, доставили с юга" и т.д.¹⁵⁷ Вряд ли нужно подчеркивать, что подобные утверждения голословны, не подтверждаются соответствующими источниками. Как на курьез можно указать на попытку объявить найденные в Болгарии статуи привозными из Востока (т.е. из Украины)¹⁵⁸.

Большую путаницу в определении ареала распространения турецких баб внесла типологическая неразработанность вопроса в прошлом. На первоначальных этапах изучения статуй бабы различных типов объединялись в единый ареал, для которого подискивалась единая генетическая и этническая концепция. Подобные воззрения нашли отражение на тех границах распространения каменных баб, которые в 1869 г. были предложены П.А. Уваровым, охватывавших, нпр., на западе: все Подолье, часть Галичины и Калишскую губ. Польского королевства¹⁵⁹. Предложенные П.А. Уваровым границы перекочевывали от одного автора к другому, чтоб, в дальнейшем, преобразоваться в составную часть концепции евразийского ареала "статуй с чашей", охватившего на западе значительную часть Центральной Европы (А. Гартманн¹⁶⁰, В. Деметрыкевич¹⁶¹), и найти конечное завершение в построенной на бесконечных параллелях компаративистской концепции Жан Кастанье, с ареалом, охватывающим

чуть ли не весь земной шар¹⁶².

Совершенно забытой и, к сожалению, неиспользованной последующими исследователями осталась та вполне реалистичная концепция ареала, которую предложил еще в 50-х гг. XIX в. украинский археолог А.В. Терещенко, исколесивший лично огромные пространства Восточной Европы от Северного Поволжья до Южного Причерноморья. По его выражению: "Южная оконечность России, приднепровские степи, Украина малороссийская (Полтавская, Черниговская, Харьковская, Киевская и часть Волынской губ.), степи астраханские, саратовские, частью оренбургские и самарские были усеяны каменными бабами, стоявшими на могилах, при дорогах и на полях"¹⁶³.

Научная деятельность Н.И. Веселовского способствовала развитию противоположного течения, расчленившего огромный в территориальном плане и по хронологической глубине ареал антропоморфных статуй различных народов и эпох на более четко типологически ограниченные регионы. Начатая с размахом Н. Веселовским работа, темпераментно отметававшего в сторону нетуркских баб¹⁶⁴, так и не была доведена до конца. Она однако способствовала выделению ареала турецких каменных изваяний, размеры которого не были определены создателем новой концепции.

Третий этап изучения европейских статуй, с одной стороны, несомненно, способствовал (работы Л.П. Зяблина, С.А. Плетневой, Г.А. Федорова-Давыдова) более четкому изучению контуров ареала распространения изваяний на основании типологического выделения турецких статуй. С другой стороны, тем не менее, в связи с выдвиганием концепции об исключительно половецкой атрибуции "статуй с сосудом" (и типологически близких им других изваяний), привел к методологически неправильной подмене вопроса об определении ареала статуй вопросом о территории, занимаемой половцами. Проверка новейшей концепции ареала статуй на основании собранного фактического материала (она проводится в дальнейшем) вынуждает выдвинуть принципиальное требование абсолютно изолированного изучения двух различных ареалов — ареала распространения статуй и ареала расселения половцев. Фактический материал убедительно до-

казывает, что об идентичности этих двух ареалов не может быть и речи.

К резко отрицательным последствиям гипотезы об идентичности двух ареалов необходимо отнести упрямо повторяемую мысль, о том, что все те статуи, имеющие определенные признаки тюрского типа, которые находили или находят вне ареала расселения половцев, это или импорт XIX–XX вв. или же бабы, неправильно отнесенные к разряду тюрских. В тех же случаях, когда признаки тюрского типа налицо, а импорт доказать невозможно, исследователи выносят заключение, что данные статуи, в конечном счете, являются собой "единичные экземпляры" или "экземпляры, попадающиеся крайне редко", которые, почему-то, не следует учитывать при определении ареала распространения статуй.

К отрицательным проявлениям "половецкой гипотезы" нужно отнести также выражено тенденциозное картографирование материала, при котором, например, сведения, опубликованные А.И. Пискаревым (1851 г.) нанесены на карту таким образом, что данные по Херсонской губ. показаны на Левобережье (хотя губерния была правобережной), данные по Екатеринославской губ. также на Левобережье (хотя губерния была частично правобережной) и т.д.¹⁶⁵ Подобное предвзятое картографирование создает ложные впечатления, заранее подготавливая к восприятию "половецкой гипотезы".

Тенденция ограничить европейский ареал распространения статуй тюрского типа до строго установленных границ расселения или кочевания одного этноса, в принципе не нова. Подобные концепции уже предшествовали определению ареала статуй, проводимом П.А. Уваровым. В 40-х гг. XIX в. одна из подобных концепций должна была иллюстрировать сегодня почти забытую гипотезу венгерского историка Я. Ернея, приписывавшего баб древним уграм и поэтому рьяно настаивавшему на ограничении ареала распространения статуй до тех восточноевропейских территорий, на которых хотя бы гипотетически проживали или через которые перекочевали угры накануне своего переселения в Паннонию¹⁶⁶. Я. Ерней ограничивал территорию распространения баб междуречьем Днестра и Дона и пространством

между Харьковом и Доном, отрицал например, их нахождение на юге Крыма. Концепция Я. Ернея, не имевшая под собой научной почвы, вскоре была отброшена.

Еще раньше, в 20–30-х гг. XIX в. была отброшена похожая ограничительная концепция, локализовавшая каменных баб только на Левобережье – ее отвергли, благодаря упорному повторению данных об истинном ареале распространения статуй в Восточной Европе (отражавших, конечно, самый ранний этап накопления фактов), принимаемому П. фон Кеппеном¹⁶⁷. По-видимому, этим историографическим опытом не стоит пренебрегать и в наше время.

Главная ошибка в попытке идентифицировать два ареала (статуи = половцев) состоит в методологически неправомерном применении археологической методики оценки результатов изучения микрообъектов (результатов, накопленных вследствие раскопок погребений, в первую очередь) – при которой отбрасывается как нетипичное и нехарактерное все то, что выходит за ареал массового распространения данного микрообъекта – к оценке результатов изучения макрообъектов, т.е., в данном случае, монументальной скульптуры. При этом совершенно игнорируется тот факт, что макрообъекты, составляющие инвентарь погребений, даже потревоженные грабителями-кладоискателями, в основной своей массе остаются на месте и не подвергаются уничтожению в массовых масштабах, тогда когда макрообъекты – монументальная скульптура, как мы показали выше, на протяжении шести веков подвергались уничтожению и истреблению. Если при микрообъектах отсутствие внимания к единичным находкам вне ареала массового их распространения может быть как-то (конечно, с натяжкой) оправдано, то при каменной скульптуре находка каждой единичной каменной бабы вне пределов наибольшей насыщенности их распространения говорит о счастливо сохранившемся реликте, подтверждающим гораздо более широкое распространение тюрских каменных статуй в прошлом, статуй, истребленных и истребляемых человеком на протяжении ряда столетий.

В пределах данной работы нет возможности останавливаться на всех вопросах, связанных с определением ареала статуй, т.е. на

точном географическом распределении всех зафиксированных находок. Мы вынуждены ограничиться замечаниями по поводу наиболее спорных проблем, тем не менее — нам кажется — и эти беглые замечания способны раздвинуть пределы тех границ распространения каменных баб, которые оказались искусственно сдвинутыми в сторону значительного уменьшения реально существовавшего ареала. Не вдаваясь в рассуждения о типологии статуй (этому вопросу посвящен следующий параграф), мы принимаем при определении ареала данные о наличии статуй трех генетически связанных типов, которые сейчас уже без дискуссии считаются тюркскими: I) столпообразную статую с высеченной или изваянной одной только головой (Плетнева, №№ 251, 255, 271, 681, 903, 928, 949, 1094, 1102 и др.), II) скульптуру с изваянной головой и намеченными руками, однако без сосуда (Плетнева, №№ 120, 299, 353, 354, 1068, 1110, 1289 и др.), III) "классическую" статую, держащую сосуд перед лупком. Принадлежность статуй этих трех типов к одному культурному кругу, как будто, не вызывает сомнений.

а. Юго-западная граница

Южное Подунавье

Вопреки всем попыткам дискредитировать, иногда наивным, иногда, софистическим образом находки каменных баб в с. Златна Нива, около Шумена (и, одновременно, около древней столицы болгар Плиски)¹⁶⁸, принадлежность этих баб к классическому типу III не подлежит сомнению. Poleмическое высказывание Г.А. Федорова-Давыдова, направленное против атрибуции баб протоболгарам (произведенной Г. Фегером, Н. Мавродиновым), о том что сотни изваяний найдены не только вдали от Плиски, но и вдали от мест обитания болгар вообще¹⁶⁹, ровным счетом ничего не объясняет, а следующее утверждение С.А. Плетневой: "что же касается знаменитых, неоднократно изданных двух половецких статуй из Болгарии, то место их первоначальной находки неизвестно. Вполне возможно, что они

были привезены сюда из восточных районов"¹⁷⁰, мягко выражаясь, расходится с действительностью.

Находки тюркских каменных изваяний примерно 80 км к югу от Дуная, изготовленных на месте, не подлежат ни малейшему сомнению. Златна Нива — пока выдвинутый дальше всех на юго-запад пункт, ограничивающий с этой стороны ареал распространения баб.

Впрочем, болгарскую находку нет необходимости рассматривать как какой-то особый изолированный случай. Изучая каменных баб начиная с 1847 г. В.И. Мочульский (его записи и карты остались до сих пор неопубликованными), обошел пешком всю южную Украину — он считал Дунай юго-западной границей распространения баб¹⁷¹. Нет оснований сомневаться в этом утверждении, так как оно согласуется с данными о бабах в южной части Днестровско-Днепровского междуречья.

Днестровско-Днепровское междуречье

Попытки уменьшить значение находок баб в правобережной степной Украине не могут считаться серьезными. Александровский и Елизаветградский у. принадлежали к столь насыщенным бабами территориям, как и Херсонский у.¹⁷² Александровский у. вообще считался очень густо "заселенным" бабами¹⁷³. Этой территории касаются самые ранние (конец XVIII—начало XIX в.) упоминания о тюркских скульптурах степей. О каменных бабах Херсонской степи, "изображающих мужчин или женщин, грубой работы", писал в 1806 г. А.С. Пишчевич¹⁷⁴. О бабах южнее Кичкаса (и с. Томаковки), на Толстой могиле около Чертомлыка и на Ингульце, на даче полк. Гандвиха, упоминал в 1782 г. В.Ф. Зуев¹⁷⁵, о скульптуре ок. Шанца Виского (позже: Великой Виской) в 1774 г. И.А. Гильденштедт¹⁷⁶, на бабу ок. Кучеровых Байраков (позже Кучеровки) указал еще в 1764 г. Г.Ф. Миллер¹⁷⁷.

Особый интерес вызывают данные о бабах западнее р. Бога (Южного Буга): 2 бабы на курганах ок. с. Милашевичево на р. Чичиклее упоминаются в 1850 г.¹⁷⁸ О бабах на могилах правобережья Бога вообще говорится о военно-топографическом описании 1863 г.:

"В тех местностях [примерно ок. с. Константиновки - Я. Д.], по правую сторону Буга, сохранились еще в стенах, на некоторых курганах, каменные бабы"¹⁷⁹. В.Н. Ястребов зарегистрировал в Атаньевском у., самом западном уезде Херсонской губ., 3 бабы¹⁸⁰. Не подлежит сомнению турецкая атрибуция каменного изваяния из с. Надушиты, Сорокского у., Бессарабской губ.¹⁸¹

Данные о распространении баб в Херсонской губ., на землях заселенных сравнительно рано и частично еще в XV в. входивших в состав Польско-Литовского государства, позволяют сделать вывод о том, что данная территория несомненно являлась частью ареала распространения турецких баб, соединяясь на юге с южноподунавским регионом, на севере - с подольским. Возможные поправки, вызванные наличием баб других (в первую очередь т.н. "скифского") типов, несовершенным образом описаны в литературе, только отдельные экземпляры и не влияют на общие выводы.

б. Западная граница

Подолье

Вопрос о существовании турецких каменных изваяний в Восточном и Западном Подолье в новой литературе вообще игнорируется. Конечно, существующие сводки баб, составленные без подробного их описания¹⁸², иногда не дают достаточных оснований для типологической дифференциации (а в Подолье накладываются один на другой ареалы распространения баб нескольких типов, не только турецких). С другой стороны, однако, сохранившиеся до сих пор реликты материальной культуры, а также более подробные описания и зарисовки свидетельствуют о распространении таких баб в прошлом также в подольской лесостепной и даже лесной полосах.

Самая восточная из подольских турецких баб находилась в с. Мервине, Липовецкого (Гайсинского) у., Киевской губ. Хотя сохранившийся рисунок подправлен фантазией художника¹⁸³, тем не менее не подлежит сомнению, что это была типичная турецкая скульптура

женщины с характерными украшениями (подвесками и головным убором, со сложенными на животе руками, четко изваянной грудью и т.д.). Баба была найдена в поле около села; исчезла из помещичьего сада в промежутке между 1850-1885 гг.¹⁸⁴

Несколько дальше на запад, в Тульчине, в магнатском парке Хороше, находилась баба¹⁸⁵ II типа, напоминающая сибирских. Согласно описанию Ю.-И. Крашевского, гранитная статуя "изображает мужскую фигуру с усами, несмотря на грубую работу (это почти барельеф) - не без определенного выражения. Руки, сложенные на груди, обозначены несколькими примитивными чертами"¹⁸⁶. Около Тульчина будто бы было больше подобных изваяний. Данная баба была перевезена в музей в Киеве - и там ее следы теряются.

Дальше на запад, в с. Иванковцах, Новоушицкого р-на, Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) обл., в 1950 г. была исследована давно находившаяся там статуя. Ее описали следующими словами: "Сохранность фигуры довольно хорошая (отбита лишь часть головы слева). Сохранились изображения бороды, усов, рук, сложенных на груди, складок пол одежды. В целом фигура выполнена обобщенно, без подробностей; изображение ног отсутствует"¹⁸⁷. Из правильного определения типа статуи в дальнейшем, однако, был сделан странный вывод: "На первый взгляд эта фигура напоминает известных каменных баб, распространенных на территории обитания турков-кочевников. Но при более внимательном осмотре оказывается, что у нее нет признаков, характерных для кочевнических баб, в ее чертах скорее можно видеть славянский тип"¹⁸⁸. Секретом исследователя осталось определение "славянский тип", черты которого удалось увидеть при отбитой части головы... С другой стороны, хорошо известно, что ряд типично турецких баб обладает "славянскими" чертами лица - это и послужило когда-то основой славянской теории происхождения не только европейских, но и азиатских¹⁸⁹ баб. В действительности, В.И. Довженок и его последователи были введены в заблуждение господствующим взглядом, что турецкие бабы покрывали исключительно Левобережье. Кроме этого, очень уж хотелось увидеть в Иванковцах "древнеславянское, антское святилище"

времен культуры полей погребений черняховского типа (II-V или даже II-VII вв. н.э.)¹⁹⁰. Представители тенденции преобразования турецкой бабы из Иванковец в "славянского идола" не в состоянии привести хотя бы одну аналогию из группы статуй, являющихся, по общему признанию, действительно славянскими идолами.

Следы распространения турецких изваяний еще дальше на запад мы находим в отрогах Западного Подолья, на возвышенности, известной ранее под названием Черный гай, ок. с. Панковец (сейчас на территории Львовской области). Согласно описанию из первой половины XVIII в., на холме Баба, тогда находилась статуя довольно значительных размеров, "представляющая женщину, как будто в полубубке, с выступающими грудями (сисками), в ермолке, то есть в чепце на голове, отвислыми руками, дырой, выдолбленной в груди и отбитыми ногами"¹⁹¹. Поверженная где-то в конце XVIII - начале XIX в. баба была разбита в 60-х гг. XIX в.¹⁹²

Сохранившиеся реликты и не вызывающие сомнения описания разрешают включить южную (лесостепную и частично лесную) часть Восточного и Западного Подолья в ареал распространения турецких баб. Представляется, что бабы "продвигались" на запад довольно узкой полосой. Так как они в дальнейшем очутились на рано освоенной землепашцами земле, скульптурные остатки могли сохраниться, по-видимому, только благодаря многовековой фетишизации изваяний местным украинским населением (что положительно известно в отношении бабы в Панковцах). Реликты скоплений баб в Среднем Поднепровьи, южнее Киева, разрешают предполагать, что именно к этому скоплению примыкал - с запада - подольский регион распространения турецких каменных баб.

Среднее Правобережье Днепра

Из не менее трех каменных баб, зафиксированных ранее в этом регионе (Суботов, Чигирин — Замковая гора, Куриловка)¹⁹³, до настоящего времени дошла - при чем сохранилась на месте - только одна, в Суботове (б. Чигиринского у., Киевской губ.).

"Всмотревшись в этот камень - писал М. Грабовский - можно

приметить грубо высеченную фигуру человека; особенно те, которые видели множество таких истуканов в Екатеринославской губ., суботовский камень признают за древнюю бабу"¹⁹⁴. А вот описание другого исследователя: "Суботовская (баба) - бесформенная глыба, еле обработана, не имеющая определенной формы, слегка только обозначены голова, руки и туловище, нет ни груди, ни ног, ни головного убора, ни символического сосуда"¹⁹⁵. Произведенный нами дважды осмотр бабы (в 1967 и 1975 гг.) подтверждает это описание, с тем, что на протяжении последнего столетия черты бабы еще более стерлись, поверхность ее подвергается дальнейшему разрушению. Тем не менее, не подлежит сомнению, что баба в Суботове - турецкое изваяние I типа. Сохранилось оно на месте благодаря фетишизации¹⁹⁶.

Незначительных размеров было изваяние в Куриловке (б. Каневского у.)¹⁹⁷.

О существовании баб севернее Киева сохранилось только общее упоминание¹⁹⁸. Не поддаются удовлетворительной интерпретации указания на существование подобных скульптур на Волыни, по территории которой, согласно мнению А.В. Терещенко, проходила граница распространения баб¹⁹⁹.

Наличие реликтов турецких изваяний, расположенных в бассейне рек Роси и Тасьмина, бросает совершенно другой свет на категорическое утверждение С.А. Плетневой о том, что каменных баб "нет в Поросье - земле черных клобуков"²⁰⁰. (При этом нужно помнить, что определяемая этим автором территория, занимаемая черными клобуками, неестественно уменьшена до одного только Поросья²⁰¹. Более обоснованное источниками определение территории земель черных клобуков, предложенное К.В. Кудряшовым²⁰². Так или иначе турецкие изваяния фактически были распространены на землях черных клобуков, как и на остальном пространстве, занятом лесостепью.

Среднее Левобережье Днепра

Выше уже упоминалось голословное утверждение В.В. Пассека об отсутствии местных каменных баб в Харьковском, Валковском и Полтавском у.²⁰³ Не меньшим анахронизмом звучит мнение С.А. Плетневой о том, что в Харьковскую и Полтавскую обл. "статуи в большинстве случаев попадали из более южных районов [...] Несколько "полтавских" статуй привезены были из Екатеринославской губ. [...] В города Лубны и Харьков их также, очевидно, доставили с юга"²⁰⁴ и т.д.

Вопреки этому, накладывание фактических данных на карту показывает, что с переходом границы распространения баб на левый берег Днепра (где-то в окрестностях Канева), граница эта поворачивает резко на север, оставляя в пределах ареала б. Полтавскую и Харьковскую, а также значительную часть б. Курской губ. А.В. Терещенко включил в ареал Полтавскую, Харьковскую и даже Черниговскую губ.²⁰⁵

Полтавская губ. являлась территорией, из которой статуи экспортировали на Север - в Бьковский у., Могилевской губ.²⁰⁶, в Лебединский у., Харьковской губ. (из сл. Хоружевской, Роменского у., Полтавской губ.)²⁰⁷. В совершенно естественной обстановке, в пленаре, в 1845 г. срисовал двух баб на кургане в Полтавской губ. Тарас Шевченко²⁰⁸. Да и С. Плетневой описан ряд статуй безусловно местного полтавского происхождения²⁰⁹.

В Харьковскую обл. нечего было попадать статуям "в большинстве случаев" (по выражению С.А. Плетневой) из более южных районов, так как в составе этой области находятся б. Изюмский, Змиевский, Купянский у., принадлежавшие, как убедительно доказал Д.И. Багалея (не учитывавший, почти как правило, "импортных" баб!), к местностям очень насыщенным каменными бабами²¹⁰. Каменные бабы распространялись довольно равномерно на север, охватывая даже давно (в XVII в.) колонизированные территории - Лебединский, Валковский, Харьковский, Богодуховский²¹¹ и, возможно, Ахтырский у.²¹² Этот первоначальный ареал распространения турецких статуй не подлежит дискуссии.

Сюда примыкают расположенные несколько севернее бабы Белгородщины (некоторые из них находятся сейчас в Воронежском и Белгородском музеях)²¹³. На дороге между Белгородом и Борисовкой (Хотмыжского у., Курской губ.) видел бабу П. фон Кеппен²¹⁴. На баб в Обоянском у., Курской губ., указывал А.И. Кельсиев²¹⁵. Изваяния из Ольховатского района, Воронежской обл., опубликованы А.Ф. Шоковым²¹⁶.

Если в 50-х гг. XIX в. А.В. Терещенко отмечал наличие каменных статуй в Черниговской губ., то через 30 лет их уже там не стало - по крайней мере в 1882 г. об этом сообщил в Московское археологическое общество черниговский губернатор²¹⁷. Тем не менее, А.Н. Нарцов зарегистрировал бабы в с. Соснице, Черниговской губ.²¹⁸

Учитывая этапы заселения южной и северной частей Среднего Левобережья, которые, несомненно, отразились на сохранности статуй, можно без особого преувеличения считать, что где-то до середины XVII в. "популяция" баб в северной части региона (Лебединский, Ахтырский, Богодуховский, Хотмыжский у.) не отличалась от той насыщенности, которая 200 лет позже являлась характерной для Изюмского, Змиевского, Купянского у. южной части региона. Отдельные бабы находились в более ранний период также на территории Черниговской губ.

в. Северо-западная граница

Стандартизированные представления, превратившие Левобережье Украины в единственное царство каменных баб, нанесли значительный вред, стирая следы распространения турецких изваяний севернее предыдущего региона. Поиски - хотя бы в старой краеведческой и мемуарной литературе, посвященной Окско-Донской возвышенности и Мещере - в плане наличия данных об антропоморфной скульптуре никогда не проводились и поэтому подмосковный регион распространения каменных баб представляется сейчас в виде какого-то острова, расположенного на 450-500 км. севернее Среднего Левобережья.

Для территории б. Тамбовской губ. А.Н. Нарцов собрал сведения о приблизительно десяти бабах (в Лебелянском, Тамбовском и Козловском у.)²¹⁹. К сожалению эти данные (хотя бабы и их фрагменты в начале XIX в. хранились в музее в Тамбове) упрямо игнорировались последующими авторами.

Расстановка баб на Ореховском почтовом тракте²²⁰ и в окрестностях Рязани²²¹ подтверждается литературой. Немыслимо, чтобы сотни баб (а, несомненно, о таком количестве должна идти речь) привозили в районы к востоку и юго-востоку от Москвы откуда-то издалека – если даже имели место перевозки, так на относительно небольшие расстояния.

Нераскрытой до конца остается загадка каменной бабы на "проклятом месте" в с. Кунцево, западнее Москвы (сейчас городской район в Москве). Специально исследовавший эту бабу (еще в 1857 г.) А.А. Гатцук свидетельствует, что старожилы не помнили, чтоб изваяние откуда-то привозили. "Первоначальное местонахождение этой "каменной бабы" в большом отдалении от усадьбы и парка (более чем на версту), в глуши леса, на высоком холме или мысе, образуемом рекою Москвою, на так называемом "проклятом месте", где видны следы какого-то древнего кладбища, могли бы несомненно ослабить силу этого убеждения" [т.е. убеждения о том, что баба привозная – Я.Д.] – писал А.А. Гатцук²²². А.И. Кельсиев считал, что баба в Кунцево "неизвестного происхождения"²²³. Странный микротопоним, возникший, несомненно, в связи с каменной бабой, вряд ли имел бы почву для образования, если бы баба была "импортной". В случае с бабой в Кунцево складывается впечатление, что фетишизация бабы (как в многих местностях на Украине) способствовала ее сохранению на первоначальном месте вплоть до середины XIX в.

г. Северо-восточная граница

Поволжье

Примерно такое же расстояние как от Северного Левобережья отделяет подмосковный "островной" регион от Северного Поволжья.

Реликты скоплений баб расположены на правобережье Волги на довольно обширной территории, охватывающей – как самые северные точки – отдельных баб б. Сердобского у., Пензенской губ.²²⁴ и Хвалынского у. (данные 1842 г.), Саратовской губ.²²⁵, к которым примыкает опубликованное недавно изваяние из Ртищевского р-на, Пензенской обл.²²⁶ Количество баб к югу, по направлению в Вольску, Балашову, Саратову, Лемешкино и, наконец, Камышину²²⁷, заметно увеличивается – хотя о массовом их нахождении здесь не может быть речи. Где-то в окрестностях Камышина бабы исчезают, а связь всего этого региона с бабами, расположенными в среднем Поволжье западнее, улавливается с трудом – и нуждается в дальнейшем исследовании.

Волга, вопреки утверждению С.А. Плетневой („в Заволжье они [бабы] попадаются в единичных экземплярах и крайне редко"), не являлась восточной границей распространения баб. В действительности, до нас дошло только немногим меньше сведений о тюркских скульптурах Заволжья, чем о бабах на правом берегу Волги. Если согласиться с мнением С.А. Плетневой о том, что голова старика из городища Болгара – фрагмент каменной бабы²²⁸, то северную границу распространения баб в Заволжье нужно прокладывать по Каме, примерно 300 км севернее границы распространения баб на правом берегу Волги (линия Сердобск-Хвалинск). Да и другие данные говорят о том, что в Заволжье тюркская скульптура продвинулась значительно дальше на север, чем в Западном Поволжье.

Каменные бабы Самарской губ. концентрировались в бассейне Самары. О бабе на кургане около этой реки, в Бузулукском у., упоминал еще П.С. Паллас²²⁹. Он же отмечал, что между горами к северу от Самары "есть много складенных из камней могильных холмов, на которых еще больше наставлено каменных болванов"²³⁰. На Самаре локализовал баб Э. Эйхвальд²³¹. К югу от Самары бабы встречались в Николаевском у.²³² и, в частности, также на р. Великий Иргиз²³³. Скульптуры находились в гораздо южнее – в Новоузенском р.²³⁴ Еще о двух бабах из Самарской губ., однако без точного их местонахождения, упоминал в свое время П.А. Уваров²³⁵.

Приволжский регион соединялся с более восточными регионами. А.В. Терещенко отмечал распространение баб в астраханских и оренбургских степях²³⁶. Детальную подборку сведений о тюркских изваяниях Оренбургской губ. (Оренбургский, Дрский и Троицкий у.) и Уральской обл. (Темирского у.) опубликовал И.А. Кастанье²³⁷. С другой стороны, едва ли можно говорить о непосредственных контактах Поволжского региона с Предкавказским.

Как на отрицательное – и совершенно необоснованное в научном отношении – явление нужно указать на полное игнорирование тюркской скульптуры Поволжья в некоторых новейших археологических работах²³⁸.

д. Южная граница

Северный Кавказ и Крым

Эти регионы ареала не являются предметом дискуссии, хотя конфигурация их в деталях не вполне ясна. (Особенно в Предкавказьи, где накладываются ареалы распространения статуй различных типов). Для изучения этого вопроса собран значительный фактический материал²³⁹, обобщение которого выходит за пределы поставленной перед нами задачи.

Попытка определить ареал распространения тюркских каменных изваяний, предпринятая как на основании сохранившихся статуй, так и в большей степени, при помощи литературных данных, доказывает, что скульптуры эти воздвигались на огромном пространстве, образующем неправильный четырехугольник со сторонами примерно в 750 (Подунавье – Подолье) x 1500 (Подолье – Прикамье) x 1500 (Прикамье – Предкавказье) x 1200 км (Предкавказье – Подунавье) с отрогой в сторону Западного Подолья и островом в Подмосковьи. Ареал этот составляет примерно пятую часть территории Восточной Европы. Для сравнения можно указать на размеры Половецкой степи, которые С.А. Плетнева определяет следующим образом: "около 750 км с запада на восток и 500 км с севера на юг"²⁴⁰.

Ареал распространения статуй охватывает как земли, насыщенные статуями, так и территории, на которых – вследствие разрушительной деятельности человека – сохранились только отдельные реликты. Не стоит еще раз подчеркивать, что литературные данные конца XVIII – XX вв. и сохранившиеся памятники никак не могут отражать положение середины XIV в., когда и сам ареал мог быть больше определяемого нами сегодня, и насыщенность его статуями, неомненно, была во много раз больше. Трактовка каменных баб как статического объекта с механической проекцией данных конца XVIII – XX вв. на прошлые столетия приводила в прошлом не к одной ошибке.

Определение ареала, в которое, при углублении изучений источников (а запущенность исследования проблемы настоятельно этого требует), могут быть внесены еще коррективы в сторону расширения границ, во всяком случае показывает, что охватываемая им территория никак не соответствует региону расселения какого-нибудь одного тюркского народа, иными словами, что в моноэтнической атрибуции статуй не может быть и речи. Тюркская антропоморфная скульптура, распространенная на столь значительной территории Восточной Европы – культурное наследие многих народов.

4. Типология, хронология, этнос

В проблеме изучения тюркской скульптуры Северного Причерноморья, как в едином фокусе, преломляются все сложности исследования тысячелетней истории антропоморфной скульптуры данного региона. Тюркские каменные бабы – последнее звено длительной эволюции, в которой причудливо переплетаются местные прочно сложившиеся традиции обработки камня с идеологическими (культовыми) требованиями различных в этническом отношении культур, передвигавшихся в результате миграционных процессов по территории Украины.

Несмотря на давно (еще во времена Н.И. Веселовского) выдвигаемые требования провести типологическую классификацию статуарных изображений, удовлетворительная классификационная схема

до сих пор не создана, хотя отдельные звенья эволюционного древа антропоморфной скульптуры освещены довольно хорошо.

С тех пор, когда (в 1930 г.) П.П. Куриный предложил выделить три основные этапа развития каменных баб на Украине ("наиболее ранний этап документирует белогрудовская фигура № 1; один из следующих, скифского происхождения, документируют фигуры мужчин [опубликованные А.А. Миллером в 1925 г. - Я.Д.] и женщин из собрания Всеукраинского исторического музея в Киеве - фигуры с ритонами; и, наконец, третий - эпохи кочевников, возможно не только половцев - многочисленные экземпляры каменных баб, десятками оставшиеся до нашего времени"²⁴¹), положение значительно осложнилось, как в связи с уточнением данных об отдельных этапах эволюции, так и в связи с обнаружением переходных стадий, а также вследствие систематизации значительного по объему нового материала.

Учитывая типологические, территориальные и хронологические компоненты (но абстрагируя от далеко не всегда ясной семантики статуй), на сегодня можно предложить более полную схему классификации антропоморфных изваяний. Несомненно, предлагаемая ниже схема все еще далека от законченности и последовательности - как далеко от законченности и последовательности изучение самих статуй. Ни в какие классификационные рамки не укладываются пока, например, как незначительные по размеру (ок. 30-40 см), почти лишенные признаков пластической обработки антропоморфные надгробия из некрополя Танаиса, датируемые временем до I в. н.э. включительно (связываемые с проявлением сарматского этноса)²⁴², так и гигантские бабы, также почти лишенные элементов вааяния, хранимые (но до сих пор не опубликованные) хотя бы в Кировоградском историко-краеведческом музее.

1. Энеолитическое антропоморфные статуи различных типов (от самых примитивных миндалевидных с еле выраженными очертаниями человеческой фигуры до барельефных изображений человека, осложненных орнаментикой и разнообразными символами) располагающиеся довольно широкой полосой в Северном

Причерноморья и генетически связанные с подобными стелами Средиземноморья и Франции²⁴³. Изваяния датируются III - началом II тысячелетия до н.э., при чем датировка мелких кусочков дерева контролируется радиоуглеродным методом²⁴⁴. Об этнической атрибуции этих статуй не может быть и речи. Как на странное недоразумение нужно смотреть на интерпретацию энеолитических стел в плане славянских идолов²⁴⁵.

Несмотря на много веков, отделяющих энеолитические стелы от турецких баб, изучение некоторых образцов турецких каменных изваяний говорит о том, что ваятели турецкого этапа использовали композиционные приемы своих отдаленных предшественников (по-видимому, некоторые стелы все еще стояли тогда в степи), например "спичкообразное" изображение верхних конечностей (Плетнева, №№ 926, 351, 333, 276, 265, 264, 267 и др.). С другой стороны, энеолитические стелы считаются генетически примыкающими к скульптуре скифского периода²⁴⁶, хотя положение это, несомненно, нуждается в конкретизации.

П. Т. наз. "скифские" статуи - фактически разнотипная скульптура с рядом особенностей преобладающего в количественном отношении типа - безбородым, но усатым лицом, рогом в правой руке, колчаном на левой стороне, левой рукой на прямом кинжале, размещенном на поясе. Попытки объединить совершенно разнотипную скульптуру²⁴⁷ (что особенно ясно сказывается при сравнении изображений скульптур, публикуемых в виде таблиц²⁴⁸, в пределах одного сообщения или же при попытке, например, реконструировать "скифские" доспехи на материале скульптур²⁴⁹) под названием скифской не могут считаться удовлетворенными. Атрибуция основывается на том, что рог идентифицируется со скифским ритонном, колчан - с горитом, кинжал - с акинаком. Хронологизируются же статуи на основании идентификации изображенного на них инвентаря с инвентарем скифских погребений, хронология которого достаточно прочно обоснована. Таким образом, статуи, ареал распространения которых довольно значительный (охватывая юг Румынии, Украины и Предкавказье), датируются VI-III вв. до н.э. При этом, однако,

совершенно игнорируются антропологические данные (почти все известные изображения скифов показывают бородатых мужчин²⁵⁰, ярко выраженная разнотипность статуй о композиционно-художественном отношении, резкий примитивизм изображений, просто невысказанный для создателей высокохудожественного скифского художественного стиля²⁵¹ и приверженцев достигшего высокой ступени развития греко-скифского прикладного искусства. В роге, колчане и кинжале чересчур часто хотят увидеть скифский инвентарь, не гнушаясь при этом, к сожалению, ретушировать не только фотографии, но и самые статуи. Для того, чтобы не поколебать "скифскую" атрибуцию скульптур, игнорируются явные связи изображений "скифских" типов со славянской (славяно-балтийской?) скульптурой, а также с тюркскими изваяниями.

Не даром "скифская" атрибуция статуй издавна, по различным соображениям, вызывает скептическое отношение. Оно проявляется в присваивании статуям других этнических определений: фракийские²⁵², фракийско-скифские²⁵³, гето-скифские²⁵⁴ - эти атрибуции определялись преимущественно на материале из Западного Причерноморья; "скифские" в кавычках, под чем подразумевалась принадлежность этнически не-иранскому населению, подчиненному скифам. Не без типологических оснований А.И. Тереножкин выделил из "скифских" отдельную группу статуй, присвоив им, несомненно спорное, название киммерийских стел²⁵⁵. Подчеркивают стиливое противоречие "скифских" скульптур (А.А. Формозов: "Не верится, что именно скифы ставили на курганах предельно примитивные каменные изваяния воинов. Точных, смело изогнутых линий, характерных для металлических блях, тут нет и в помине"²⁵⁶; А.М. Хазанов: "Скифские изваяния не сравнить с греческой скульптурой. Любопытно только, что скифы, столь много позаимствовавшие у греков, в монументальном искусстве оказались маловосприимчивыми к импульсам, исходившим от их более изощренных соседей. А между тем они посещали греческие полисы и видели скульптуры на их площадях, с совершенным реализмом передающие образ человека. Видели и, вероятно, оставались равнодушными"²⁵⁷. Некоторые видные исследователи (например И.А.Г. Потрац²⁵⁸) вообще

отказываются рассматривать вопрос об объемной скульптуре у скифов, или же подчеркивают, что речь может коснуться только монументальных стел (например А.И. Тереножкин²⁵⁹). Характерно, что в отношении некоторых т.наз. "скифских" статуй ведется дискуссия, не считать ли их тюркскими (что, конечно, также отражает отсутствие точной типологической классификации, типологическую близость или же наличие переходных стадий). Так, например, уничтоженная уже сейчас статуя из Эссентукского р., Ставропольского края (Плетнева, № 1080), определялась одними исследователями как скифская²⁶⁰, другими - как половецкая²⁶¹.

Вызывает удивление попытка точно датировать "скифские" скульптуры, без приведения для этого каких-либо убедительных доказательств. Так, например, А.И. Мелюкова считает возможным утверждать, что "типично скифские каменные изваяния, найденные в Добрудже" являются доказательством пребывания скифских военачальников, погибших в сражении с персами (514 г. до н.э.) или фракийцами²⁶². Остается открытым вопрос о том, как могли быть установлены - и сохранены - изваяния скифских полководцев на враждебной скифам фракийской или гетской территории ...

С нашей точки зрения, при рассмотрении проблемы т.наз. "скифских" статуй необходимо учитывать тюркские аналогии из Сибири, в первую очередь серию баб, держащих в правой руке чашу, а в левой кинжал, которые известны издавна по публикации Н.М. Ядринцева²⁶³, а также явно "промежуточные" статуи (с гравитацией в сторону тюркских), найденные уже на Украине - с мечом, колчаном и луком на левом боку, но одновременно с сосудом в обеих руках, расположенном на животе (например, неоднократно описываемая статуя в Одесском музее²⁶⁴). Отсутствие бороды и наличие усов также находит полную параллель в тюркских статуях (что обосновано антропологически). Т.наз. скифский акинак, кстати (если на статуях вообще изображен именно скифский акинак), под видом сарматского краткого меча бытовал на территории Украины еще в III в. н.э., а может быть и позже (у поздних сарматов сохранились мечи с навершьем раннесарматского типа)²⁶⁵. Совершенно непонятно почему скифы, мигрировавшие

из Северного Причерноморья в Закавказье и Переднюю Азию, т.е. в местности, где издавна была известна техника обработки камня, не принесли с собой на новые места обычай устанавливать статуи. Может быть, в связи с последним явлением, уверенным, что установка каменных статуй не соответствовала идеологии скифов-иранцев, т.е. ихние религиозные представления и культ предков находили другие проявления и, во всяком случае, не воплощались в установке каменных скульптур. Встреча с греческой культурой обработки камня явилась совершенно бесплодной для скифско-художественного мира.

К настоящему времени открыты и, в основном, хорошо обследованы тысячи безусловно скифских погребений. Невозможно объяснить почему нет ни малейших следов установки каких-либо скульптур именно там, где изваяния или следы их установки - учитывая поминальный характер данной пластики - должны были бы находиться в массовом количестве. Вопрос о принадлежности т.наз. "скифских" баб зависимо-му от скифов местному подневольному населению вообще не может быть объектом дискуссии, так как современное скифоведение отрицает наличие подобного зависимого населения, подчеркивая иранский этнос населения как степной, так и лесостепной зон²⁶⁶. Наконец необходимо отметить, что т.наз. "скифские" бабы в XIX в. все еще стояли на курганах Украины сверху, что кажется довольно невероятным, если принять датировку VI-III вв. до н.э.²⁶⁷

При последней датировке несомненно странными, с другой стороны, являются выраженные аналогии между т.наз. "скифскими" статуями и славяно-балтийскими бабами, также снабженными изображением рога, и, наконец, кавказскими христианскими статуями. Последователи создателя концепции скифской атрибуции статуй данного типа - А.А. Миллера - забыли, по-видимому, осторожные замечания этого же исследователя, что "рог в руке не является признаком древности, встречается и на памятниках средневековья, а в отношении акинака я предпочту пока воздержаться от точной датировки предметов возможного бытования этой разновидности кинжала на Северном Кавказе"²⁶⁸. Этот последний пробел - в отношении датировки бытования акинака - был выполнен незамедлительно после выступления А.А. Мил-

лера А.А. Захаровым: "На Кавказе композиция нагробной каменной плиты с изображением почившего, выселенным в фас и расцвеченного красками, дожила до настоящего времени, причем способ ношения кинжала на поясе совершенно аналогичен способу ношения акинака"²⁶⁹. К сожалению, эти подкрепленные фактическим материалом наблюдения А.А. Захарова полностью игнорировались последующими исследователями.

III. Античные статуи греческих, эллинистических и римских колоний Северного Причерноморья VII в. до н.э. - IV в. н.э. - полная изолированность которых от антропоморфной скульптуры степей (в частности, т.наз. "скифской") воспринимается как какой-то культурно-исторический курьез. Это положение не исправляет, по-видимому, и попытка видеть в огрубевшей монументальной пластике колоний - типичном периферическом, по отношению к метрополии, искусстве, периода их упадка - проявление влияния скифско-сарматского примитивизма.

IV. Славянские статуи - по существу, двух типов. Первый - столпообразные, оканчивающиеся изображением одного или нескольких ликов статуи, и второй - фигуральные скульптуры с повторяющимся атрибутом, рогом (уже не идентифицируемого исследователями со скифским ритонном, но вполне его напоминающим)²⁷⁰. Датируются статуи IV-X вв. н.э. Ареалы распространения статуй обоих типов накладываются один на одного на территории Подолии, однако, без видимых генетических связей с тюркскими изваяниями, встречающимся на этой же территории. Генетические связи славянских статуй - точнее славяно-балтийских статуй с чашей (Becherstatuen) второго типа - с т.наз. "скифскими" статуями не изучены, но отрицать их полностью вряд не возможно из-за очень близких аналогий. По существу, главная разница состоит в том, что т.наз. "скифские" статуи изображают воина (меч, колчан, лук), а славянские, второго типа - не воина, возможно жреца (поэтому отсутствие воинских атрибутов). Вопрос этот заслуживает, конечно, дальнейшего более глубокого изучения.

О попытке выдать тюркскую статую (иванковское изваяние) за

"антского идола" и составную часть "святилища антов"²⁷¹ упоминалось уже выше.

V. К а в к а з с к и е с т а т у и — собирательное понятие для до сих пор не дифференцированной типологически, без твердо установленной хронологии и этнической атрибуции, антропоморфной скульптуры разнообразного характера на Предкавказьи²⁷². Хотя ареал распространения кавказских статуй накладывается на другие ареалы, в частности т. наз. "скифских" скульптур, а также тюркских изваяний, вопрос о возможных взаимосвязях и преемственности монументальной пластики этих типов все еще не изучен.

За пределами ареала кавказских статуй оказываются каменные изваяния Закавказской Албании (Агвана), имеющие уже довольно обширную литературу (исследования Дж. А. Халилова и др.²⁷³) и датируемые приблизительно V в. до н. э. — V в. н. э. Попытки интерпретировать эту скульптуру как древнетюркскую не могут считаться приемлимыми.

VI. Т ю р к с к и е с т а т у и Восточной Европы типологически разные. Предложенное нами выше с чисто практических соображений огульное деление на три типа в зависимости от наличия или отсутствия сосуда и способа изображения головы, конечно, примитивно. С другой стороны, однако, попытки употреблять самые различные критерии для типологии и создавать несколько типологических рядов (например, по абрисам — три, по рельефности — четыре, с учетом пола, позы, стелообразности и т. п.²⁷⁴) превращаются в самоцель. Здесь, по-видимому, снова налицо методологическая ошибка в подходе к объекту исследования — перенесение приемов изучения археологических микрообъектов повседневного употребления на макрообъекты художественного значения. Вряд ли существует необходимость — и целесообразность — распространять приемы классификации фибул или наверший акинака на столь сложный и специфический объект, каким является статуя с, по существу, не очень то разгаданной семантикой, возникшая, все-таки, в результате процесса духовного художественного творчества, а не механической продукции. Не даром, в связи с этим, все попытки делать какие-то эволюционно-хронологические выводы из типологических рядов выглядят абсолютно неу-

бедительными, произвольными, так как они не контролируются никакими объективными критериями. К сожалению, оказалось забытым совершенно справедливое замечание Н. И. Веселовского: "Что же касается обследования самых памятников, то какому бы пристальному изучению мы бы их не подвергали по методу ли гр. П. А. Уварова, или по какому другому — ничего путного, кроме объяснения внешних признаков ми не достигнем. Не установится и сравнительная хронология памятников. Одни археологи будут доказывать, что наиболее древними балбалами²⁷⁵ надо считать те столбы, на которых намечены одни только лица, а более совершенные изваяния должны быть отнесены к позднему периоду; другие, наоборот, с таким же правом могут признавать более старательную технику в первоначальных балбалах и упадок производства в конце периода постановки их"²⁷⁶.

Для сравнения приведем еще одну обширную цитату, свидетельствующую о прямо противоположной точке зрения. "Мы можем установить — заявляет Г. А. Федоров-Давыдов — что "стоящие" половецкие каменные статуи (более ранний вариант половецких изваяний) вырождаются в стелообразные, повторяющие очертания каменного столба, со схематически трактованным лицом и сохранившие лишь некоторые детали тела и реалии. В это время появляются продолжающие реалистическую линию "сидящие" статуи. Можно думать, что "сидящие" изваяния также переродились бы в схематизированные антропоморфные стелы, но этот процесс был прерван монгольским завоеванием"²⁷⁷. К сожалению, эти утверждения нельзя рассматривать как прогресс, достигнутый на пути изучения каменных баб на протяжении последнего шестидесятилетия, т. е. во времени выступления Н. И. Веселовского — это просто надуманное построение, для подкрепления которого отсутствуют объективные данные.

Необходимо предупредить об еще одной опасности, подстерегающей исследователя, пытающегося соорудить эволюционное древо, своеобразную стемму, на основании сохранившихся статуй. Дело в том, что в XIX в., когда стоящие в степи скульптуры насчитывались тысячами, в музейные коллекции, в помещичьи и даже крестьянские

усадебь подбирались образцы наиболее "красивые" с точки зрения эстетических воззрений этого времени. Бабы испорченные, примитивные, грубой работы, безобразные (все также с точки зрения этих же эстетических критериев), "незаконченные" (без сосуда в руках) подбирали редко, что нанесло неисправимый вред научной объективности исследований. В.В. Пассек, основатель древнейшей коллекции баб в музее Московского университета, так и писал, что подбирал баб по "величине и целости"²⁷⁸; согласно эстетическим критериям подбирал баб для Исторического музея в Москве также А.И. Кельсиев²⁷⁹.

Вопрос об этнической атрибуции статуй тюркской формации мы считаем одним из важнейших среди возникающих при изучении каменных баб. Ведь только от удовлетворительного решения этой проблемы зависит получение правильных ответов на вопросы о том, чьим культурным наследием считать каменных баб, когда и в какой среде уровень обработки камня достиг столь значительных успехов, в отношении к каким народам возможно использование изваяний в качестве этнографического источника.

Эта важная проблема рассматривается в последнее время только в одном-единственном плане: создатели статуй — половцы. Л.П. Зяблин (1952 г.): "нами доказывается половецкое происхождение скульптурных человеческих каменных изваяний, которые придерживают обеими руками сосуд"²⁸⁰; Г.А. Федоров-Давыдов (1966 г.): "все позволяет нам принять точку зрения Н.И. Веселовского и принадлежности каменных "баб" в степях восточной Европы половцам-кыпчакам"²⁸¹; С.А. Плетнева (1974 г.): "После выхода в свет его [Г.А. Федорова-Давыдова — Я.Д.] работы, невозможно сомневаться в этнической именно половецкой принадлежности средневековых статуй кыжнорусских степей"²⁸². Необходимо сразу оговориться, что ссылка на авторитет Н.И. Веселовского у Г.А. Федорова-Давыдова совершенно неуместна, так как этот видный археолог никогда не считал каменных баб исключительно половецкими — ведь он решительно утверждал, что каменных баб в причерноморских степях устанавливали с конца VI до конца XIII вв.²⁸³ Не даром Л.П. Зяблин критиковал

Н.И. Веселовского за "ошибочную точку зрения", так как последний "растянул время их [баб — Я.Д.] возникновения на 6-7 столетий"²⁸⁴, а С.А. Плетнева обвиняла И.И. Веселовского в "неуверенности в выводах", а также в том, что он "из осторожности предпочитает связать их не конкретно с половцами, а вообще с "турками" и, следовательно, датировать с конца IV по конец XIII в. Доказательств при этом [как считает С.А. Плетнева — Я.Д.] не приводится никаких"²⁸⁵.

В чем состоят аргументы приверженцев половецкой атрибуции — и контраргументы противоположной стороны? Все они сводятся к трем моментам: 1. свидетельство письменных источников, 2. ареал распространения статуй, 3. связь с инвентарем захоронений.

1. Свидетельства современников (Низами, Рубрук) действительно говорят об установке изваяний половцами. Но, с другой стороны, в этих источниках не говорится о том, что каменных баб устанавливали исключительно половцы. Молчание об этом источников, имеющих отношение к духовной и материальной культуре других кочевых народов, не может рассматриваться как свидетельство, доказывающее, что эти последние не устанавливали каменных изваяний.

2. Ареал распространения статуй приверженцы половецкой гипотезы сводят исключительно к территории Половецкой степи. В предыдущем параграфе мы рассматривали на конкретном материале вопрос о действительном ареале распространения статуй, который даже при минимальном в пространственных отношениях варианте выходит далеко за реально существовавшие пределы Дешт-и кыпчак. Методологически совершенно недопустимым является прием, при котором половецкими объявляются каменные бабы только потому, что они расположены на территории Половецкой степи — а с другой стороны — пределы Половецкой степи определяются на основании географического распространения основной массы статуй, заранее объявленных половецкими (С.А. Плетнева). Установленный нами ареал распространения каменных баб накладывается на регионы, занимаемые последовательно или одновременно несколькими кочевыми и полукочевыми тюркскими на-

родами: протоболгарами, печенегами²⁸⁶, половцами и татарами.

3. Связь с инвентарем захоронений – это идентичность инвентаря кочевничьих захоронений с реалиями, изображенными на статуях. Идентичность ряда предметов из захоронений и вообще из музейных коллекций²⁸⁷ с инвентарем, изваянным на статуях (правда, только на части статуй, так как примерно половина статуй "безинвентарна" или в таком физическом состоянии, при котором произвести удовлетворительную идентификацию невозможно), не подлежит сомнению. В наше время, однако, несмотря на упорные попытки исследователей, вложивших много труда в классификацию кочевничьих погребений и создание моделей различных (монотнических?) типов захоронений, все еще не выработаны достоверные критерии, позволяющие вне всяческих сомнений дифференцировать погребения протоболгар от погребений печенегов, погребения торков от погребений половцев, погребения этих последних от погребений ранних монголо-татар²⁸⁸ и т.д. Хотя сложность подобной дифференциации вполне осознается археологами ("Даже предварительное разделение позднекочевничьих курганов – пишет С.А. Плетнева – на печенежские, торческие, половецкие и их относительная датировка в пределах трех столетий, X – начало XIII в., еще многократно будут рассматриваться и уточняться"²⁸⁹), тем не менее убежденность в правомерности применения подобного метода атрибуции остается непоколебимой. Сложилось необъяснимое алогическое положение, при котором – при отсутствии объективно определяемых комплексов половецких захоронений – инвентарь из кочевничьих погребений признается a priori, половецким и употребляется для объявления половецкими тех статуй, на которых имеются сходные или идентичные детали. Снова же методологически недопустимым мы считаем именование половецким находимого в захоронениях инвентаря, который идентичен с реалиями статуй, только потому, что изображения его имеются на каменных бабах, a priori объявленных половецкими (С.А. Плетнева). В действительности, этническая атрибуция кочевничьих погребений наталкивается на непреодолимые препятствия, так как и погребальный обряд, и сам инвентарь у различных кочевых народов очень

близки, если не идентичны, не говоря уже о том, что диапазон употребления определенных предметов в кочевничьем быту не поддается точному хронологическому определению и явно выходит за монотнические рамки²⁹⁰. Вся проблема осложняется еще тем, что развешенной оказалась иллюзия будто-бы бабы являются надгробиями и что в могиле, на которой находилась несдвинутая баба, или же в которой найдено каменное изваяние, обязательно находится связанное со скульптурой кочевническое захоронение.

К указанным выше трем контраргументам, выдвигаемым против половецкой гипотезы, можно присоединить еще два, отражающие следующие моменты: 4. этнографические данные, 5. демографический фактор.

4. Этнографические данные, как проецируемые на прошлые столетия, так и являющиеся результатом экспедиционных наблюдений второй половины XIX в., решительно свидетельствуют в пользу полиэтнической атрибуции каменных баб. Вряд ли кто-нибудь, изучающий изваяния Средней Азии, Алтая, Монголии, в состоянии предложить монотническую атрибуцию всех этих антропоморфных изображений. Совершенно непонятно, почему основная масса тюрков, выхлестнутых из центральноазиатского резервуара, очутившись в степях Восточной Европы (термин совершенно эфемерный в данном случае, так как евразийские – или, точнее, азиатско-европейские степи – составляли единое целое!) вдруг потеряла способность прославлять своих героев монументальной скульптурой, а способность эту сохранили только одни кыпчаки-половцы. Центральноазиатские истоки тюркского вагия не подлежат ведь сомнению. Мало этого. Полевые этнографические исследования прямо говорят о том, что во второй половине XIX в. обычай установки баб сохраняли, например на территории Северной Монголии, как турки, так и монголы. Урянхайцы, кочевники-турки в бассейне Черного Иртыша, буддисты по религии, ставили возле уважаемого покойника "его изображение, вытесанное из камня или вырезанное из дерева" (данные 1889–1892 гг.)²⁹¹. Торгуты, представители западных монголов (не турки!), близкие родственники калмыков, сжигая видных представителей племени, делали из глины

и пепла умершего бабу, которая в правой руке держала сосуд (в него ложили часть пепла). Ранее торгуты делали каменных баб, пепел ложили под нее и в изваянный сосуд — на фигурах воинов изображали кинжал (данные 1889 г.)²⁹². Этнографические сведения, касающиеся торгутов, кстати, совершенно подрывают почву под широко вошедшим в научный оборот утверждением Н.М. Ядринцева о том, что "монголы отрекаются от всякого отношения к эти могилам" (т.е. к могилам с бабами на Орхоне — в дальнейшем это утверждение Н.И. Ядринцева было генерализировано на всех баб вообще), "камень отделять не умеют, дерево не употребляют и по культуре стоят очень низко"²⁹³. С торгутским обычаем установки баб (независимо от того, считать ли его автохтонным или заимствованным от тюрков) не был знаком также В.В. Бартольд, который, в противоположном случае, вряд ли утверждал бы, что "мы пока не знаем ни одного нетурецкого народа, который бы воздвигал статуи этого рода"²⁹⁴. В действительности, установка баб не являлась тюркской монополией, а тем более монополией одного только тюркского народа — половцев.

5. Демографический фактор до сих пор абсолютно не учитывался исследователями. Вряд ли подлежит сомнению то предположение, что каменные скульптуры устанавливали в честь только видных представителей рода, племени — не каждый кочевник мог рассчитывать на посмертный знак отличия не только из-за чисто материальных соображений (изготовление памятника специальным ремесленником, перевозка, по-видимому, не были очень дешевым делом), но и с точки зрения господствующих воззрений. Ведь каменные бабы были, несомненно, проявлением своеобразного "официально-ритуального искусства", т.е. на установку памятника требовалось согласие — и содействие — определенной кочевой общности, хотя бы и самого низкого ранга. Приведенные выше этнографические данные об урянхайцах и торгутах подтверждают это мнение. Половцы очутились в степях между Донцем и Азовским морем где-то в середине XI в. (первое нападение на Русь было совершенно в 1060 г.) — остатки их откатываются на Запад и Юг под ударами монголо-татар в середине XIII в. Имеются все основания глубоко сомневаться в том, чтоб из среды половцев — да-

же при максимальной оценке их численности — могло выдвинуться около 40 000 видных людей, мужчин и женщин, заслуживших на посмертную установку каменных изваяний (сравни параграф; "Количество каменных баб"). Не говоря уже о том, что изготовление такого количества статуй на протяжении двух столетий привело бы к вспышкообразной интенсификации каменотесного ремесла, постоянному функционированию каменных карьеров и т.п. По-видимому, гораздо более верным будет представление о том, что 40 000 (или несколько меньше, если кто-нибудь считает науку осторожную оценку преувеличением) героических и видных личностей выдвинулось из кочевничьей среды на протяжении, по крайней мере, шести-семи столетий.

В продолжающемся два столетия диалоге между приверженцами моноэтнической и полиэтнической атрибуции каменных баб, диалоге, порой достигающего уровня подемаки высокого накала, больше аргументов, обоснованных объективным фактическим материалом, говорит в пользу представителей второго направления. Первоначально защитники полиэтнического течения следовали больше своей интуиции — из-за отсутствия обобщений значительного материала. Следует упомянуть проникновенное, хотя и столетней древности, определение Д.И. Иловайского: "Каменные изваяния южнорусских степей принадлежат народам турко-татарского семейства, каковы печенеги, узы и торки, куманы или половцы и наконец татары, которые конечно имели также языческие обычаи до принятия в XIV веке ислама... Следовательно, в южнорусских степях каменные бабы обнимали эпоху, заключавшую в себе пять или шесть столетий с IX по XIV в. включительно. А в степях прикавказских они могли появиться еще с VI века, когда там появился турко-татарский народ, который основал царство хазарское"²⁹⁵. Более прочную научную базу под эти воззрения подводят Н.И. Весоловский ("У нас на юге период существования балбалов длится по крайней мере 6-7 столетий, с конца VI ст., когда турки впервые появились в степях южной России, до половины или конца XIII ст., ознаменовавшегося здесь усилением ислама"²⁹⁶) и В.В. Бартольд ("... VI в. н.э. ... является terminus post quem для статуй этого типа... После XIII в. такие истуканы, насколько из-

вестно, больше не ставились"²⁹⁷. Сейчас представляется возможным подвести еще более прочную базу под идею полиэтнического происхождения каменных баб тюркской формации.

Несколько слов заслуживает вопрос о заключительном этапе тюркской скульптуры. Хотя кыпчакизация монголо-татар, произошедшая, например, в языковом отношении, довольно быстро (конец XIII - начало XIV вв.), не вызывает малейших возражений со стороны исследователей, вопрос о возможности восприятия ранними монголо-татарами (по своему мировоззрению такими же язычниками, какими являлись и половцы) обычая установки каменных изваяний вызывает резкие возражения (например Л.П. Зяблин). Более логичным, однако, кажется мнение о том, что ранние монголо-татары прошли процесс кыпчакизации в полном культурном объеме (т.е. не ограничиваясь только языком), что не могло не отразиться также на погребальных и других обрядах. При этом необходимо отметить, что этноним монголо-татары употребляется нами здесь (и в других местах работы) в принятом в настоящее время в советской историографии значении - т.е. что он определяет массы тюркского кочевого населения, хлынувшего в середине XIII в. из Центральной Азии в Европу вместе с довольно незначительной господствующей монгольской верхушкой, в скором времени растворившейся в тюркской кыпчакизированной (в Восточной Европе) среде²⁹⁸.

Необходимо четко подчеркнуть и то, что появление магометанства в городах Золотой орды и крупных скоплениях кочевников совсем не обозначало автоматического прекращения установки статуй в степи. Хотя официальное принятие ислама золотоордынской верхушкой началось за хана Берке (1256-1266), однако и вторая попытка усиленного насаждения ислама за хана Узбека (1332-1342) не привела к ощутимым результатам. Шаманизм сохранялся и господствовал в степи. Венецианский купец И. Барбаро, проживавший в 1436-1452 гг. в городе Тана (в устье Дона) и постоянно поддерживавший торговые отношения с татарами, посещавший ихние кочевья, отметил, что среди татар "раньше [т.е. до правления Едигея в 1397-1419 гг. - Я.Д.] только немногие были магометанами, а вообще

каждый мог свободно придерживаться той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или трипичным истуканам и возили их на своих телегах". Принуждение же принять магометанскую веру относится ко временам Едигея²⁹⁹. Независимо от этого И. Барбаро отмечает, что татары до сих пор (середина XV в.!) "в большинстве своем идолопоклонники", "поклоняются истуканам, возя их с собой на своих телегах" и т.п.³⁰⁰ Он постоянно называет татар-язычников идолопоклонниками (idolatry), при чем остается открытым вопрос о том, нужно ли считать этими идолами только деревянные и трипичные изображения, возимые на телегах, или также "стационарные" каменные скульптуры.

Сведения о сохранении идолопоклонничества в причерноморских степях дают основания считать, что установка каменных баб была вполне возможной еще в середине XV в. Установка статуй могла выйти и за пределы этого времени. Утверждение ряда исследователей о том, что изготовление статуй прекратилось сразу же после первой попытки исламизации, предпринятой ханом Берке, нужно считать необоснованными, продиктованными желанием любой ценой связать массовую установку статуй со временами господства половцев в степях. Цезурой явилось не появление ислама в Северном Причерноморье (XIII в.), а окончательное падение шаманизма (XV в. или еще позже).

Приверженность традиционной трактовке вопроса (стремлению искусственно пристарить объект изучения) проявилась, кстати, не только по отношению к каменным статуям, но и к кочевническим погребениям, самые поздние из которых были объявлены половецкими. Этому способствовало отсутствие этнической дифференцированности инвентаря захоронений. Таким образом была искусственно создана парадоксальная ситуация, при которой шесть веков господства татар не оставило почти никаких следов в археологическом материале. Татарские захоронения таинственным образом исчезли...

Существует определенный параллелизм в трактовке вопросов хронологии археологами на причерноморском и среднеазиатском материале. Я.А. Шер утверждает, что каменные изваяния в Семиречьи

и Тянь-Шане прекратили устанавливать одновременно с распространением и укреплением ислама уже в X-XI вв., а в более северных степных районах - в XII в.³⁰¹ Подобным образом Л.Р. Кыласов говорит о том, что на территории Тувы установка каменных баб продолжалась только до X в. включительно, т.е. до начальных десятилетий существования древнехакасского (кыргызского) государства³⁰². Здесь также заметна тенденция пристарить каменные статуи - и явная недооценка живучести шаманизма.

Этнографические данные перечеркивают эту датировку. Шаманизм в азиатских степях сохранился еще в XVIII-XIX вв. Русский путешественник Н. Рычков в 1771 г. видел в Казахстане около реки Ишима (в тех местах, где река еще течет на запад) могилу на кладбище, на которой "поверх деревянного сруба, который служит надгробком усопшего тела, воткнут болван, изображающий лицо и шею человеческую"³⁰³. Л.А. Потапов свидетельствует, что тувинцы еще где-то в конце XIX в. устанавливали каменных баб³⁰⁴. Сведения, относящиеся к установке баб торгутами в XIX в., приводились нами выше.

Таким образом развеивается миф о раннем искоренении шаманизма и такой же ранней победе ислама в степях. В свете изложенных выше данных соответствующие выводы необходимо сделать, конечно, также при определении хронологических границ установки каменных баб.

Нужно, вместе с этим, отметить, что вряд ли было возможным сочетание традиций языческого искусства с требованиями мусульманского культа, которое, согласно гипотезе некоторых исследователей будто-бы породило возникновение "комбинированных" каменных баб, лишенных изображения человеческого лица³⁰⁵. По крайней мере, подобные аналогии нигде для искусства переходного периода (доисламское → исламское) не известны, а отсутствие человеческого черта на изваянии, по-видимому, связано с атмосферным влиянием.

Критическое использование разнообразных источников и сведений (письменных, археологических, этнографических, географических и демографических) приводит к единственному возможному на

сегодня выводу о том, что каменные бабы тюркского типа устанавливались на огромных пространствах Восточной Европы в честь видных представителей кочевого общества протоболгарами, печенегами, торками, половцами, ранними монголо-татарами, возможно и другими народами на протяжении VI-XV вв., т.е. в течение десяти столетий, с момента появления первых тюркско-кочевников в Восточной Европе до момента окончательного исчезновения шаманизма в степи. Этот вывод в этническом плане находит подкрепление в установленном нами ареале распространения тюркских каменных изваяний, а хронология получает надежное подспорье в результатах изучения шаманизма кочевников. Восточноевропейские каменные бабы тюркских кочевых народов явились следствием трансплантации обычаев, возникших в Центральной Азии, несколько модифицированных на причерноморских территориях. Здесь они натолкнулись на многовековые традиции антропоморфной скульптуры и ваятельной обработки камня, восприняли некоторые их элементы с тем, чтобы образовать заключительный этап развития антропоморфной скульптуры Восточной Европы.

5. Проблематика дальнейшего изучения

Выводы, отрицающие моноэтническую принадлежность каменных баб, являющиеся итогом проведенного изучения вопроса, ни в коем случае не могут считаться пределом исследовательской работы. Напротив, они открывают дальнейшие перспективы для плодотворного углубления штудий, которые мыслиться проводить в нескольких направлениях.

Необходимо раз и навсегда усвоить положение, что в самом камне, как материале, из которого изготовлены статуи, нет датирующих указаний, т.е. что существующими до сих пор методами петрографического исследования найти их невозможно. Указания, прецизирующие как время создания изваяний, так и этнос их создателей, нужно искать другими путями.

Во-первых, это изучение письменных источников VI-XIV вв. в плане извлечения данных, освещающих материальную культуру тюрк-

ских кочевников, в частности: одежду, украшения, прически, для того, чтобы эти достаточно точно хронологизированные и имеющие этническую детерминацию данные сравнить с реалиями, изваянными на статуях. Как это ни странно, изучение письменных источников VI-XIV вв. именно в подобном этнографическом плане с использованием полученной таким образом информации для изучения каменных изваяний до сих пор не проводились³⁰⁶.

Во-вторых, учитывая то обстоятельство, что каменных баб необходимо рассматривать как проявление официально-ритуального искусства, выражающего свою сущность сочетанием приемов "этнографического реализма" (с характерной для него тщательной передачей всех реалий - одежды, украшений и, особенно, атрибутов племенного различия и социального положения) с стремлением к идеализации (монументализм) - проводить изучение изваянных реалий в плане выделения однородных групп, возможно являющихся следствием действительно существовавшего этническо-трибально-родового и социального деления.

В-третьих, искать признаков развития монументальной скульптуры тюрков в эволюции заложенных в ней определенных эстетико-художественных идеалов, господствующих в кочевничьем мире с тем, чтобы, проследивая художественную эволюцию, определить возможность использования этих данных для датировки статуй. Подобная рациональная мысль прослеживается в некоторых искусствоведческих исследованиях последнего времени³⁰⁷.

В-четвертых, расширить археологическое изучение материальной культуры тюркских кочевников таким образом, чтобы можно было найти окончательный ответ на вопрос о том, возможна ли типологическая дифференциация разноэтнических захоронений (и заключенного в них инвентаря) с убедительным построением моделей моноэтнических погребений с моноэтническим инвентарем отдельных тюркских народов. И только после проведения этой работы - произвести поиски аналогий в реалиях, изображенных на скульптурах.

В-пятых, разыскать и использовать в фактографическом плане огромное до сих пор не опубликованное и не введенное в научный

оборот рукописное, иконографическое (включая фотографическое) и картографическое наследие многочисленных исследователей - как специалистов, так и любителей - изучавших каменных баб на протяжении двух столетий - в основном те экземпляры, которые давно уже уничтожены³⁰⁸.

В-шестых, издавать альбомы сохранившихся каменных изваяний, составленные в соответствии с современными научными требованиями, параллельно с детальным словесным описанием³⁰⁸; придерживаясь при этом убеждения, что каждая отдельная каменная баба - это ценнейший образец старинной культуры и древнего искусства, препятствуя, таким образом, консервации обывательской точки зрения на тюркскую каменную скульптуру как на объект низшего ранга, заслуживающий внимания, в лучшем случае, только огульно и в массовом количестве.

В-седьмых, более смело применять современное петроархеологические методы исследования, благодаря которым - при накоплении массового материала - возможно будет получен ответ о регионах расположения древних карьеров и конструированы группы изваяний, вышедших из одного региона, "школы", мастерской. (В третьей главе мы пытаемся практически реализовать два последних требования на ограниченном фактическом материале - коллекции тюркских каменных баб в Аскании-Нова).

Примечания

¹ Г.С. Ч и р и к о в, Каменные бабы в Харьковской губернии, ЗХУ, 1901, кн. 4, прот., с. 19. Мы употребляем термин "святилище" для определения тех мест, где действительно имелось скопление значительного количества баб на незначительной территории. Нельзя согласиться с попыткой М.Л. Швецова объявлять святилищем каждое место установки одной-трех баб только на том основании, что там приносились пожертвования (см. М.Л. Ш в е ц о в, Половецкие святилища, СА, 1979, № 1, с. 199-209). С подобным успехом каждую христианскую или магометанскую могилу также можно объявить святилищем (тем более, если на ней имеется сооружение) на том основании, что на ней производятся определенные обряды. В свете теории М.Л. Швецова нужно было бы считать, что в степи находились не каменные бабы, а одни только половецкие [sic!] святилища...

- ² Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 58.
- ³ Федоров - Давыдов, Кочевники Восточной Европы..., с. 186.
- ⁴ Швецов, Половецкие святилища, с. 206-207.
- ⁵ Г.А. Федоров - Давыдов, Восемь веков молчания, "Наука и жизнь", М. 1966, № 9, с. 76.
- ⁶ Обзор сведений о селитреварении, связанном с разрушением курганов, см. О. Федоровский, Майдани Харківщини та майданів теорії, ЗВУАК, т. 1, 1930, с. 69-71, 78-86.
- ⁷ C. Sattler, Handelsrechnungen des Deutschen Ordens, Leipzig 1887, с. 266 (селитра под названием Krude).
- ⁸ J.A. Güldenstädt, Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge, T. 2, SPb. 1794, с. 173.
- ⁹ В.А. Городцов, Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года, Тр. XIII АС в Екатеринославе, 1905, т. 1, М. 1907, с. 252.
- ¹⁰ В.И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губ., кн. 1, Херсон 1903, с. 68-70; ср. также: П.И. Народные рассказы о кладах. (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского уезда), "Харьковский сборник", т. 4, X 1890, с. 1-48.
- ¹¹ А.С. Петровский, Представление идола, ИОЛЕАЗ, т. 31, 1878-1879, ст. 239.
- ¹² В. Ястребов, Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии, ЗООИД, т. 17, 1894, с. 78.
- ¹³ Городцов, Результаты..., с. 213.
- ¹⁴ Полное собрание русских летописей, т. 2 (изд. 1-ое), СПб 1843, с. 257.
- ¹⁵ I. Piziel, $\Sigma \acute{\upsilon}\nu\psi\iota\sigma$ или краткое собрание от различных летописцев, о начале славяно-русского народа и первоначальных князех б[о]госпасаемого града Киева..., (вид. 5-е), [К.] 7188 [= 1680, в действительности ок. 1700], л. 26-28 обор.
- ¹⁶ Брошюра редкостна (мы пользовались экземпляром Государственной библиотеки СССР им. Ленина в Москве). О ее содержании см. также: Н. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей, т. 2, изд. 5-ое, СПб. 1905, с. 377-378; Н. Сумцов, Иоанникий Галлятовский. К истории южнорусской литературы XVIII в., "Киевская старина", 1884, № 4, с. 586.
- ¹⁷ Книга Большому чертежу, с. 64-65.
- ¹⁸ П.В. Алабин, Нам известные остатки древности в Самарском крае, Тр. IV АС в России, бывшего в Казани... 1877 г., Казань 1884, с. 3; Д.И. Багалец, О каменных бабах Харь-

ковской губернии, ЗХУ, 1901, кн. 4, прот., с. 2.

- ¹⁹ А. Терещенко, Очерки Новороссийского края, III, ЖМНП, ч. 79, 1853, № 8, с. 44; сравни также [Д. Княжевич], Каменные бабы, ЗООИД, т. 1, 1848, с. 597.
- ²⁰ Новые демографические работы: Я.Е. Водарский, Население России в конце XVII - начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение), М. 1977, особенно с. 172-182; В.М. Кабузан, Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII - первой половине XIX века (1719-1859 гг.), М. 1976; е го же, Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII - первая половина XIX вв.), Кишинев 1974; е го же, Заселения і освоєння Таврійської губернії у другій половині XVIII - першій половині XIX ст., "Український історичний журнал", К. 1969, № 12, с. 85-90. Сравни также: С. Шамрай, До історії залюднення Степової України й Лизаветчини, "Записки історично-філологічного відділу ВУАН", кн. 24, К. 1919, с. 209-302; N.D. Polonska-Vasylenko, The Settlement of the Southern Ukraine (1750-1775), New York 1955; H. Auerbach, Die Besiedlung der Südukraine in den Jahren 1774-1787, München 1965; М.Т. Дяченко, Етапи заселення Слобідської України в XVII - першій половині XVIII ст., "Український історичний журнал", К. 1970, № 8, с. 41-51; С.Я. Боровой, О.С. Коцієвський, З історії сільськогосподарського освоєння Степової України (кінець XVIII - XIX ст.), історія народного господарства та економічної думки Української РСР, вип. II К. 1977, с. 54-60.
- ²¹ M. Grabowski, Ukraina dawna i teraźniejsza, t. I, Kijów 1850, с. 112; ср. также [М. Грабовский], Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии, изданное И. Фундуклеем, К. 1848, с. 77.
- ²² Э. Эйхвальд, *О чудских копьях, ЗАО, т. 9, 1857, вып. 2, с. 295.
- ²³ Живые впечатления от этих событий, записанные в 1800-1801 гг., отражены в книге E.D. Clarke, Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, p. I, London 1812, с. 438-440, 454-456, 475-476, 480-481.
- ²⁴ A. Freiherr von Naxthausen, Studien über die inneren Zustände Russlands, T. 2, Hannover 1847, с. 339.
- ²⁵ А. Терещенко, О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губерниях, ЧОИДР, 1866, кн. 4, с. 15, 19.
- ²⁶ Филарет [Д. Гумилевский], Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. 5, X 1858, с. 111-112.
- ²⁷ M. Guthrie, A Tour Performed in the Years 1795-6 through

the Thaurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus..., London 1802, с. 405, 408.

28 Gùldenstùdt, Reisen..., Т. 2, с. 223-224.

29 В. З у е в, Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году, СПб. 1787, с. 266.

30 Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 37, А.И. К е л ь с и е в, О каменных бабах, Тр. V АС в Тифлисе 1881, М. 1887, с. 77; Н.Е. Б р а н д е н б у р г, К вопросу о каменных бабах, Тр. VIII АС в Москве 1890, т. 3, М. 1897, с. 13; В е с е л о в с к и й, Современное состояние вопроса..., с. 420; D. Schlatter, Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828..., St. Gallen 1830, с. 335.

31 Г.И. С п а с с к и й, Днепровские курганы, ЗООИД, т. 1, 1848, с. 594; К е л ь с и е в, О каменных бабах, с. 77; Н.И. В е с е л о в с к и й, О каменных бабах в Таврической губернии, Археологические известия и заметки", т. 3, М. 1895, № 2-3, с. 65; А.И. Р у ж и ц к и й, Краткое сообщение о каменных бабах в Таврической губернии, ИТУАК, № 39, 1906, с. 113.

32 К е л ь с и е в, О каменных бабах, с. 77; Р у ж и ц к и й, Краткое сообщение..., с. 113; J. Jerney, Keleti utazása a Magyarok őshelyeinek kinyomozása végett 1844 es 1845, 2 köt., Pest 1851, с. 95.

33 Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 37; К е л ь с и е в, О каменных бабах, с. 77; В е с е л о в с к и й, О каменных бабах..., с. 65; A. Petzholdt, Reise im westlichen und südlichen Russland im Jahre 1855, Leipzig 1864, с. 261.

34 Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 37; С п а с с к и й, Днепровские курганы, с. 594; А.Л. К р ы л о в, Сообщения о раскопках, ИОЛЕАЭ, т. 31, 1878-1879, с. 240; В е с е л о в с к и й, О каменных бабах..., с. 65; Д.И. Э в а р н и ц к и й, Раскопка курганов в Херсонской губернии, Херсонского и Александрийского уездов..., Тр. XI АС в Киеве 1899, т. 1, М. 1901, с. 719; A. Podbereski, O Scytii i Scytach, [В:] A. Kohn, Die Steinfiguren in den russischen Steppen und Galizien genannt «kamienne baby», steinerne Weiber, "Zeitschrift für Ethnologie", Bd. 10, Berlin, с. 36; P e t z h o l d t, Reise..., с. 261.

35 [К н я з е в и ч], Каменные бабы..., с. 597; Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 37; Б р а н д е н б у р г, К вопро- су..., с. 13.

36 Т е р е щ е н к о, О могильных насыпях..., с. 37; Р у ж и ц к и й, Краткое сообщение..., с. 113; Petzholdt, Reise..., с. 232, рис. 30 (две бабы перед крестьянской усадьбой в с. Яси- неватой, Бахмутского у., Харьковской губ.).

37 Т е р е щ е н к о, О могильных насыпях..., с. 37; С п а с с к и й, Днепровские курганы..., с. 594; В е с е л о в с к и й,

Современное состояние..., с. 418.

38 Р у ж и ц к и й, Краткое сообщение..., с. 113.

39 Б а г а л е й, О каменных бабах..., с. 2; В е с е л о в с к и й, Современное состояние..., с. 418.

40 К е л ь с и е в, О каменных бабах..., с. 77; К. М е л ь н и к, Каталог коллекции древностей А.Н. Поль в Екатериносла- ве, вып. 1, К. 1893, с. 122.

41 А л а б и н, Нам известные остатки..., с. 2; Б.В. З а й к о в с к и й, Каменные бабы в Саратовском Поволжье, Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 24, 1908, с. 27.

42 Petzholdt, Reise..., с. 261.

43 К е л ь с и е в, О каменных бабах..., с. 77.

44 Б а г а л е й, О каменных бабах..., с. 2.

45 В.А. Х а р л а м о в, О каменных бабах Донской обла- сти, Тр. XIII АС в Екатеринославе 1905, т. 2, М. 1908, с. 237.

46 К е л ь с и е в, О каменных бабах..., с. 77.

47 Schlatter, Bruchstücke..., с. 335; Podbereski, O Scy- tii..., с. 36.

48 В е с е л о в с к и й, Современное состояние..., с. 418; К е л ь с и е в, О каменных бабах..., с. 77.

49 А.И. П и с к а р е в, О местонахождении каменных баб в России, ЗАО, т. 3, СПб. 1851, с. 207.

50 В е с е л о в с к и й, Современное состояние..., с. 418.

51 Там же, с. 420.

52 С п а с с к и й, Днепровские курганы..., с. 594.

53 Podbereski, O Scytii..., с. 36.

54 Д.И. Б а г а л е й, Объяснительный текст к археологи- ческой карте Харьковской губ., Тр. XII АС в Харькове 1902, т. 1, М. 1905, с. 9.

55 В е с е л о в с к и й, О каменных бабах..., с. 65.

56 Д. Э в а р н и ц к и й, Каменные бабы, "Исторический вестник", т. 41, СПб. 1890, № 7, с. 193; е г о ж е, [Выступле- ние в дискуссии], Тр. XIII АС в Екатеринославе 1905, т. 2, М. 1908, с. 237.

57 Я с т р е б о в, Опыт..., с. 160; К е л ь с и е в, О каменных бабах..., с. 77; Г о р о д ц о в, Результаты..., с. 250; е г о ж е, Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии, Тр. XII АС в Харькове 1902, т. 1, М. 1905, с. 322; Р у ж и ц к и й, Краткое сообщение..., с. 113.

- 58 Пискарев, О местонахождении..., с. 212-213.
- 59 Городцов, Результаты..., с. 250; Д. Самоков-
сов, Могилы русской земли, М. 1908, с. 15.
- 60 Справочный энциклопедический словарь, т. 2, СПб. 1849,
с. 8.
- 61 Н.А. Рожественский, О каменных бабах Рязан-
ской губернии, ИОЛЕАЭ, т. 31, 1878-1879, с. 146.
- 62 Справочный энциклопедический словарь, т. 2, с. 8.
- 63 Веселовский, Современное состояние..., с. 418.
- 64 E. Eichwald, Reise nach dem Kaspischen Meere..., Bd. 1,
Abt. 2, Stuttgart 1837, с. 875; F. Dubois de Montpéroux, Voyage
autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Geor-
gie, en Arménie, en Crimée, Atlas, ser. 4, Paris 1845, с. 5, табл. XXX-XXXL
- 65 Petzholdt, Reise..., с. 261; Чириков, Каменные бабы.
с. 10 (бабы на большом почтовом тракте от Бахмута до Ростова в
1867 г.).
- 66 И. Радужицкий, Нечто о курганах, "Сын отчества",
ч. 97, СПб. 1824, с. 114-115.
- 67 Терещенко, О могильных насыпях..., с. 37.
- 68 Рожественский, О каменных бабах..., с. 146.
- 69 Podbereski, O Scythii..., с. 36.
- 70 А.Н. Минх, Материалы для археологического словаря,
Древности, "Труды...", т. 10, М. 1885, с. 205-206.
- 71 A. Freiherr von Naxthausen, Studien..., с. 337.
- 72 Терещенко, О могильных насыпях..., с. 17.
- 73 Кельсиев, О каменных бабах..., с. 77.
- 74 Эварницкий, Каменные бабы..., с. 193.
- 75 Веселовский, О каменных бабах..., с. 66.
- 76 Кельсиев, О каменных бабах..., с. 77; Веселов-
ский, О каменных бабах..., с. 65 и др.
- 77 Schlatter, Bruchstücke..., с. 335.
- 78 R. Bremner, Excursions in the Interior of Russia..., vol. 2,
London 1839, с. 384.
- 79 Веселовский, Современное состояние..., с. 418.
- 80 В. Пассек, Курганы и городища Харьковского, Валков-
ского и Полтавского уездов, "Русский исторический сборник", т. 3,
М. 1838-1839, кн. 2, с. 226.
- 81 Я. Флоренсов, О каменных бабах, ЗООИД, т. 2, 1850,
отд. 2-3, с. 820.

- 82 Пискарев, О местонахождении..., с. 207.
- 83 Терещенко, Очерки..., с. 37.
- 84 Терещенко, О могильных насыпях..., с. 37.
- 85 Petzholdt, Reise..., с. 261.
- 86 Podbereski, O Scythii..., с. 36.
- 87 Чириков, каменные бабы..., с. 10.
- 88 Д.Я. Самоков-
сов, Могильные древности Алексан-
дровского уезда Екатеринославской губернии, Тр. VI АС в Одессе
(1884 г.), т. 1, О. 1886, с. 190.
- 89 Эварницкий, Каменные бабы..., с. 193.
- 90 Эварницкий, [Выступление в дискуссии]..., с. 237.
- 91 Бранденбург, К вопросу..., с. 13.
- 92 Ружицкий, Краткое сообщение..., с. 111, 113.
- 93 Веселовский, Современное состояние..., с. 418,
420.
- 94 Там же, с. 418-419.
- 95 Надеждин, Заметка о каменных бабах, ИАО, т. 1,
1859, вып. 3, кол. 165-168.
- 96 Веселовский, Современное состояние..., с. 419.
- 97 Там же, с. 421 (сообщение В.Г. Тизенгаузена).
- 98 Пискарев, О местонахождении..., с. 205-220.
- 99 О. Федоровский, Інструкції для розвідок і реє-
страції пам'яток археологічних, "Охорона пам'яток культури на
Україні, зб. 1, X.1927, с. 105-106.
- 100 Н. М[урзакевич], Краткий указатель музея имп.
Одесского общества истории и древностей, изд. 4-ое, доп., О.
1874, с. 5-6, 47.
- 101 Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 11.
- 102 Там же, с. 8.
- 103 Н. Сибилев, Изюмский музей обладает..., "Старовинно-
сті Изюмщини", вып. 3, Изюм. 1928, с. 13, табл. XXIX-XXXVa.
- 104 Плетнева, Половецкие каменные изваяния, с. 93.
- 105 Там же, с. 10.
- 106 Там же, с. 9.
- 107 Там же, с. 8, 9.
- 108 О. Апанович, Г. Голдін, Мовчазні вартіві степів,
"Наука і суспільство", К. 1968, № 3, с. 36.

- 109 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 9. Там же, с. 8-11, ряд фактов, характеризующих гибель каменных баб в последнее время.
- 110 П и с к а р е в, О местонахождении..., с. 205-220.
- 111 К е л ь с и е в, О каменных бабах..., с. 77.
- 112 У в а р о в а, К вопросу о каменных бабах, Тр. XIII АО в Екатеринославе 1905, т. 2, М. 1908, с. 92-96.
- 113 Л.П. З я б л и н, Археологические памятники кочевников X-XIV вв. Восточной Европы, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М. 1959, с. 14.
- 114 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния, с. 1112.
- 115 [А.И. М а р к е в и ч], Каменные бабы в Таврической губернии, ИТУАК, № 36, 1904, с. 84-94; Р у ж и џ к и й, Краткое сообщение..., с. 112.
- 116 Х а р л а м о в, О каменных бабах..., с. 237.
- 117 Я с т р е б о в, Опыт..., с. 63-176.
- 118 Б а г а л е й, Объяснительный текст..., с. 1-92.
- 119 Івік, Каміянi баби або мамi, "Всесвіт", X, 1929, № 40, с. 5.
- 120 В е с е л о в с к и й, Современное состояние..., с. 418.
- 121 J e r n e y, Keleti utazása..., с. 96.
- 122 Ф л о р е н с о в, О каменных бабах..., с. 822.
- 123 Т е р е щ е н к о, О могильных насыпях..., с. 37.
- 124 M. Much, Über die Steinfiguren (kamene baby) auf den Tumulis des südlichen Russlands. "Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft zu Wien", Bd. 7, 1877, Nr 7-8, с. 194.
- 125 А.Л. К р ы л о в, Сведения о курганах и каменных бабах с Донской области..., ИОЛЕАЭ, т. 31, 1878-1879, с. 164.
- 126 К р ы л о в, Сообщение о раскопках..., с. 240.
- 127 Ч и р и к о в, Каменные бабы..., с. 10.
- 128 И.С. Л е в а к о в с к и й, Об ископаемых медных изделиях, найденных в Бахмутском и Славяносербском уездах, ИОЛЕАЭ, т. 35, 1879, с. 131.
- 129 Э в а р н и ц к и й, Каменные бабы..., с. 191.
- 130 В е с е л о в с к и й, О каменных бабах..., с. 65.
- 131 В е с е л о в с к и й, Современное состояние..., с. 439.
- 132 О номадизирующих здесь ногайцах, а также бабах в ихнем крае см.: P.S. Pallas, Die steinernen Statuen auf den Grabhügeln

- der Nogaischen Steppe, [Б:] J.V. Scherer, Nordische Nebenstunden, Bd. 1, Frankfurt 1776 (разыскать это издание нам не удалось); J. Potocki, Histoire primitive des peuples de la Russie avec une exposition complète de toutes les notions locales, nationales et traditionnelles, SPb. 1802, с. 130; М. В љ љ к а н с љ, Ćanaparhordut'iw n i Lehastan ew uyyl ko Ćmans bnakeals i haykazanc' sereloc' i naxneac' Ani kaĆak'in, Venetik, 1830, с. 386 (русск. перевод: М. М е д и ц и, Из путешествия по Южной России, ИТУАК, № 44, 1910, с. 36); P. von Kōppen, Über einige Landesverhältnisse der Gegend zwischen dem untern Dnjepr und Assowschen Meere, Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens, Bd. 11, SPb. 1845, с. 53-57; Schlatter, Bruchstücke..., passim.
- 133 А.А. И в а н ч е в - П и с а р е в, О курганах в Мариупольском уезде, Тр. XIII АО в Екатеринославе 1905, т. 2, М. 1908, с. 216.
- 134 Clarke, Travels..., с. 237-246.
- 135 П л е т н е в а, Печенеги..., с. 180.
- 136 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 53.
- 137 Нам известна только одна публикация деревянной бабы, найденной в кургане в Сальском округе области Войска донского. См. И.А. К а с т а н ь е, Древности Киргизской степи и Оренбургского края, ТОУАК, вып. 22, Оренбург 1910, табл. XXI, рис. 14.
- 138 Т е р е щ е н к о, О могильных насыпях..., с. 37.
- 139 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 8.
- 140 Б а г а л е й, Объяснительный текст..., с. 63; С и б и л е в, Изюмский музей обладает..., с. 13, 17-18.
- 141 Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 44; е г о ж е, О могильных насыпях..., с. 36. П л е т н е в а (Половецкие каменные изваяния..., с. 6) ошибочно интерпретировала укр. "мара" как "Марьины камни".
- 142 В е с е л о в с к и й, Современное состояние..., с. 420 (данные ок. 1844 г.); Я. Ф л о р е н с о в, О каменных бабах..., с. 820; В.Х. К о н д а р а к и, Универсальное описание Крыма, ч. 15, СПб. 1875, с. 21; М. Л е в ч е н к о, Гайдамацкий кут, Киевская старина", т. 2, 1882, № 5, с. 348 (здесь и народная этимология слова "мамай"); Э в а р н и ц к и й, Каменные бабы..., с. 191; Івік, Каміянi баби або мамi..., с. 5; А п а н о в и ч, Г о л д і н, Мовчазні вартові..., с. 36.
- 143 Нпр. К е л ь с и е в, О каменных бабах..., с. 77; Ф е д о р о в - Д а в ы д о в, Восем веков..., с. 74, е г о ж е, Искусство кочевников..., с. 200.
- 144 С.И. Г у л ь е в, Каменные бабы в С. Петербурге, ИАО, т. 1, 1859, с. 405-406.
- 145 А. Brückner, Encyklopedia staropolska, t. 1, Warszawa 1937, с. 70. Как мы имели возможность лично убедиться во время пребывания в Вильнюсе, каменная баба сохранилась до сих пор и находится на территории Вильнюсского государственного университета.

- 146 Кубанская каменная баба, "Древности". Археологический вестник, т. 1, М. 1867, ноябрь-декабрь, с. 282-283.
- 147 Протокол № 3. Общее собрание 27 II 1906 г., ТОУАК, вып. 19, 1908, с. 57 (об отправке в Варшаву каменной бабы, найденной в Темировском у., Уральской обл.); Tryjarski, Les "babas de pierre"...
- 148 Führer durch das Museum für Volkskunde, hrsg. von der Generalverwaltung, Aufl. 15, Berlin 1911, с. 7. О перевозке баб из Украины в Германию см. Одесский областной государственный архив, ф. 93 (Одесское общество истории и древностей), оп. 1, л. 89, л. 156 (1878 год). Согласно письму А. Керндля (der staatliche Vertrauensmann für die Kulturgeschichtlichen Bodenaltertümer des Landes Berlin) из Западного Берлина от 15 марта 1978 г. к Я.Д., каменные бабы хранятся сейчас в западноберлинском Музее преистории и ранней истории.
- 149 Согласно письму Н. Колянковского, Ниагара Фаллс, от 16 декабря 1977 г. к Я.Д., каменная баба была перевезена из Днепрпетровска, где по 1974 г. она хранилась в музее. Ниагара Фаллс. Сравни также: [М. Колянковский], Старовинна степова баба в Українському музеї в Ниагара Фаллс, "Ми і світ", № 183, Niagara Falls - Toronto 1974, с. 56-57, илл. на обложке; K. Fritz-wiser, Stepova Baba is an Awesome - and Old-lady, [w:] The Globe and Mail, Toronto, 1 september 1976.
- 150 П а с с е к, Курганы и городища..., с. 226.
- 151 Е.Р. Романов, О раскопках в Могилевской губ., "Древности", Труды..., т. 12, М. 1888, прот., с. 56.
- 152 Э й х в а л ь д, О чудских копьях..., с. 295.
- 153 Б а г а л е й, О каменных бабах..., с. 2.
- 154 А.И. Томилина, Описи коллекций, собранных в начале и середине XIX в. помещиком с. Мандрова (сл. Мантурово), Тимского уезда, Курской губ., Е.И. Томилиным, ЗХУ, 1901, кн. 3, прот., с. 47; Каталог Екатеринославского областного музея им. А.Н. Поля. Археология и этнография, Екатеринослав 1905, с. 185.
- 155 П а с с е к, Курганы и городища..., с. 226. О низком научном уровне археологических работ этого автора см. Д.И. Багалей, Предисловие к археологической карте, Тр. XII АС в Харькове 1902, т. 1, М. 1905, с. 1.
- 156 П.С [авельев], [Примечания к статье: Н.И. Надеждин, Заметка о каменных бабах], ИАО, т. 1, вып. 3, 1859, с. 167.
- 157 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 13.
- 158 Т а м ж е.
- 159 П.А. Уваров, Сведения..., Тр. I АС в Москве, 1869, [кн. 2], М. 1871, с. 517.

- 160 A. Hartmann, Becherstatuen in Ostpreussen und die Literatur der Becherstatuen, Archiv für Anthropologie, Bd. 21, Braunschweig 1892-1893, nr 3, с. 253-303.
- 161 Demetrykiewicz, Figury kamienne..., с. 2-13.
- 162 J. Castagné, Étude historique et comparative des statues babas des steppes Khirghizes et de la Russie en général, Bulletins et mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, VIe ser., t. 1, Paris 1910, fasc. 4-5, с. 375-407. Русский вариант этой же работы: И.А. К а с т а н ь е, Историко-сравнительный этюд о каменных бабах киргизских степей и России вообще в связи с каменными изваяниями Франции, Германии и прочих стран..., ТОУАК, вып. 22, 1910, с. 301-320.
- 163 Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 37.
- 164 В е с е л о в с к и й, Мнимые каменные бабы..., с. 1-2; е г о ж е, Алебастровые и глиняные статуетки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе, ИАК, вып. 35, 1910, с. I-II; е г о ж е, По поводу ответа..., с. 98-102; е г о ж е, Статуи воинов из категории «каменных баб», ИТУАК, № 45, 1911, с. 27-30; е г о ж е, Современное состояние..., с. 408-444, табл. I-XV.
- 165 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 14.
- 166 Jerney, Keleti utazása..., с. 14, 95-98, 112-113, табл. I-II.
- 167 P. von Köppen, Über Völkler- und Landeskunde in Russland, "Jahrbücher der Literatur", Bd. 20, Wien 1822, Anzeigenblatt, с. 4; е г о ж е, Über Tumuli in Russland, "Bulletin scientifique publié par l'Académie imp. des Sciences de Saint-Pétersbourg", t. 1, 1836, № 18, с. 137-141; е г о ж е, О древностях южного берега Крыма и гор таврических [= Крымский сборник], СПб. 1837, с. 38-40; е г о ж е, О курганах. Предварительное разыскание, ИТУАК, № 42, 1908, с. 37-40.
- 168 Публикуемые много раз; сравни: П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 112; Tryjarski, Protobulgarzy, [в:] Dąbrowski, Nagrodzka-Majchrzyk, Tryjarski, Hunowie europejscy, Protobulgarzy, Chazarowie, Pieczynowie, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1975, с. 336, 338; Н. Груфешев, Стили и художественные особенности на камената пластика през Първата държава, [в:] Българско художествено наследство, т. 1, София 1973, с. 26-27, 441.
- 169 Ф е д о р о в - Д а в ы д о в, Кочевники Восточной Европы..., с. 167.
- 170 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 13.
- 171 Н.Г. Керцелли, Об историко-географических изысканиях В.И. Мочульского о курганах и каменных бабах Южной России, ИОЛЕАЭ, т. 20, М. 1876, с. 48.

- 172 Смотри сводки сведений о бабах (типология которых, правда, не всегда ясна): Ястребов, Опыт..., с. 77, 131-135, 137, 138-139 (Александровский у.), с. 78, 79, 107, 142, 149 (Елизаветградский у.), с. 80, 158, 160-161 (Херсонский у.); Пискарев, О местонахождении..., с. 211 (Херсонский у.; отмеченный у этого автора Одесский у. это, в действительности, Херсонский и Елизаветградский у.). Сравни также И.В. Фабрицус, Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1, К. 1951, с. 53, 55, 62, 83, 85.
- 173 Эварницкий, Каменные бабы..., с. 191.
- 174 А. Пишчевич, Примечания на Новороссийский край, "Киевская старина", т. 8, 1884, № 1, с. 124.
- 175 Зубев, Путевые записки..., с. 261, 265-267.
- 176 Güldenst'adt, Reisen..., т. 2, 1791, с. 173.
- 177 [Г.Ф. Миллер], Изъяснение о некоторых древностях в могилах найденных, Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, СПб. 1764, декабрь, с. 502.
- 178 Ляликосов, Путевые заметки в проезд некоторых уездов Херсонской и Екатеринославской губерний, ЗООИД, т. 3, отд. 2-3, 1850, с. 832.
- 179 А. Шмидт, Херсонская губерния, ч. 2, СПб. 1863, с. 807.
- 180 Ястребов, Опыт..., с. 82, 172, 173.
- 181 А.И. Селенгинский, О поездке в с. Надушиту, Сорокского у., Бессарабской губ., ЗООИД, т. 29, 1911, прот., с. 122-124; Э.А. Рикман, Художественные сокровища древней Молдавии, Кишинев 1969, с. 56-57.
- 182 Для Восточного Подолья: В.К. Гульдман, Памятники старины в Подолии. (Материалы для сравнения археологической карты Подольской губернии), Каменец-Подольский 1901, с. 293; Е. Сецинский, Археологическая карта Подольской губернии, Тр. XI АС в Киеве 1899, т. 1, М. 1901, с. 208, 218, 261, 286, 300, 302, 304. Для западного Подолья: A. Schneider, Encyklopedia do krajoznawstwa Galicji..., т. 2, Lwów 1874, с. 14-15; B. Janusz, Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej, Lwów 1918, согласно предметному указателю.
- 183 [Грабовский], Обзорение могил..., с. 76, табл. 146; е го же, Ukraina dawna..., с. 111. На "обработку" рисунка художником обратил внимание еще Г. Спасский, О сходстве курганов в Южной России с курганами в Южной Сибири..., ЗООИД, т. 3, 1852, с. 535.
- 184 Słownik geograficzny Królestwa Polskiego..., т. 6, Warszawa 1885, с. 261.

- 185 Ż. Pauli, Starożytności galicyjskie, Lwów 1840, с. 6.
- 186 J.I. Kraszewski, Sztuka u Słowian..., Wilno 1860, с. 223.
- 187 В.И. Довженок, Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Приднестровье, КСИИМТ, вып. 48, 1952, с. 139.
- 188 Там же. Мы осматривали статую в Каменец-Подольском историко-краеведческом музее в 1978 г. и склонны считать ее турецким изваянием II типа.
- 189 В.М. Флоринский, Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии, ч. 2, вып. 1, Томск 1896, с. 36-48.
- 190 М.Ю. Брайчевский, Древнеславянское святилище в селе Иванковцы на Днестре, КСИИМТ, вып. 52, 1953, с. 43-53; М. Брайчевский, В. Довженок, Поселение и святилище в селе Иванковцы в среднем Поднестровье, М. 1967 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 139); I.C. Винюк у р, Історія та культура черняхівських племен Дністрово-дніпровського межиріччя II-V ст. н.е., К. 1972, с. 106-108, и др.
- 191 S. Korytko, Fragmenta historyczne Rusi Czerwonej [рукопись первой половины XVIII в.], цит. [в:] Schneider, Encyklopedia..., т. 2, с. 18.
- 192 Schneider, Encyklopedia..., т. 2, с. 19.
- 193 В.Б. Антонович, Археологическая карта Киевской губернии, М. 1895, с. 87, 113, 114; В. Данилевич, Археологічна минувшина Київщини, К. 1925, с. 173.
- 194 [Грабовский], Обзорение могил..., с. 76, приложен рис.; Grabowski, Ukraina..., с. 111, приложен рис. (баба репродуцирована также в других изданиях).
- 195 Kraszewski, Sztuka..., с. 223.
- 196 E. Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. 3, Kraków 1879, с. 72.
- 197 Антонович, Археологическая карта..., с. 87.
- 198 Podbereski, O Scytii..., с. 34.
- 199 Терещенко, Очерки..., с. 37. Сравни также Антонович, Археологическая карта Волынской губернии, Тр. XI АС в Киеве 1899, т. 1, М. 1901, с. 4, 5, 6, 77.
- 200 Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 17.
- 201 Плетнева, Древности черных клубков, М. 1973, с. 25-26.
- 202 К.В. Кудряшов, Половецкая степь. Очерки исторической географии. М. 1948, с. 128-129 и карта.
- 203 Пассек, Курганы..., с. 226.

- 204 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 13.
- 205 Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 37.
- 206 Р о м а н о в, [О раскопках...], с. 55.
- 207 Б а г а л е й, Объяснительный текст..., с. 73.
- 208 Репродукция: Т. Ш е в ч е н к о, Мистецька спадщина в чотырьох томах, т. 1, кн. 1, К. 1961, № 118. Сравни также Шевченківський словник, т. 1, К. 1976, с. 326. Установлено, что бабы находились в с. Шедиэве, Кобелянского у., Полтавской губ. См.: П.В. Ж у р, На Орели. Из новых материалов о Тарасе Шевченко, "Звезда", Л. 1977, № 11, с. 185-189. Сейчас одна из двух баб (в изуродованном виде) хранится в школьном музее с. Нехворощи, Полтавской обл.; вторая погибла.
- 209 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 95.
- 210 Б а г а л е й, Объяснительный текст..., с. 33, 34, 39, 40, 42-52, 61, 63-65.
- 211 Б а г а л е й, Объяснительный текст..., с. 71-73, 87-88, 92; 22.
- 212 Там же, с. 8-9. Е.Г. Х о д с к а я, Статья о некоторых местных древностях, вызванная обращением предварительного комитета..., Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда, т. 1, Х. 1902, с. 19.
- 213 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 11, 94, 108.
- 214 Kÿrren, Über Volker- und Landeskunde..., с. 4 и другие его статьи, перечисленные в сноске 162.
- 215 А.И. К е л ь с и е в, [Выступление в дискуссии по докладу Н.Рожественского], ИОЛЕАЭ, т. 31, 1878-1879, с. 146. На Обо-янский у. как северную границу распространения каменных баб указывали также другие авторы.
- 216 А.Ф. Ш о к о в, К половецким древностям на Дону, "Известия Воронежского гос. педагогического института", т. 31, Воро-неж 1960, с. 177-181.
- 217 Протоколы заседаний Московского археологического обще-ства, Древности, Труды..., т. 9, М. 1883, с. 30.
- 218 А.Н. Н а р ц о в, О каменных бабах, Тамбов 1904, с. 7.
- 219 Там же, с. 14-16.
- 220 Справочный энциклопедический словарь, т. 2, с. 8.
- 221 Р о ж е с т в е н с к и й, О каменных бабах..., с. 146.
- 222 А. Г а т ц у к, Заметки о каменных бабах близ Москвы, ЧОИДР, 1870, кн. 3, с. 124. А. Г а т ц у к, по-видимому, поле-мизировал с утверждением П.С [а в е л ь е в а], [Примечания...], (с. 167), в том, что бабу привезли в Кунцево из южных губерний.

- 223 А.И. К е л ь с и е в, [Выступление в дискуссии...], с. 146.
- 224 З а й к о в с к и й, Каменные бабы..., с. 24.
- 225 А.А. С п и ц ы н, Заметки о некоторых саратовских кур-ганах, "Известия имп. Археологической комиссии", вып. 5, СПб. 1903, с. 126; А.С. Л е б е д е в, О курганах, существующих в Саратовской губернии, ИОАИЭ, т. 24, 1908, вып. 5, с. 489-490; З а й к о в с к и й, Каменные бабы..., с. 24-25.
- 226 Е.К. М а к с и м о в, Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района, [в:] Древности Восточной Европы, М. 1964, с. 137.
- 227 И. Л е п е х и н, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 гг., СПб. 1771, с. 422-425; М и н х, Материалы..., с. 205-206; З а й к о в - с к и й, Каменные бабы..., с. 21-24, 26-29; П л е т н е в а, Половецкие каменные бабы..., с. 108-109.
- 228 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 13.
- 229 P.S. Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russi-schen Reich, т. 1, SPb. 1771, с. 221-223, табл. XV; е г о ж е, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd: 1, Leipzig 1799, с. 437.
- 230 П.С. П а л л а с, Путешествие по разным провинциям Рос-сийской империи, ч. 1, 2-ое изд., СПб. 1809, с. 335.
- 231 Э й х в а л ь д, О чудских копьях..., с. 295.
- 232 А л а б и н, Нам известные остатки..., с. 2; З а й к о в - с к и й, Каменные бабы..., с. 25, 27.
- 233 П е т р о в с к и й, Представление идола..., с. 239; А.П. С м и р н о в, Куйбышевская каменная баба, КСИИМК, вып. 12, 1946, с. 40-43.
- 234 А л а б и н, Нам известные остатки..., с. 2; З а й к о в - с к и й, Каменные бабы..., с. 25, 29.
- 235 Протоколы заседаний Московского археологического общес-тва, Древности, Труды..., т. 9, М. 1883, с. 30.
- 236 Т е р е щ е н к о, Очерки..., с. 37.
- 237 К а с т а н ь е, Древности..., с. 36-37, 88-89.
- 238 Е.В. Ш н а й д ш т е й н, Археологические памятники позд-них кочевников Нижнего Поволжья IX-XV вв. как источник по пробле-ме этногенеза астраханских татар, Автореферат на соискание уче-ной степени кандидата исторических наук, Л. 1975.
- 239 П л е т н е в а, Половецкие каменные бабы..., с. 98-106.

- 240 Там же, с. 18.
- 241 П. Куриний, Білогрудівські кам'яні стели, ЗВАН, т. 1, 1930, с. 218. Автор работал над монографией, посвященной проблеме эволюции статуй на Украине, которая, однако, насколько нам известно, не увидела свет.
- 242 Д.Б. Шелов, Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.) М. 1961, с. 88-89; е го же, Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э., М. 1970, с. 140-141; Т.М. Арсеньева, Некрополь Танаиса, М. 1977, с. 25, 105, 146.
- 243 Новая литература вопроса: А.А. Формозов, О древних антропоморфных стелах Северного Причерноморья, "Советская этнография", М. 1965, № 6, с. 177-181; е го же, Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР, М. 1969, с. 150-189; Д.Я. Телегин, Энеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу, "Археологія", вип. 4, К. 1971, с. 3-17; А.О. Щепинский, Антропоморфні стели Північного Причорномор'я, там же, вип. 9, 1973, с. 21-28; Н.А. Рычков, К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы, [в:] Памятники древних культур Северного Причерноморья, К. 1979, с. 14-20.
- 244 Д.Я. Телегин, Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита на Украине, СА, 1977, № 2, с. 5-19.
- 245 Н.Труфанов, Стили и художественные особенности..., с. 26, 44.
- 246 М.И. Артамонов, Антропоморфные божества в религии скифов, "Археологический сборник" (Государственный Эрмитаж), вып. 2, Л. 1961, с. 82; Формозов, Очерки..., с. 189; П.Н. Шultz, Скифские изваяния Причерноморья, [в:] Античное общество, М. 1967, с. 236-237.
- 247 Новые обзоры: Шultz, Скифские изваяния..., с. 225-237; Е.А. Попова, Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры, СА, 1976, № 1, с. 108-122. Последний автор причисляет к "скифским" статуям также группу стел и баб, почти полностью лишенную каких-либо изображений. Принцип этнической атрибуции в данном случае остается совершенно непонятным. См. также А.И. Мелькова, Скифия и фракийский мир, М. 1979, с. 111-112 (о "скифской" скульптуре Западного Причерноморья).
- 248 А.И. Мелькова, Вооружение скифов, М. 1964, табл. 5.
- 249 М.В. Горелик, Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям, [в:] Скифские древности, К. 1973, с. 266-269.
- 250 Б. Варнеке, Образы скифов, Записки Наукового товариства ім. Шевченка, т. 100, Львів 1930, с. 13-17.

- 251 Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Азии, М. 1976.
- 252 Нпр. J. Bouzek, R. Hošek, Antické Černomoří, Praha 1978, с. 78.
- 253 Нпр. Д. Берчу, Фрако-скифский меч - эмблема из Меджидии (Добруджа), Dacia, N.S., vol. 2, București 1958, с. 124.
- 254 А.Д. Alexandrescu, În legătura cu statuile "scitice", Studii și cercetări de istorie veche, București 1960, No 2, с. 283-299. При цитировании этой работы часто теряют, к сожалению, кавычки, в которые заключено слово "скифские", играющие принципиальную роль в концепции А.Александреску.
- 255 О.И. Тереножкін, Киммерійські стели, "Археологія", вип. 27, К. 1978, с. 12-22. Определение этноса вызывает сомнения, так как аналогичные стелы "с ожерельями" известны на Алтае. См. В.Д. Кубарев, Древние изваяния Алтая (оленьи камни), Новосибирск 1979, с. 51-53, табл. IV, VII-X, XVI.
- 256 А.А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР, М. 1966, с. 8.
- 257 А.М. Хазанов, Золото скифов, М. 1975, с. 88.
- 258 J.A. Potratz, Die Skythen in Südrussland. Ein untergegangenes Volk in Südosteuropa, Basel 1963.
- 259 О.И. Тереножкін, Проблема скифської культури в радянській археології, "Археологія", вип. 26, К. 1978, с. 40.
- 260 Т.М. Минаева, К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным, "Материалы по изучению Ставропольского края", вып. 11, Ставрополь 1964, с. 183.
- 261 Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 102.
- 262 Мелькова, Скифия..., с. 112, 240.
- 263 Н.М. Ядринцев, Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г., Древности, Труды..., т. 9, М. 1881, с. 197; т. 11, М. 1886, табл. V, рис. 1, 4, 6.
- 264 [Н.М. Мурзакевич], Краткий указатель..., с. 5; В. Юргевич, Краткий указатель Музея имп. Одесского общества истории и древностей, изд. 3, доп. и испр., О. 1892, с. 79; [Э. фон Штерн], Краткий указатель Музея имп. Одесского общества истории и древностей, О. 1908, с. 118.
- 265 Э.А. Рикман, Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры, М. 1975, с. 51 и след.
- 266 Тереножкін, Проблема..., с. 40.
- 267 Нпр. К. Мельник, Каталог..., с. 120-121 (№ 319).

Описанная здесь баба это № ДИМ-А-7961, которая датируется А. Формозовым и Л. Крыловой IV в. до н.э. (см. Л.П. Крылова, Каменные бабы. Каталог, Днепрпетровск 1976, с. 24-26; там указано, кстати, что баба найдена в 1906 г.; это неверно, так как каталог К. Мельник, где она уже описана, издан в 1893 г.).

268 А.А. Миллер, Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом, "Известия Российской академии истории материальной культуры", Ленинград, т. 4, с. 113.

269 А.А. Захаров, Каменные бабы, "Старовинності Ізюмщини", вип. 3, Ізюм 1928, с. 12.

270 Обзор изваяний этих двух типов см. Винокур, Історія та культура..., с. 105-1115; сравни также Б.О. Тимошук, Слов'яни Північної Буковини V-IX ст., К. 1976, с. 91-92.

271 Брайчевский, Древнеславянское святилище..., с. 52-53.

272 Обобщающие работы по кавказским статуям отсутствуют. Из более старой литературы, сохранившей однако значение своим фактическим материалом, можно упомянуть: Г.Д. Филимонов, Древние каменные изваяния в Пятигорске, "Вестник Общества древнерусского искусства", т. 11-12, М. 1876, с. 67-80; Описание каменных крестов, столбов и статуй, собранных Е.Д. Фелициным и Г.И. Куликовским, "Материалы по археологии Кавказа", вып. 7, М. 1898, с. 137-142; В.М. Сысоев, Древности по верхнему течению р. Кубани. Поездка летом 1896 г., там же, вып. 9, 1908, с. 143-169.

273 С.Б. Ашурбейли, Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья, "Азербайжан тарихи музейнен эсэрлери, ч. 1, Баку 1956, с. 61-109; И.Э. Халилов, Хыныслы даш һејкәллари, Азербайжан ССР Елмлар академијасынын Ма'рузалар, Баку 1960, № 1, с. 1125-1128; е го ж е, [= Дж.А. Халилов], Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании, СА, 1962, № 1, с. 209-220; е го ж е, Археологические находки близ села Дагколаны, Шемахинского района, [в:] Археологические исследования в Азербайджане, Баку 1965, с. 114-127; е го ж е, О каменных изваяниях древней Кавказской Албании, [в:] Материалы в Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1969 г. в СССР. Тезисы докладов, Баку 1970, с. 17-18; е го ж е, Das alte Schenacha im Lichte der archäologischen Ausgrabungen, "Das Altertum", Bd. 24, Berlin 1978, H. 1, с. 30-35; Р.Б. Геюшев, Городище Гявуркяла, [в:] Археологические открытия 1972 года, М. 1973, с. 437. Авторы приносят свою благодарность акад. М.Ш. Ширалиеву (Баку) за помощь в сборе сведений. Аналитико-синтетический обзор скульптуры Армении см. С.С. Мнацаканян, Проблемы генезиса и типологии мемориальных памятников древней и раннесредневековой Армении, Patma-banasirakan handes, Erevan 1979, No 4, с. 84-96; 1980, No 1.

274 Нельзя согласиться с подобной трактовкой, напр. в статье:

Р.М. Ваидов, Р.Б. Геюшев, Н.М. Гулиев, Новые находки каменных баб в Азербайджане, [в:] Археологические открытия 1973 года, М. 1974, с. 446-447; Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 53-71.

275 По принятой Н. Веселовским терминологии, балбалы - это тюркские каменные бабы.

276 Веселовский, Современное состояние..., с. 433.

277 Федоров-Давыдов, Искусство кочевников..., с. 96.

278 В. Пассек, Границы Южной Руси до нашествия татар, [в:] Очерки России, М. 1840, с. 4.

279 Кельсиев, О каменных бабах..., с. 76.

280 Зяблин, Археологические памятники..., с. 13.

281 Федоров-Давыдов, Кочевники..., с. 188.

282 Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 8.

283 Веселовский, Современное состояние..., с. 433.

284 Зяблин, Археологические памятники..., с. 13.

285 Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 7. Дата "конец IV в." в цитате из С. Плетневой возможно опечатка (вместо "конец VI в."), так как у Н. Веселовского подобной датировки нет.

286 Сравни новые работы о расселении печенегов: I.O. Молдчикова, Географічне розміщення печенігів у IX-XII ст., Український історичний журнал, К. 1974, № 8, с. 105-107; O. Pritsak, The Pečenegs: a Case of Social and Economic Transformation, Archivum Eurasiae Medii Aevi, vol. 1, 1975, с. 216-220.

287 Впервые попытка идентифицировать и датировать подобные предметы была предпринята в статье А.С. [Плицын], К вопросу о каменных бабах, ЗРАО, новая серия, т. 10, вып. 1-2, СПб. 1898, с. 342-345.

288 Как на курьез можно указать на отрицание наличия раннетатарских погребений вообще: Л.П. Зяблин, О "татарских" курганах, СА, т. 22, 1955, с. 83-93.

289 Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 24. (в данном случае автор полностью противоречит выводам, к которым она пришла ранее в работе: Печенеги, торки и половцы..., 1958, где была предложена строгая схема этнической атрибуции захоронений).

290 В связи с этим стоит припомнить замечание А.А. Спицына, который после изучения кочевнических захоронений XII-XIII вв., расположенных около Киева и приписываемых торкам, берендеям, печенегам, и половцам, заявил, что "сортимент вещей в этих курганах

почти один и тот же" (см.: е г о ж е, Татарские курганы, "Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии", т. 1, Симферополь 1927, с. 149-153).

291 Н.Ф. К а т а н о в, О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейшего времени до наших дней, ИОАИЭ, т. 12, 1894, вып. 2, с. 128.

292 А.А. И в а н о в с к и й, К вопросам о существовании обряда погребения и сожжения, о каменных бабах и о надгробных камнях - по данным современной этнографии, Тр. VIII АС в Москве, 1890, т. 4, М. 1897, с. 184-185. Результаты экспедиции А. Ивановского совершенно забыты. На них в свое время обратил внимание только И.А. Кастанье (см. е г о ж е, Étude historique..., с. 381). В другой своей работе А. Ивановский пишет, что "все так называемые "каменные бабы" (по торгоутски "коша-чулу") находятся у торгоутов в почете и считаются изображением их умерших предков". См. е г о ж е, Антропологический очерк торгоутов Тарбагатайской области, Китайской империи, (Материалы для антропологии монголов), ИОЛЕАЭ, т. 71, М. 1891, прибавление, с. 24.

293 Н.М. Я д р и н ц е в, О каменных бабах Сибири и Монголии, Тр. VIII АС в Москве, 1890, т. 4, М. 1897, с. 160.

294 В. Б а р т о л ь д, К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, [в е г о ж е:] Сочинения, т. 4, М. 1966, с. 382.

295 Д.И. И л о в а й с к и й, О племени, которому принадлежали грубые изваяния наших южных степей, известные под именем каменных баб, Древности. Труды..., т. 7, М. 1878, прот., с. 53.

296 В е с е л о в с к и й, Современное состояние..., с. 433.

297 Б а р т о л ь д, К вопросу..., с. 377-378.

298 Сравни: Татаро-монголы в Азии и Европе, сборник статей, изд. 2, перераб. и доп. под ред. С.Л. Тихвинского, М. 1977.

299 I. Barbaro, Viaggio alla Tana, [в:] Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в., изд. Е.Ч. Скржинская, Л. 1971, с. 117 (итал. текст), 140 (русс. перевод).

300 Там же, с. 122, 133, 134 (итал. текст), 146, 159 (русс. перевод).

301 Ш е р, Каменные изваяния Семиречья..., с. 39.

302 Л.Р. К ы з л а с о в, Древняя Тува (от палеолита до IX в.), М. 1979, с. 199.

303 Н. Р ы ч к о в, Дневные записки путешествия в Киргисско-Кайсацкой степи 1771 г., СПб. 1772, с. 81.

304 Л.А. П о т а п о в, Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холъя, Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. 1, М.-Л. 1960, с. 233-

-234. Сам автор сомневался в достоверности этих сведений - он не знал аналогичных данных, собранных в конце XIX в. А.А. Ивановским в географически не столь уже отдаленном районе.

305 П л е т н е в а, Половецкие каменные изваяния..., с. 56.

306 Единственный намек на целесообразность подобной методики находится в статье: П.Н. Ш у л ь ц, Каменные изваяния воинов из курганной группы "Чокрак", [в:] Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии, т. 1, Л.-М. 1941, с. 229.

307 В. С о л о в ь о в, Скульптурные шедевры степи, "Жовтень", Львів 1977, № 2, с. 132-136.

308 Укажем здесь только на некоторые материалы подобного типа: рисунки Й.-И. Лерхе 1738 г. (см. J. J. Lerche, Lebens- und Reisegeschichte..., Halle 1791, с. 121); рукопись работы: J. M. von Strandmann, Allgemeine Bemerkungen über die alten Grabhügel oder Kurgane in Russland und Sibirien, London 1816, сохраниена в Государственной библиотеке СССР им. В. Ленина в Москве; рисунки П. фон Кеппена 1830-х гг. (см.: ИТУАК, № 42, 1908, с. 40); рисунки К. Десемета 1840 г. (см.: ЗООИД, т. 2, 0. 1848, с. 41); рисунки Сунгурова из Таганрога 1841 г. (см. там же, т. 32, 1915, с. 66); записки, рукописи и карты распространения баб - В. Мочульского, 1840-1850-х гг. (см.: ИОЛЕАЭ, т. 20, М. 1876, с. 48; там же, т. 27, 1878, с. 155); рисунки Д. Товбича 1860 г. (см.: ЗООИД, т. 32, с. 71-72; по-видимому, о них же: Тр. I АС в Москве, 1869, кн. 1, М. 1871, с. XXXVIII); рукопись, рисунки и карты распространения баб К. Гревингга, 1819-1887; см.: Тр. XIII АС в Екатеринославе 1905, т. 2, М. 1908, с. 237); несколько сот рисунков Гарденина 1881 г. (см.: Тр. V АС в Тифлисе, М. 1887, с. 76); описание каменных изваяний и альбом рисунков Л.П. Зяблина 1940-1950 гг. (см. З я б л и н, Археологические памятники..., с. 16). В дальнейшем - архивные и иконографические материалы музеев, научных обществ и учреждений, занимавшихся археологическими исследованиями.

309 Насколько нам известно, была выработана только одна подробная инструкция для описания каменных баб (Ф е д о р о в - с ь к и й, Инструкция..., с. 119-121), которая, однако, так никогда и не применялась в научных работах. Принципы описания каменных изваяний, реализуемые в работах 50- начала 70-х гг. XX в., не только далеки от точности, но почти никогда последовательно не выдержаны.

III. КАМЕННЫЕ БАБЫ В АСКАНИИ-НОВА

1. Аскания-Нова и ее археологическая коллекция

В результате переговоров между небольшим немецким герцогством Ангальт-Кетен и Россией, ангальт-кетенский герцог Фердинанд приобрел в 1828 г. большую степную территорию на юге Украины, т. наз. участки: № 71 (континентальный - Чапли) и 47 (приморский - Дофино, Duchfinea), поверхностью более 48 тыс. десятин, предназначенных, в основном, для развития овцеводства. На участке Чаплях, при древней чумацкой (соляной) дороге, была создана колония со смешанным украинско-немецким населением, получившая в 1832 г. официальное название Аскания-Нова¹. В 1856 г. территория Чаплей и Дофино была продана И.-Ф.И. Фейну, выходцу из семьи немецких колонистов на Украине, преобразовавшего прозябающую ангальтскую колонию в цветущее крупнопомещичье хозяйство. Он и его потомки - представители семейства Фальц-Фейнов - увеличили территорию поместья в несколько раз, раздвинув его рамки также на правый берег Днепра. Для образованных представителей рода близкими оказались широкие научно-культурные интересы. Фридрих Фальц-Фейн (1863-1920) занял видное место в истории зоологии как один из первых энтузиастов акклиматизации диких животных с вольным и полувольным их содержанием, занявшийся отдаленной гибридизацией копытных и создавший в Аскании-Нова уникальный зоопарк (начало его датируется 1874 г.), а также первый на Украине заповедник (1888 г.) целинной степи, быстро получившие всемирную известность. После Октябрьской революции, в 1919 г., акклиматизационный зоопарк, ботанический парк и участок заповедной степи были провозгла-

шены национальным заповедником. В настоящее время территория заповедника и окрестные земли находятся в подчинении Украинского научно-исследовательского института животноводства степных районов им. М.Ф. Иванова, расположенного в Аскании-Нова².

Уже первый собственник степей Чаплей и Дофино, герцог Фердинанд, имел в общем правильное представление о приобретенной им территории. В секретной инструкции администратору колонии Брауману 1828 г. он предписывал "тщательно охранять" драгоценности, золото, а также различные диковинки, которые предполагалось найти в "татарских могилах, расположенных повсюду"³. Администрация обращала внимание на древние курганы - некоторые сведения об этом сохранились в архивных материалах (одна могила была раскопана в 1832 г., другая - в 1837 г.)⁴. Сразу же, в 30-х гг., из могил начали стягивать каменные статуи - отдельные из них попадали в Асканию-Нова. Описывая местность в 1838 г., управляющий Г. Альберт сообщал в Кетен, что в окрестностях Аскании-Нова имеются "большие, грубо обработанные каменные статуи, которые там и сям можно найти в степи [...] Мы притянули из ближайшей местности одну такую статую с совершенно неузнаваемой головой - она кажется только большим безобразным камнем. Можно различить плечи и руки, которые, как будто, держат книгу и сложены на животе, а также короткую юбку"⁵.

Не подлежит сомнению, что на территории поместья Фальц-Фейнов, охватившего к концу XIX в. площадь в около 200 тысяч десятин (примерно 2200 кв. км!), было много каменных изваяний. Поэтому отсутствие данных о каменных бабах из этой территории согласно "первой переписи" каменных скульптур 1844 г. (тогда на территории Днепровского у., Таврической губ., было зарегистрировано 44 бабы, но ни одна из них в Чаплях или Дофино!)⁶ свидетельствует только об очень несовершенном сборе информации - ведь Г. Альберт в своем сообщении 1838 г. ясно писал о рассеянных в степи около Аскания-Нова каменных изваяниях.

"Вторая перепись" каменных баб 1903-1905 гг. также не внесла ясность в этот вопрос. В Днепровском у. тогда сохранилось, будто-

-бы, всего лишь только 8 баб, из них "две каменные бабы находятся в эконии Аскания-Нова Ф.Э. Фальц-Фейна; привезены лет 30 тому назад [т.е. около 1870-1880 гг. - Я.Д.] из побережья Днепра. Одна представляет фигуру мужчины-воина $2\frac{1}{2}$ арш. (= ок. 1,78 м - Я.Д.) выс., $1\frac{1}{2}$ арш. (= ок. 1,07 м) ширины в плечах, в конусообразной шапке и с едва заметной высежкой боевых доспехов; другая баба - выс. $1\frac{1}{2}$ арш. (= ок. 1,07 м), шир. 5 верш. (? = 0,22 м), представляет фигуру женщины с непокрытой головой и выпуклой грудью"⁷. Данное описание не дает возможности провести идентификацию зарегистрированных в 1903-1905 гг. баб с сохранившимися до сих пор изваяниями.

Эдуард фон Фальц-Фейн, собравший по нашей просьбе, среди представителей своего рода сведения о каменных изваяниях в Аскании-Нова в дореволюционный период, сообщил следующее: "Мой отец Александр (1864-1919) и мой дядя Фридрих (1863-1920) находили подобные скифские скульптуры не только в Аскании-Нова, но также в окрестностях Гавриловки, Элизабетфельда, Мелитополя и западнее Одессы. Большинство было закопано, а извлечение их из земли приводило к находкам скелетов. Все эти находки были зарегистрированы, скульптуры перевезены в Асканию-Нова, где их заботливо хранили как свидетельство преистории. Вещи отсылали в музеи. Одну скульптуру и предметы из одной могилы послали также в Эрмитаж в Петербурге. Дядя Фридрих в 1913 г., в присутствии моей кузины Лидии Фальц-Фейн и многих ученых того времени, раскрыл одну могилу и нашел при этом корону и скипетр! [...] К сожалению, ночью не охраняли выкопанных вещей и грабители захватили найденные ювелирные изделия из серебра и золота. Хочу еще подчеркнуть, что около человеческих костей находили кости лошадей. Выкапывали также очень красивые разукрашенные глиняные вазы. Вопреки утверждению Успенского в его книге 1950 г.⁸, дядя Фридрих передавал все найденные вещи в музей Аскании-Нова или в петербургский Эрмитаж. Дядя Фридрих выдавал также вознаграждение за находку скифской скульптуры или могилы. Он придавал особое значение тому, чтобы школьники знакомились с преисторией окрестностей и приглашал их к посещению [музея]. У него было много ответственных служащих,

занимавшихся тем, чтобы обеспечить этим памятникам действительно спокойное хранение. О них заботились, их регистрировали. Сколько было подобных скифских памятников в 1917 г.? Примерно две дюжины. Перед домом Фридриха находилось только несколько, по-видимому не более четырех каменных изваяний, остальные - в степи. В ботаническом парке было их четыре"⁹. На печатном снимке здания музея, сделанном в 1913-1914 гг. и сохранившемся в личном архиве русского путешественника П.К. Козлова (прожившего в Аскании-Нова несколько лет), можно различить четыре каменные изваяния¹⁰, которые однако не поддаются идентификации с сохранившимися до настоящего времени. На другой фотографии из этого же архива (1913 г.) изображена баба на небольшом степном кургане¹¹ - это сейчас баба № 12. Данные, собранные нами в последние годы среди старожилов Аскании-Нова, в основном, соответствуют всем этим сведениям.

На углубление археологических интересов Ф.Э. Фальц-Фейна, возможно, влияло общение с русским археологом А.А. Бобринским, являвшимся родственником семьи Фальц-Фейнов. Одним из друзей А.А. Бобринского был известный исследователь каменных баб Н.И. Веселовский¹².

Гражданская война на Украине в 1919-1921 гг. принесла очень тяжелые испытания для Аскании-Нова вообще и ее археологической коллекции в частности¹³. Все археологическое собрание было депортировано¹⁴. Сведения об археологических находках и каменных бабах, которые, несомненно, имелись в архиве Аскании-Нова (фамильном и эконии), безвозвратно погибли - основная масса архива была сожжена в 1920 г.¹⁵ К 1925 г. сохранилось только около 20% научного архива (материалы зоопарка)¹⁶. Найденная в 1941 г. часть научного архива¹⁷, в дальнейшем также была утеряна.

В поистине огромной литературе, посвященной Аскании-Нова - в первую очередь ее акклиматизационному зоопарку, заповедной степи, ботаническому парку¹⁸ - имеется ряд упоминаний о каменных бабах, которые в некоторой степени помогают реконструировать историю коллекции. К.М. Залесский опубликовал в 1915 г. фото "курга-

на с каменной бабой [...] перед въездом в Асканию-Нова"¹⁹ (см. описание бабы № 18). Польский ботаник Ю. Пачоски, работавший в Аскании-Нова, упоминает в 1922 г. бабу, "привезенную с Днепра", на довольно высоком и обширном кургане в степи против Нового Этапа²⁰ а также другую ("косую") бабу на кургане расположенном в заповедном участке степи²¹, в 1923 г. — бабу на вершине небольшого кургана в Заповедной степи и вторую наклоненную на другом таком же кургане в этой же степи²². Имеется фото "прямой" бабы, сделанное в 1923 г. и сохранившееся в личном архиве академика В.Н. Сукачева²³. В 1928 г. П.К. Козлов публикует фото с подписью "Древнее изваяние в степи — «каменная баба» близ государственного заповедника Аскания-Нова"²⁴ (сейчас это баба № 15). Тогда же, в другой своей статье, П.К. Козлов упоминает, что "у самого здания музея снаружи, а также на некоторых асканийских курганах стоят каменные бабы"²⁵. В этом же году корреспондент из Аскании-Нова, скрывающийся под псевдонимом "Лесник", пишет о десятке каменных баб во дворе бывшей усадьбы Фальц-Фейнов²⁶. Тогда же Б.К. Фортунатов говорит о "курганах с каменными бабами" в северной части участка западной (старой) Заповедной степи²⁷. В дальнейшем М.В. Шарлемань и А. Борзаковский публикуют фото обезглавленной наклоненной бабы в Заповедной степи²⁸. А. Шуммер упомянул две бабы в Заповедной степи: "прямую", установленную Ф.Э. Фальц-Фейном на кургане 1,5 км на восток от селения Чапли, и "косую", имеющую уклон 55-60° на юг, также установленную Фальц-Фейном на степной могиле²⁹. Насколько удалось установить при помощи распросов на месте, К. Залесский и Ю. Пачоски (в 1922 г.) писали об одном и том же изваянии на кургане при въезде в Асканию-Нова со стороны Нового Этапа. Ни курган, ни баба на нем не сохранились; возможно, впрочем, что баба была перенесена на другое место. Упоминаемая Ю. Пачоским и другими авторами "косая" и обезглавленная баба с богато орнаментированной лопастью на тыльной стороне (как на фото М.В. Шарлеманя и А. Борзаковского), по-видимому, не сохранилась — во всяком случае подобной обезглавленной бабы в Аскании-Нова сейчас нет³⁰ (см. описание бабы № 19). "Прямая" баба —

это баба № 17. "Лесник" писал о бабах №№ 1-6, 13, 14, куда в дальнейшем девалось еще две бабы из бывшего помещичьего двора — неизвестно.

Насколько можно установить на основании рассказов старых служащих зоопарка и упомянутой выше литературы, в 20-х гг. около здания сегодняшнего музея уже стояла шеренга из десяти каменных изваяний³¹. В конце 20-х и в первой половине 30-х гг. была проведена перетасовка ряда других каменных баб, которых начали свозить с запахиваемых в это время целинных степей, расположенных вокруг Аскании-Нова и используемых до тех пор под пастбища. Начали стягивать баб с близлежащих курганов³². В первой половине 30-х гг. было привезено также 6 статуй из Правобережья Днепра. Их сбросили за т. наз. Внутренними прудами зоопарка³³. Одну из них перевезли в Главный загон (баба № 9), вторую водрузили в 50-х гг. на кургане около Внешних прудов (баба № 8), две исчезли бесследно, а две, оставшиеся лежать на месте, т.е. около Внутренних прудов, после исследования на месте, оказались мегалитами³⁴.

Вторая мировая война явилась снова тяжелым испытанием для Аскании-Нова. Окончательно погибло археологическое собрание, вывезенное немецкими оккупантами в 1943 г., от него осталось только одна амфора и каменные бабы... Ударом снаряда одна из баб Заповедной степи была расколота на несколько частей (сейчас это скульптура № 16).

Перевозки, порча и даже уничтожение каменных баб в пределах Аскании-Нова, к сожалению, не прекращались вплоть до последнего времени. Где-то в 50-х гг. исчезла баба, установленная, по-видимому, еще в дореволюционное время на большом кургане около Внешних прудов зоопарка³⁵ (см. описание бабы № 20; нельзя с полной уверенностью сказать, что баба на этом кургане и баба на фото, на основании которого сделано описание, идентичны). В 1957 г. была установлена баба № 7 на небольшом кургане около Внешних прудов — происхождение ее неизвестно³⁶. В начале 70-х гг. одну бабу из зоопарка разбили строители при постройке подвала³⁷. В 1971 г. бабу, которая лежала в зоопарке в районе строительства

новых антилопников, вывезли в Заповедную степь, установили на месте бабы № 16, сориентировав по компасу строго на восток (сейчас это баба № 15)³⁸. "Где-то за Питомником еще недавно стоял курган с бабой, но ее свалили овцы, а сам курган вскоре разровняли тракторами, так что от него ничего не осталось"³⁹. Наконец, в 1976 г. две бабы - из шеренги, которая находится около музея - были выкопаны и снова водружены на курганах (это изваяния №№ 13 и 14).

Каменные бабы Аскании-Нова только один раз подвергались научному изучению. В 60-х гг. часть из них (10) была осмотрена, кратко описана и опубликована С. Плетневой (описания №№ 1228-1237, рисунки 9 баб №№ 1228-1230, 1232-1237)⁴⁰. Авторка отметила существование дальнейших 4 баб (№№ 1238-1241) на территории зоопарка и Заповедной степи, которые она не смогла осмотреть⁴¹. Необходимо уточнить, что в действительности в 60-х гг. в Аскании-Нова находилось гораздо больше каменных изваяний, по крайней мере 20.

Конкорданс нумерации каменных баб

<u>у С.А. Плетневой</u>	<u>в настоящей работе</u>
1228	14
1229	6
1230	11
1231, без рисунка ⁴²	5
1232	3
1233	1
1234	4
1235	2
1236	13
1237	12
1238, без описания и без рисунка	9?
1239, то же	8?
1240, то же	15?
1241, то же	17?

у С.А. Плетневой

в настоящей работе

-	7
-	10
-	16
-	18, несохранившаяся
-	19, то же
-	20, то же.

В течении последних 20 лет фото каменных баб из Аскании-Нова репродуцировались много раз в разнообразных изданиях: научных, научно-популярных, альбомных - посвященных всемирноизвестному заповеднику. Значение этих фотографий, при создании которых не преследовались цели археологической документации, для научных исследований очень ограничено.

Одна из главных проблем, возникающих при изучении коллекции (из сохранившихся 17 скульптур 7 публикуется впервые в настоящей работе), это вопрос о том, имеются ли в ней скульптуры не сдвинутые с места. Как известно, одним из важнейших признаков того, что скульптуру не передвигали, является ее восточная ориентировка⁴³. Среди асканийских изваяний только два имеют восточную ориентировку - №№ 15 и 17 в Заповедной степи. О бабе № 15 известно, что она установлена в 1971 г. по компасу. Таким образом, исключительно в отношении бабы № 17, о времени установки которой ничего не известно, может возникнуть вопрос, что она издревле находится на первоначальном месте. Однако и это очень сомнительно. Согласно данным, собранным в Аскании-Нова, баба № 17 в период по крайней мере с 1933 (если не ранее) по 1947 гг. просто лежала на том месте, где была установлена в 1947 г., очевидно также по компасу. Имеются также другие причины, вынуждающие сомневаться в том, что какая-либо из асканийских баб находится на своем "исконном месте". Через Чапли из Крыма на север в течение нескольких столетий проходила чумацкая соляная дорога шириной примерно 2-3 километра. Как известно, бабы, расположенные около столь жи-

вленных транспортных артерий, в первую очередь становились жертвой истязаний. Во всяком случае, скоропалительная гипотеза о том, что "только в Аскании-Нова несколько "баб" стоят в степи, вероятно, на своих первоначальных исторических местах"⁴⁴, не имеет достаточно веских оснований.

Еще более запутанным является вопрос о территории, из которой каменные бабы были свезены в Асканию-Нова. Несомненно, это была в первую очередь громадная территория "империи" Фальц-Фейнов - т.е. ок. 2200 кв. км, расположенных преимущественно, но не исключительно на Левобережье Днепра⁴⁵. Тем не менее, имеются также определенные основания считать, что статуи привозили также из-за пределов гигантского хозяйства, в частности, уже в советский период. Петроархеологические данные, возможно, помогут внести больше ясности в вопрос о происхождении каменных изваяний.

В настоящее время (декабрь 1977 г.) в Аскании-Нова находится 17 каменных статуй. Они расположены следующими группами:

1. около музея - 6 (одна около кассы - № 1, одна около входа в музей - № 2, четыре около крыла здания, в котором находятся фонды - №№ 3-6).

2. на территории Зоологического парка - 3 (одна в главном загоне - № 9, две на небольших курганах около Внешних прудов - №№ 7, 8);

3. на территории Ботанического парка - 5 (одна в старом парке около боковой аллеи - № 10, две около ул. Червоноармейской, напротив торгового центра и кинотеатра - №№ 11, 12, две на высоких курганах на территории нового парка - №№ 13, 14);

4. на территории Заповедной степи - 3 (№№ 15-17).

Все каменные изваяния, кроме одного (№ 16), вкопаны в землю.

К сожалению, распыленность коллекции не обеспечивает скульптурам надлежащей сохранности. И хотя кое-кто в поэтическом азарте способен смотреть на каменных баб как на символ извечной незыблемости и, даже, как на неуничтожимое противопоставление обществу прогрессу (!)⁴⁶, каменные изваяния Аскании-Нова совершенно не незыблемы и не неуничтожимы. Почти все они находятся

под постоянной угрозой порчи и даже уничтожения, особенно со стороны громадных волн туристов, ежегодно стекающихся в Асканию-Нова. Частые перевозки каменных баб никак не способствуют их надлежащей консервации. В 1971 г., во время перевозки в Заповедную степь, у бабы № 15 была отбита правая грудь. Изваяние № 9 играет роль камня, о который чешутся животные, содержащиеся в главном загоне... Расколота на пять частей баба № 17 нуждается в умелой реставрации. Перед Украинским научно-исследовательским институтом животноводства степных районов им. М.Ф. Иванова, в попечении которого находится ценнейшая коллекция древнетюркской скульптуры, стоит важная и неотложная задача - обеспечить соответствующие современным музейным условиям меры для хранения каменных баб в отдельном павильоне, в котором они могли бы быть со всех сторон доступны для осмотра и изучения.

2. Описание каменных баб

Изучение изваяний в Аскании-Нова проводилось экспедиционным путем в летнем и осеннем сезоне на протяжении нескольких лет (1974-1978 гг.)⁴⁷. Скульптуры описывались, в основном, в соответствии с методикой, предложенной в свое время А. Федоровским⁴⁸. Описание каждой каменной бабы в отдельности дается в следующем порядке: 1. история экспоната (место находки, время установки, перевозки), 2. материал и его обработка, 3. состояние, 4. размеры, 5. общий вид (пол, характер статуи), 6. детали (лицо, прическа, торс, руки и ноги, одежда, головной убор, украшения, предметы в области пояса, обувь). Вопросы изучения материала (пункт 3) рассматриваются более подробно в особом петроархеологическом приложении. При составлении "словесного портрета" каменных баб использована терминология, применяемая в работах С.А. Плетневой и Л.П. Крыловой.

Тяжело объяснить причину отдельных различий между описаниями (и фотографиями), публикуемыми нами - и описаниями (а также рисунками), произведенными С.А. Плетневой. Вряд ли на протяжении

10-15 лет вследствие атмосферных влияний могли исчезнуть некоторые детали, наличие которых отмечала С.А. Плетнева. Случаи существенных различий в описаниях оговариваются в подстрочных примечаниях.

*

Несохранившиеся каменные бабы №№ 18-20 описаны фрагментарно на основании старых фотоснимков.

№ 1

Перед зданием музея, около кассы. Вкопана в землю до середины ног.

1. Происхождение и время установки неизвестны.
2. Мергель. Объемная скульптура; тщательная обработка.
3. Поверхность сильно выветрена, особенно справа, ниже груди и на подоле.
4. Высота 1,56 + X (= вкопанная часть). Лицо 0,28 x 0,33 (= высота x ширина). Плечи 0,56. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей 0,66. Окружность плеч 1,45; пояса (выше рук) 1,71; ниже подола 1,75 м.

5. Женская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, черты не определяются, следы прически.

Грудь открыта, выпуклая, заокругленная. На сосуде пальцы правой руки сверху. Плоская шапочка с козырьком. Двухрусная лопасть, опускающаяся ниже пояса - верхняя из пяти кусков, средний из них заканчивается ромбовидной подвеской; нижняя лопасть из трех кусков, средний заканчивается кистью; лопасти окантованы гладкой полосой. Вокруг овала лица орнаментированная полоса. Серьга слева. Двойная гладкая гривна. На затылке четыре квадрата, окантованных гладкой полосой, нижние квадраты разъединены. На плечах орнаментированные полосы. Подол сплошной. Сосуд шестиугольный.

7. Иллюстрации №№: а, б, в, г.

№ 2

Перед зданием музея, у входа. Вкопана в землю по сосуд.

1. Происхождение и время установки неизвестны.
2. Мергель. Объемная скульптура; следы тщательной обработки острым орудием - точечные удары.
3. Следы повреждений на лице, около правой груди, на руках и сзади. По-видимому, обломана снизу.
4. Высота 0,93 + X. Лицо 0,28 x 0,45. Плечи 0,53. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей 0,55. Окружность плеч 1,39; пояса 1,43 м.
5. Женская. Во весь рост.
6. Лицо плоское, Т-образные брови и нос, дугообразный рот, уши. Грудь открыта, плоская, с сосками. На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом. Платок, ниспадающий на лоб треугольником, с орнаментированной окантовкой и бахромой. Следы лопасти. Серьги округлые с двумя отростками. Ожерелье, двойная витая гривна, на затылке два треугольника, соединенные ломанной линией. Квадратная подвеска на груди. На плечах следы орнаментированных полос. Витые браслеты на запястьях. Сосуд прямоугольный (?) с венчиком.
7. Иллюстрации №№: 2а, б, в, г.

№ 3

Перед зданием музея, около крыла с фундами. Вкопана в землю несколько ниже сосуда.

1. Происхождение и время установки неизвестны.
2. Мергель. Объемная скульптура; следы тщательной обработки острым орудием - точечные и короткие удары. Изваяние очень рельефно.
3. На макушке следы повреждений. Около левого локтя углубление от пули.
4. Высота 1,11 + X. Лицо 0,31 x 0,25. Плечи 0,45. Наибольшая ширина сзади на уровне плеч и бедер 0,45. Окружность плеч 1,09; пояса 1,34 м.
5. Женская. Во весь рост; стоящая.
6. Лицо плоское, черты не определяются. Грудь открыта, плос-

кая, с сосками. Руки частично отделены от корпуса (отверстия под мышками). На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом. Форма головного убора не определяется. Двухъярусная лопасть с окантовкой. На волосах лугообразные "рога". Ожерелье, двойная гладкая гривна. На затылке два окантованных ромба, соединенных прямой линией. На правом плече следы орнаментированной полосы. Обшлаг на запястьях. На поясе справа гребень, слева - круглый кошелек (зеркало?). Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: За, б, в, г.

№ 4

Перед зданием музея, около крыла с фундами. Вкопана в землю до середины ног.

1. Происхождение и время установки неизвестны.
2. Мергель. Объемная скульптура.
3. Поверхность сильно выветрена. В поясничной области следы троса. Значительные дефекты: сколоты часть головного убора слева и обе руки; на сколотой поверхности следы резца.
4. Высота 1,75 + X. Лицо 0,25 x 0,24. Плечи 0,52. Наибольшая ширина *сзади* на уровне бедер 0,53. Окружность плеч 1,39; пояса 1,18 + X; ниже подола 1,55 м.
5. Женская. Во весь рост; стоящая.
6. Лицо плоское, черты не определяются. Грудь открыта, плоская, с сосками. Руки, по-видимому, первоначально частично отделены от корпуса. На сосуде следы пальцев обеих рук, расположенных рядом. Следы платка, ниспадающего на лоб треугольником, с бахромой⁴⁹. Следы окантованной лопасти. Серьги округлые с дугообразными вырезами внутри. Очень широкое ожерелье, тройная витая гривна. На затылке два ромба, окантованных гладкой полосой. На спине три горизонтальные полосы. На правом плече орнаментированная полоса. На поясе слева два ножа; круглое, окантованное гладкой полосой зеркало (?), крестообразно разделено на четыре поля⁵⁰. Подол расходящийся, окантован широкой орнаментированной полосой. На полах следы карманов (?). По две орнаментированные полосы на

ногах. Прямоугольный сосуд с венчиком.

7. Иллюстрации №№: 4а, б, в.

№ 5

Перед зданием музея, около крыла с фундами. Вкопана в землю по сосуд.

1. Происхождение и время установки неизвестны.
2. Серый крупнозернистый гранит. Объемная скульптура; грубая обработка с незначительной детализацией.
3. Следы выветривания *сзади*.
4. Высота 1,16 + X. Лицо 0,26 x 0,44. Плечи 0,68. Наибольшая ширина *сзади* на уровне плеч (0,68). Окружность плеч 1,69; пояса 1,72 м.
5. Женская. Во весь рост.
6. Лицо плоское, следы бровей и носа. Грудь открыта, очертания не определяются. На сосуде следы пальцев обеих рук, расположенных рядом. Шляпа с широкими полями и невысокой тульей, ребро полей орнаментировано. Широкое ожерелье, двойная витая гривна. Прямоугольный сосуд.
7. Иллюстрации №№: 5а, б, в, г.

№ 6

Перед зданием музея, самая крайняя справа около крыла с фундами. Вкопана в землю ниже подола.

1. Происхождение и время установки неизвестны.
2. Мергель. Объемная скульптура; грубая обработка с незначительной детализацией.
3. Поверхность сильно выветрена, особенно *сзади* и на правой руке. Дефект головы (на макушке пропилен жолобок) и рук (отбиты локти обеих рук и часть левого предплечья). Пятна черной и голубой краски.
4. Высота 1,30 + X. Лицо 0,26 x 0,23. Плечи 0,67. Наибольшая ширина *сзади* на уровне бедер 0,74. Окружность плеч 1,57; пояса 1,26; ниже подола 1,81 м.

5. Мужская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, следы глаз и рта. Три косы, соединяющиеся на затылке в одну. Грудь открыта, плоская. На сосуда пальцы обеих рук расположены рядом. Шлем полусферический⁵¹, обрамленный гладкой полосой; по поверхности шлема, параллельно плечам, проходит гладкая полоса⁵². Подол расходящийся, окантован гладкой полосой⁵³. Сосуд квадратный.)

7. Иллюстрации №№: 6а, б, в, г.

№ 7

У Внешних прудов зоопарка, на небольшом искусственном холме, расположенном ближе к дороге. Вкопана в землю ниже подола.

1. Происхождение неизвестно, привезена и установлена в 1957 г.

2. Серый крупнозернистый гранит. Объемная скульптура; грубая обработка с незначительной детализацией.

3. Поверхность сильно выветрена. Цементирована из двух кусков — шов проходит в поясничной области. Голова повреждена. Несколько ниже шеи следы троса.

4. Высота 1,31 + X. Лицо 0,28 x 0,26. Плечи 0,49. Наибольшая ширина сзади на уровне плеч 0,49. Окружность плеч 1,34; пояса 1,44; ниже подола 1,48 м.

5. Мужская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, черты не определяются. Грудь открыта, плоская. На сосуда пальцы правой руки сверху. Головной убор неопределенной формы. В центре торса и на левой груди следы круглых блях. Выше пояса справа изображение овального предмета. Подол сплошной. Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: 7а, б, в, г.

№ 8

У внешних прудов зоопарка, на небольшом искусственном холме расположенном дальше от дороги. Вкопана в землю до середины ног.

1. Привезена в первой половине 30-х гг. из Правобережья Днестра установлена в 50-х гг. XX в.

2. Мергель. Объемная скульптура.

3. Поверхность выветрена. В области правой груди, на спине и на шее справа углубления от пуль.

4. Высота 1,47 + X. Лицо 0,30 x 0,24. Плечи 0,55. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей 0,57. Окружность плеч 1,44; пояса 1,51; ниже подола 1,59 м.

5. Женская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, черты не определяются, сохранилось правое ухо. Грудь открыта, плоская, асимметрична, с сосками. Два ребра (?) слева. На сосуда пальцы правой руки сверху. Плоская шапочка. Заокругленная лопасть. На лице слева орнамент (татуировка?). Ожерелье, двойная витая гривна. На левом плече широкая орнаментированная полоса. Подол расходящийся с следами окантовки гладкими полосами. Сзади, на уровне бедер, в центре, две краткие орнаментированные полосы. Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: 8а, б, в, г.

№ 9

В центре главного загона зоопарка. Вкопана в землю ниже подола.

1. Привезена в первой половине 30-х гг. из Правобережья Днестра, установлена тогда же.

2. Известняк. Объемная скульптура; тщательная обработка.

3. Поверхность отполирована чешущимися животными. Нос поврежден.

4. Высота 1,61 + X. Лицо 0,26 x 0,28. Плечи 0,46. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей 0,63. Окружность плеч 1,37; пояса 1,50; ниже подола 1,43 м.

5. Женская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, Т-образные брови и нос, глаза, дугообразные губы, уши. Грудь открыта, плоская, с сосками. На сосуда пальцы обеих рук расположены рядом. Высокая конусообразная шляпа с

валиком и высокой тульей. Лопасть с конусообразным окончанием. Круглые серьги. Двойная гладкая гривна. Подол сплошной. Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: 9а, б, в, г.

№ 10

Около боковой аллеи ботанического парка. Вкопана в землю до середины ног.

1. Происхождение и время установки неизвестны.

2. Мергель. Объемная скульптура; тщательная обработка.

3. Поверхность выветрена, частично покрыта лишайниками. Лицо повреждено, дефект правой руки — отбита часть плеча. На груди процарапан крест.

4. Высота 1,46 + X. Лицо 0,23 x 0,25. Плечи 0,55. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей 0,58. Окружность плеч 1,42; пояса 1,56; ниже подола 1,59 м.

5. Мужская. Во весь рост; стоячая.

6. Лицо плоское, выраженные скулы, остальные черты не определяются. Тройная коса. Грудь открыта, плоская. На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом. Шлем полусферический, обрамленный двойной гладкой полосой; по поверхности шлема, параллельно плечам, проходит гладкая полоса. Сзади богато орнаментированный кафтан с небольшим разрезом снизу. На руках широкие орнаментированные полосы. На поясе справа гребень и закрытый колчан; слева — два кошелька (один из них стремнеобразный, окантованный, второй — круглый); сабля. Подол расходящийся. Сапоги с заостренными наколенниками, окантованными орнаментом. Сосуд прямоугольный. На тыльной стороне в нижней части две параллельные линии, ниже их волнообразные прерывистые линии. После очистки статуи от лишайников на тыльной стороне ниже кафтана обнаружено изображение (неглубокий рельеф) сцены охоты: две обращенные одна к одной ногами косули с удлинненными шеями — в вертикальном положении, слева от них мужчина в остроконечной шапке и длинной одежде, с большим щитом в правой руке (см. зарисовку).

7. Иллюстрации №№: 10а, б, в, г.

№ 11

Напротив торгового центра, на сглаженном небольшом кургане. Вкопана в землю до подножки.

1. Происхождение и время установки неизвестны. В 1933 г. уже стояла на данном месте.

2. Мергель. Объемная скульптура.

3. Поверхность сильно вывертена. На груди процарапан крест; на тыльной стороне в нижней части неразборчивое литерное граффито.

4. Высота 2,05 + X. Лицо 0,31 x 0,29. Плечи 0,57. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей 0,60. Окружность плеч 1,79; пояса 1,75; ниже подола 1,69 м.

5. Мужская. Во весь рост; стоячая.

6. Лицо плоское, следы правого глаза и дугообразного рта, остальные черты не определяются. Тройная коса, Грудь открыта, плоская. Руки частично отделены от корпуса (отверстия под мышками). На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом. Шлем полусферический, обрамленный гладкой полосой. Двойная гладкая гривна. Низко на груди большая круглая бляха. На поясе слева круглый кошелек (зеркало?), крестообразно разделен на четыре поля. Подол сплошной, с вырезкой снизу по центру, окантован гладкой полосой. Сосуд прямоугольный.

7 Иллюстрации №№: 11а, б, в, г.

№ 12

Напротив кинотеатра, в цветочном хозяйстве, на сглаженном небольшом кургане. Вкопана в землю до середины ног.

1. Происхождение и время установки неизвестны. В 1913 г. (в соответствии с фото того времени⁵⁴) стояла на небольшом кургане в степи; в 1933 г. находилась уже на данном месте.

2. Мергель. Объемная скульптура.

3. Поверхность выветрена. Значительные повреждения — отбит

верх головы; справа и слева выдолблено по три углубления (по два в плече, по одному в подоле), свидетельствующие о вмонтировании в прошлом в забор; слева отбит значительный кусок выше локтя и около плечевого сустава, а также обломана тыльная часть плиты слева (около подола). Три углубления от пуль - в области правой руки, на подоле слева и на спине справа. Под мышкой слева железный болт. На спине граффито: ВОЛЯ.

4. Высота $X + 1,20 + X$. Лицо $0,26 \times 0,29$. Плечи $0,42 + X$. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей $0,53 + X$. Окружность плеч $1,19 + X$; пояса $1,35$; ниже подола $1,58$ м.

5. Женская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, следы глаз, ушей; остальные черты не определяются. Грудь открыта, плоская, с сосками. На сосуде по четыре пальца обеих рук расположены рядом. Сзади следы лопасти, заканчивающейся на уровне локтей ромбовидной подвеской. Округлая серьга справа. Очень широкое ожерелье, двойная гладкая гривна. Обшлага на запястьях. Прямоугольная подвеска на животе. На поясе справа ножик, круглое зеркало (?), крестообразно разделено на четыре поля; слева стремеобразный кошелек с окантовкой, гребень. Подол расходящийся, окантован двойной орнаментированной полосой. По одной орнаментированной полосе на ногах. Сосуд прямоугольный с опуклым поддоном.

7. Иллюстрации №№: 12а, б, в, г.

№ 13

В новом ботаническом парке, на более низком искусственном холме около пруда и недалеко от кладбища. Вкопана в землю по сосуд.

1. Происхождение неизвестно, перенесена на курган из-под здания музея в +1976 г.

2. Мергель. Объемная скульптура; тщательная обработка - следы обработки острым орудием (короткие сколы).

3. Поверхность выветрена. Два углубления от пуль - в области левой груди и живота справа.

4. Высота $1,08 + X$. Лицо $0,24 \times 0,25$. Плечи $0,50$. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей и бедер $0,57$. Окружность плеч $1,39$; пояса $1,51$ м.

5. Женская. Во весь рост.

6. Лицо плоское, следы глаз, носа, рта, выраженная правая скула. Грудь открыта, плоская, с сосками. На сосуде пальцы расположены рядом. Платок, ниспадающий на лоб, с бахромой, вырезанной дугообразно. Следы лопасти с окантованными овалом и ромбом. Серьга округлая справа. Широкое ожерелье, двойная гладкая гривна. На затылке два окантованных ромба. Прямоугольная подвеска на груди, прикреплена к пластинке с зигзагообразным краем. На плечах широкие орнаментированные полосы, выраженные лучше справа. На поясе справа щетка, слева - круглый кошелек. Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: 13а, б, в, г.

№ 14

В новом ботаническом парке, на высоком искусственном холме около изгиба шоссеной дороги. Вкопана в землю до половины ног.

1. Происхождение неизвестно, перенесена на курган из-под здания музея в 1976 г.

2. Красный известняк. Объемная скульптура; грубая обработка - следы обработки острым орудием (точечные удары и короткие сколы).

3. Два углубления от пуль сзади на уровне торса.

4. Высота $1,41 + X$. Лицо $0,21 \times 0,23$. Плечи $0,54$. Наибольшая ширина сзади на уровне бедер и подола $0,58$. Окружность плеч $1,35$; пояса $1,45$; ниже подола $1,52$ м.

5. Мужская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, следы глаз, остальные черты не определяются. Грудь открыта, плоская. На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом (?). Шлем полусферический, обрамленный гладкой полосой. Подол сплошной. На ногах обозначен верхний край наголенников. Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: 14а, б, в, г.

№ 15

В Заповедной степи, на водоразделе квартала № 43 (по разбивке 1967 г.), на расстоянии 420 м от борозды в степи. Расположена посреди небольшой обкопанной площадки. Вкопана в землю до середины ног.

1. Происхождение неизвестно; перевезена в Заповедную степь из зоопарка в 1971 г. и установлена на место бабы № 16.

2. Латерит. Объемная скульптура; очень тщательная обработка.

3. Отбит верх головы – повреждены тулья и поле шляпы спереди; дефект в области шеи справа, повреждена правая грудь. На подоле надпись краской: 1972 г.; на животе справа процарапаны граффити: 94, 1 В.

4. Высота 1,83 + X. Лицо 0,22 x 0,38. Плечи 0,65. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей 0,68. Окружность плеч 1,76; пояса 2,01; ниже подола 1,80 м.

5. Женская. Во весь рост; стоячая.

6. Лицо плоское, Т-образные брови и нос; глаза, уши, прямой рот. Грудь открыта, выпуклая, с сосками. На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом. Шляпа с тульей. Налобная повязка с длинной бахромой, оканчивающейся ромбовидными бусинами. По обеим сторонам лица дугообразная прическа, косы на затылке образуют овал, в центре которого два окантованных ромба. Серьги округлые с дугообразными вырезами внутри. Широкое двухслойное ожерелье, тройная витая гривна. Трапецевидная окантованная подвеска на груди. Трехъярусная окантованная лопасть, опускающаяся ниже пояса; верхний ярус с ромбовидным окончанием, средний с прямой окантовкой, нижний с дугообразной. На плечах остроугольная окантовка кафтана (?) и две орнаментированные полосы. Подол разрезной с широкой окантовкой, орнаментированной в елочку. Наголенники орнаментированы. Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: 15а, б, в, г.

№ 16

В Заповедной степи, на водоразделе квартала № 43, на расстоянии 10 м от бабы № 16. Полностью выкопана из земли. В лежащем положении, разбита на куски. Тыльная сторона для осмотра недоступна.

1. Происхождение и время установки неизвестны.

2. Песчанистый мергель. Объемная скульптура; тщательная обработка.

3. Скульптура разбита на пять частей, в местах разлома покрыта затвердевшим раствором цемента. Отбит верх головы, дефект в области правого плеча и правой кисти, а также ниже правого предплечья. По центру живота выдолблена выемка размером 0,06 x 0,16. Два углубления от пуль – в разрезе подола и правее правой ноги. На подоле справа граффито: ЛЕНЯ.

4. Высота ок. 2,03. Лицо 0,25 x 0,26. Плечи ок. 0,51. Наибольшая ширина ниже ног 0,53 м. Произвести обмер окружностей не удается.

5. Женская (?). Во весь рост; стоячая.

6. Лицо плоское, Т-образные брови и нос; глаза, уши. Грудь открыта, плоская, с сосками. На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом. Форма головного убора не определяется из-за повреждений. Справа круглая серьга, покрыта рельефом. Подол разрезной с широкой окантовкой, орнаментированной в елочку. Наголенники заканчиваются сверху стрелообразной окантовкой; на сапогах две узкие полосы. Сосуд прямоугольный. Ступни ног и подножка не выявлены.

7. Иллюстрации №№: 16а, б, в.

№ 17

В Заповедной степи, на водоразделе квартала № 43, на расстоянии 52 м на юг от борозды в степи. Расположена посреди небольшой обкопанной площадки. Вкопана в землю до ступей ног.

1. Происхождение и время установки неизвестны. В период с 1933 (или ранее) по 1947 г. находилась в лежащем положении.

Установлена снова в 1947 г.

2. Глинистый мергель. Объемная скульптура, тщательная обработка.

3. Значительные щели, особенно слева и сзади, вызванные выветриванием. Отбит кусок левой щеки. На спине слева граффито армянскими буквами է լ Գ (= E.L.I Ç; см. иллюстрацию № 176).

4. Высота 1,63 + X. Лицо 0,23 x 0,25. Плечи 0,57. Наибольшая ширина сзади на уровне локтей и бедер 0,60. Окружность плеч 1,60, пояса 1,70, ниже подола 1,65 м.

5. Женская. Во весь рост; стоящая.

6. Лицо плоское, черты не определяются. Грудь открыта, плоская, с сосками. На сосуде пальцы обеих рук расположены рядом. Шляпа с невысокой тульей. Следы длинной лопасти, опускающейся ниже пояса, оканчивающейся тремя кусками, средний из них окантован. Справа большая круглая серьга со стрелообразным окончанием. Широкое ожерелье, двойная витая гривна. На груди ромбовидная подвеска. На плече слева следы орнаментированной полосы. Подол разрезной со следами окантовки снизу и справа. Сосуд прямоугольный.

7. Иллюстрации №№: 17а, б, в, г.

Несохранившиеся изваяния

№ 18

Находилась на довольно высоком и обширном кургане в степи, перед въездом в Асканию-Нова со стороны Нового Этапа. Фото М.А. Щербаковой, опубликованное К. Залесским в 1915 г.⁵⁵

1. Привезена с берегов Днепра. Установлена до 1915 г.

2. Объемная скульптура.

5. Мужская. Во весь рост; стоящая.

6. Шлем сферический.

№ 19

Известна под названием "косой бабы". Находилась на небольшом кургане в Заповедной степи. Фото опубликовано М. Шарлеманем и А. Борзаковским в 1929 г.⁵⁶

1. Происхождение неизвестно. Установлена до 1917 г.

2. Объемная скульптура.

3. Повреждена - отбита голова.

5. Женская. Во весь рост; стоящая.

6. На спине орнаментирована лопасть.

№ 20

Находилась на довольно высоком кургане, почти лишенном растительности (возможно на территории зоопарка). Фото опубликовано Г.А. Успенским в 1950 г.⁵⁷

1. Происхождение и время установки неизвестно.

2. Объемная скульптура.

5. Мужская. Во весь рост; стоящая.

6. Шлем сферический.

3. Петроархеологическое исследование

Вопросы изучения материала, из которого изваяны каменные бабы, довольно редко попадали в поле зрения исследователей, хотя это единственный возможный путь для определения регионов, в которых создавались тюркские статуи.

Раньше всего объектом научной дискуссии явился вопрос о том, на какие расстояния - исходя из породы камня - транспортировались статуи (или глыбы для их изготовления?) от каменного карьера до места их установки (сравни также параграф: Транспорт, в главе I). Один из первых наблюдателей, И.-Я. Лерхе, осмотревший в 1738 г. более 100 каменных баб (конечно, в основном еще не сдвинутых с места) в северном Приазовье, считал, что "их должны были привозить сюда издалека, так как здесь не видно никаких камней - они

имеются только около Днепра⁵⁸. А. фон Гакстгаузен (1847 г.) также отмечал, что изваяния привозили издалека, так как "их находят в местах, где в окружности 100 миль не встречается камень того рода, из которого они изваяны"⁵⁹. Подобной точки зрения - в отношении Крыма - придерживался В.Х. Кондараки (1875 г.)⁶⁰.

Тем не менее, постепенно все больше укреплялась мысль о том, что камень для изготовления скульптур извлекали из близлежащих карьеров. Еще А. Пецольт, изучивший в 1855 г. значительное количество статуй, пришел к выводу, что "во всяком случае, в восточной части Ногайской степи и вообще в области Подольского гранитного плато, те каменные скульптуры, которые я более детально обследовал, были изготовлены исключительно из гранита или гнейса (эта порода также входит в состав [...] этого гранитного плато). С другой стороны, в области распространения каменноугольной формации, их изготовляли из карбонатного песчаника, в чем я удостоверился как наиболее точно. По-видимому, при всех бабах получится тот же результат, т.е., что материал, из которых они изготовлены - та же твердая порода, которая расположена на ближайшем расстоянии"⁶¹. В конечном счете направление обоснованное немецким натуралистом оказалось более плодотворным.

Несколько раз делались попытки определить более или менее точно место изготовления статуй: "фабрика этих баб, по всему вероятно, была около Черкаска, где они выделялись из тамшнего раковистого известняка; в Бахмуте для них употреблялся кварцевый пуддинг или тамшний плотный известняк; около Петровска - мелкий известняк, а в Харьковской губернии они выделялись из флецевого песчаника, который встречается в этой губернии" - определял Н.Г. Керцелли⁶². Геолог И.С. Леваковский усматривал причину изобилия каменных баб в Бахмутском у. в том, что их массовому изготовлению, "очевидно, благоприятствовало сильное развитие здесь аркоза каменноугольной формации, служившего, сколько мне известно, главным материалом для изготовления каменных истуканов. В других местах для этой же цели употреблялся третичный песчаник и затем я не встретил никакого другого материала, из

которого бы делались каменные бабы"⁶³. Археолог В.А. Городцов, детально изучивший Бахмутский у., считал, что по линии рек Бахмута и Кальмиуса баб могли изготавливать только в двух местах - в песчаниковых карьерах, расположенных недалеко от впадения р. Бахмута в Северский Донец, в слободе Серебрянской, где в прошлом "действительно были найдены какие-то признаки существования мастерских", а также у верховьев р. Кальмиуса⁶⁴. На возможность изготовления баб около с. Гелицкого, Бердянского у., Таврической губ., указывал А.И. Маркевич⁶⁵. О местном происхождении большинства каменных баб Бердянского у., изготовленных "из местного гранита и кварца, сцементированного солями железа", писал А.И. Ружицкий⁶⁶. С.А. Плетнева предполагает, что несколько каменных мастерских могло существовать около Синего кургана на р. Большой Калитве; она же опубликовала материал о находке обломка статуи, сделанной из серого ракушечника, в карьере Евпаторийского р-на, в котором добывали такой же камень⁶⁷. С другой стороны, М.Я. Рулинский считал, что "вряд ли каменно-могильный [т.е. из Каменной могилы, расположенной в Мелитопольском р-не, Запорожской обл. - Я.Д.] песчаник использовали для изготовления каменных баб"⁶⁸.

Без особой дискуссии было воспринято мнение о прямой зависимости типа статуи от твердости породы, из которой она изготовлена. О том, что бабы из более твердых пород "отличаются грубой работой", писал Н.И. Веселовский в конце XIX в.⁶⁹ Правильные наблюдения в этом плане сделал А.И. Ружицкий: "Твердый камень или отсутствие хороших инструментов не допускали большей законченности. Из местностей, где добывался сравнительно мягкий, легко поддававшийся обработке песчаник, изготавливаемые фигуры рассылались повсюду. Здесь эти статуи отличаются хорошей отделкой лица, рук, ног и орнамента, покрывавшего шляпу и одежду"⁷⁰.

Несмотря на хорошо осознаваемую взаимозависимость вопросов о материале, из которого изготовлены изваяния, мастерских, где их изготовляли, уровня обработки камня, транспортировке материала или изваяний, до настоящих петроархеологических исследований было еще очень далеко. Насколько нам известно, только А.И. Ру-

жицкий собрал в 1905 г. Таврической губ. "несколько образчиков местного камня, из которых высекались бабы" и послал их в Археологическую комиссию⁷¹. Результаты петрографического анализа этих образцов, однако, никогда не опубликовались – сомнительно, производились ли они вообще.

Широкий размах петроархеологических исследований, охвативших различные территории и разнообразные объекты из многих периодов, начиная, хотя бы, от дольменов Бретани и древнеиранских статуй⁷², докотился в последнее время также в Северное Причерноморье⁷³. Тем не менее, каменные бабы до сих пор не были объектом подобных исследований, важность которых, по-видимому, не требует объяснений. В соответствии с составленным для памятников данного типа планом, произведен был ряд анализов, значение которых будет возрастать по мере увеличения количества каменных изваяний, подвергнутых петроархеологическому обследованию.

Конкретные петроархеологические данные публикуются в приложении.

Примечания

¹ К. Дубняк, Про назви "Асканія-Нова" та "Чаплі", "Вісник природознавства", X.1928, № 2, с. 113-114.

² Главная литература по истории Аскании-Нова: П. Козлов, Аскания-Нова в ее прошлом и настоящем, "Русская старина", СПб. 1914, апрель, с. 356-371; июль, с. 19-38; A. Drücke, Askania-Nova. Die Geschichte einer Kolonie Anhalts in Südrussland, Halle a.S. 1906; W. von Falz-Fein, Askanija Nova. Ein Tierparadies, Neudamm 1930; L. Heiss, Das Paradies in der Steppe. Der abenteuerliche Weg nach Askania Nova, Stuttgart 1980 [переводы: Askania-Nova. Animal Paradise in Russia. Adventure of the Falz-Fein Family, London, Sydney, Toronto 1970; Ascania-Nova, Paris 1975] - последняя работа имеет беллетризованный характер.

³ Государственный исторический архив в Ораниенбауме, ГДР (Historisches Staatsarchiv Oranienbaum), K8then A, 15b, Nr 6, л. 8, G. Opitz, Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zwischen Anhalt und Russland in der Zeit von 1760 bis 1871, Dessau-Halle, 1968, с. 213-214 (машинопись). Авторы выражают благодарность Г. Опицу (Дессау) за предоставленные в их распоряжение выписи из архивных

материалов и возможность ознакомиться с машинописью указанной выше диссертации.

⁴ Там же, K8then A, 15b, Nr 28, vol. XI, л. 56; Nr 43, л. 183.

⁵ Там же, K8then A, 15b, Nr 7a, л. 15; Opitz, Die wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen..., с. 214-215, 364.

⁶ А.И. Пискарев, О местонахождении..., с. 212-213.

⁷ [А.И. Маркевич,] Каменные бабы..., с. 90.

⁸ Имеется в виду книга: Г. Успенский, Аскания Нова, М.-Л., 1950 (нем. перевод: Wiesente, Strausse, Antilopen. Aus der Geschichte des Naturschutzparkes "Askanija Nova", Berlin 1955).

⁹ Из письма барона Э.А. фон Фальц-Фейна (Вадуц, Лихтенштейн) от 4 января 1975 г. в Я. Дашкевичу. Авторы выражают свою глубокую признательность Э.А. фон Фальц-Фейну за все представленные в их распоряжение сведения и материалы.

¹⁰ Ученый архив Географического общества СССР в Ленинграде, ф. 18, оп. 7, фото № 1276.

¹¹ Там же, фото № 67.

¹² N. Epanchin, Beneath the Baked Steppes, a Golden Hoard, "The New York Times", 3 May 1975.

¹³ П.К. Козлов, Аскания-Нова, [в:] Наука и ее работники, Лг. 1921, № 6, с. 32-36; М.М. Завадовский, О состоянии Аскании-Нова, ВДСЗ, т. 3, 1924, с. 158-164.

¹⁴ М.М. Завадовский, Общий очерк истории развития Аскании-Нова, [в:] Аскания-Нова. Степной заповедник Украины, М. 1924, с. 58.

¹⁵ Его же, О состоянии..., с. 160.

¹⁶ Доповідь про огляд архіву заповідника, ВДСЗ, т. 5, 1928, с. 153.

¹⁷ Два ящика архивных материалов, спрятанных в 1917 г. Ф.Э. фон Фальц-Фейном на чердаке страусника, были найдены 19 сентября 1941 г. немецкими войсками и переданы хранителю зоопарка И. Данильченко (Э.А. фон Фальц-Фейну сообщил об этом генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, имевший свою ставку - в качестве командующего 11 армией - в Аскании-Нова). Следы этих материалов найти не удалось, так как И. Данильченко в начале был репрессирован, а в дальнейшем умер в 1956 г.

¹⁸ М. Шарлемань, С. Снігиревський, Матеріали до бібліографії про Державний степовий заповідник "Чаплі", кол. Асканія-Нова, I, ВДСЗ, т. 4, 1928, с. 105-108; Н. Десятова-Шостенко, М. Шалит, Бібліографія Державного степового заповідника "Чаплі" (кол. Асканія-Нова), там же, т. 6, 1929, с. 201-211; А.Д. Бабич, Степной оазис Аскания-Нова. Характеристика природных условий района, X.1960, с.

194-201; А.А. Салганский, И.С. Слесень, В.Д. Треус, Г.А. Успенский, Зоопарк "Аскания-Нова". (Опыт акклиматизации диких копытных и страусов), К. 1963, с. 299-304.

19 К. Залесский, Заповедная стена Фальц-Фейна в Аскании-Нова, "Бюллетени Харьковского общества любителей природы", 1915, № 5, с. 19.

20 И.К. Пачоский, Наблюдения над растительным покровом степей Аскании-Нова в 1922 году, "Известия Государственного степного заповедника Аскания-Нова", вып. 2, Херсон 1923, с. 28.

21 Пачоский, Список растений..., там же, с. 99.

22 Пачоский, Наблюдения над целинным покровом в Аскании-Новой в 1923 г., ВДСЗЧ, т. 3, 1924, с. 44.

23 Личный архив В.Н. Сукачева хранится у его дочери в Москве.

24 П.К. Козлов, Государственный заповедник "Аскания-Нова", "Вестник знания", М. 1928, № 17, с. 848.

25 Е.Г. Егоров, Государственный заповедник Аскания Нова, Научный работник, М. 1928, № 1, с. 18.

26 Лесник, Каменные бабы, (От нашего специального корреспондента), "Красная газета", Ленинград, 20 мая 1928 г. Нельзя согласиться с утверждением автора, что все десять баб были установлены еще при Фальц-Фейнах.

27 Б.К. Фортунатов, Степной заповедник, [в:] Степной заповедник Чапли-Аскания Нова, М.-Л. 1928, с. 47.

28 М. Шарлемань, О. Борзаковский, Чапли. Державний степовий заповідник (Асканія-Нова), Х.-К., 1929, с. 15.

29 А. Шуммер, Облік гнізд степового орла..., ВДСЗУ, т. 7, 1930, с. 50, 51 (данные за 1926-1927 гг.).

30 Обезглавленную бабу в 1924 г. запомнил старый служащий С.И. Медведев из Аскании-Нова (согласно письму Н.Е. Дрогобыч от 26 марта 1978 г. к Я. Дашкевичу).

31 Утверждение о том, что еще Ф.Э. фон Фальц-Фейн "собрал всех каменных баб в Присивашье и выставил их шеренгой возле своего дома" (Г. Успенский, Аскания-Нова..., с. 19) не соответствует действительности.

32 Информаторы - б. препараторы зоопарка О.И. Шевченко (ум. в 1977 г.) и Г.А. Гречко (беседы в Херсоне и Аскании-Нова в сентябре 1975 г.).

33 Согласно сведениям, собранным научным сотрудником зоопарка В.В. Климовым.

34 Мегалиты были раскопаны и обследованы нами в ноябре 1977 г. Они внешне могут напоминать баб. Если рассматривать их в вертикальном положении, то верхняя часть ("голова"), а нижняя гораздо шире. Размеры мегалита I: высота 1,90, ширина сверху 0,38, снизу 0,62 м; мегалита II: высота 2,36, ширина сверху 0,31, снизу 1,06 м. Мегалиты так же депаспортизованы, как и другие привезенные в 30-х гг. бабы, что было связано с фактическим прекращением научной работы в заповеднике в 1933 г. и дальнейшим уничтожением соответствующей документации. Вполне возможно, что мегалиты привезены из побережья Днепра, где имеются мегалитические сооружения, связываемые с ямной культурой III тысячелетия до н.э. (см. Археологія Української РСР, т. 1, К. 1971, с. 269-280).

35 Информация В.В. Климова (письмо из Аскании-Нова от 25 сентября 1977 г.). Возможно, именно это изваяние репродуцировано в: Г.А. Успенский, Аскания-Нова..., 1950, с. 18, так как сейчас похожей бабы нет в Аскании-Нова.

36 Информация В.В. Климова.

37 Сведения, полученные от доктора биологических наук В.Д. Треуса (беседа в Аскании-Нова 17 сентября 1974 г.).

38 Информация научной сотрудницы отдела Заповедной степи Н.Е. Дрогобыч (письмо из Аскании-Нова от 29 сентября 1977 г.).

39 Письмо В.В. Климова из Аскании-Нова от 25 сентября 1977 г.

40 Плетьнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 11, 108, 186, 188, 191.

41 Там же, с. 108.

42 Там же, с. 108, говорится о том, что изображение бабы № 1231 имеется на с. 186; в действительности изображения нет.

43 О первоначальной ориентировке тюркских изваяний см., например: Ph.J. von Strahlenberg, Das Nord- und ostliche Teil von Europa und Asia..., Stockholm 1730, с. 411; Pallas, Bemerkungen..., с. 503; Zwick, Die Gräber in den kaukasischen Don- und Wolgasteppe, Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst", Bd. 5, Leipzig 1836, с. 284; П. Хитцов, О могилах и курганах по Кавказскому краю, Сборник газеты "Кавказ" (1847, полугодие 2), Тифлис 1848, с. 237; Флоренсов, О каменных бабах..., с. 822; Филарет [Д. Гумилевский], Историко-статистическое описание..., отд. 5, с. 111; Терещенко, О могильных насыпях..., с. 18-19; Керцелли, Об историко-географических изысканиях..., с. 48; Эварницкий, Каменные бабы..., с. 187; Бранденбург, К вопросу..., с. 14, 15; В.В. Радлов, П.Н. Мелиоранский, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, СПб. 1897, с. 11, 12; Я. Сердюков, Раскопка кургана близ хутора Ново-Васильевка (Агарджан-куя) Ново-Троицкой волости, Днепропетровского уезда, Таври-

ческой губ., ИТУАК, № 34, 1902, с. 19 и т.д. Сравни также Зяб-лин, О "татарских" курганах..., с. 88-89; O. Pritsak, Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbenbezeichnungen in den altaischen Volkernamen, "Saeculum", Bd. 5, 1954, H. 4, с. 381-382; A.N. Kononov, Terminology of the Definition of Cardinal Points at the Turkic Peoples, Acta Orientalia Hung., t. 31, Budapest 1977, f. 1, с. 62.

44 Успенский, Аскания-Нова..., с. 17.

45 На картах приложенных к книгам: von Falz-Fein, Askania-Nova... и Heis, Askania-Nova. Animal Paradise..., с. 7, обозначена только часть поместий. Гораздо больше материала дает изучение русских штабных карт (ряды XXIX, XXX, XXI - листы 11-14) и соответствующих листов, т.наз.: Специальной карты Европейской России, созданных в 60-х гг. XIX в., на которых густо обозначены экономии, хутора и скотные двory Фальц-Фейнов. Земли, являвшиеся их собственностью, были расположены также в Крыму, в долине реки Салгир. См. О. Коницкий, Листы з Криму, "Зоря", Львів 1896, № 6, с. 112.

46 Л. Костенко, Над берегами вічної ріки. Поезії, К. 1977, с. 77 (стихотворение "Скіфська баба").

47 Краткое сообщение об этих исследованиях см. Я.Р. Дашкевич, Новообнаруженные каменные бабы в Аскании-Нова, [в:] Археологические открытия 1978 года, М. 1979, с. 326-327. За благосклонное отношение к исследованиям авторы выражают большую благодарность дирекции Украинского научно-исследовательского института животноводства степных районов им. М.Ф. Иванова, а также сотрудникам института: Н.Е. Дрогобыч, В.В. Климову, В.Д. Трещу (1921-1975), З.И. Черновой.

48 Федоровский, Инструкция..., с. 119-121.

49 С. Плетнева (№ 1234) отмечает наличие налобной ленты, что не соответствует действительности.

50 Она не отмечает наличие двух зеркал.

51 С. Плетнева (№ 1229) считает шлем сфероконическим.

52 С. Плетнева отмечает следы нагрудных блях и ремней, которые сейчас не определяются.

53 Она не описывает подол без разреза, что не соответствует действительности.

54 Ученый архив Географического общества СССР в Ленинграде, ф. 18, оп. 7, фото № 67.

55 Залесский, Заповедная степь..., с. 19.

56 Шарлемань, Борзакровский, Чапли..., с. 15.

57 Успенский, Аскания-Нова, с. 18.

58 Lerche, Lebens- und Reisegeschichte..., с. 121.

59 Freiherr von Haxthausen, Studien..., Т. 2, с. 339.

60 Кондараки, Универсальное описание..., ч. 15, с. 21.

61 Petzholdt, Reise..., с. 262; сравни также с. 264. Здесь и дальше при цитировании сохраняется устаревшая геологическая терминология.

62 Керцелли, Об историко-географических изысканиях..., с. 50.

63 Леваковский, Об ископаемых медных изделиях..., с. 131.

64 Городцов, Результаты археологических исследований..., с. 255.

65 [А.И. Маркевич], Каменные бабы..., с. 90.

66 Ружицкий, Краткое сообщение..., с. 112.

67 Плетнева, Половецкие каменные изваяния..., с. 54, 105.

68 М.Я. Рудинский, Каміяна могила. (Корпус наскальних рисунків), К. 1961, с. 15.

69 Веселовский, О каменных бабах..., с. 65.

70 Ружицкий, Краткое сообщение..., с. 112.

71 Там же.

72 R. Joussaume, J.-P. Mohen, Dr Gruet et A. Arnaud et autres, Dolmen angevin de Pierre - Folle à Thiré (Vandée), "Gallia prehistoire", t. 19, Paris 1976, fasc. 1; J. Trichet, Étude pétrographique de la roche mise en oeuvre pour la statue de Darius, "Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran", vol. 4, Paris-Teheran 1976. См. также: F.W. Shotton, G.L. Hendry, The Developing of Petrology in Archaeology, "Journal of Archaeological Sciences", vol. 6, London, New York, San Francisco 1977, No. 1 (March), p. 75-84 (с большим списком литературы).

73 В.Ф. Петрунь, О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березани, СА, 1964, № 3, с. 293-297.

Табл. I . Общая карбонатность

№ образца	Карбонатность (в %)
1	93,2
2	94,1
3	89,0
4	90,1
6	67,5
8	89,8
9	95,8
10	83,2
11	91,0
12	92,3
13	89,8
14	5,8
16	87,3
17	84,8

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННЫХ БАБ
АСКАНИИ-НОВА

Для петрографического изучения пород, из которых изготовлены каменные бабы, применялись: 1. изучение образцов в прозрачных шлифах; 2. определение общей карбонатности; 3. дифференциальный термический анализ; 4. рентгенометрический анализ; 5. спектральный анализ¹.

Материал, исследуемый в прозрачных шлифах, условно можно подразделить на две подгруппы: I. Карбонатные породы осадочного происхождения (14 шлифов); II. Кристаллические породы (3 шлифа).

1. Карбонатные породы

После сравнения описаний пород в шлифах можно было провести обобщенное определение сходства отдельных пород осадочного происхождения. Вполне идентичных пород в шлифах нет, хотя можно предположить, что все они происходят из одной провинции.

Учитывая процент общей карбонатности (табл. I), среди 14 карбонатных пород в шлифах можно выделить:

а) №№ 1-3, 8, 10 - мергель органогенный, оолитовый, пористый;

б) №№ 4, 12, 13 - мергель оолитовый, пористый, с кварцем в цементно-поровом пространстве, с бластезом оолитов к сферолито-подобным образованиям (сравни репродуцируемую микрофотографию образца № 4, иллюстрация 67);

в) № 6 - мергель обломочно-пелитоморфный. Фауну содержит в незначительном количестве. Цементирующий сгустковый материал доломитизирован и обломки в нем представлены кварцем как катаклазированным, так и некатаклазированным, калиевым полевым шпатом, рудным минералом;

г) № 9 - известняк обломочно-пелитоморфный с незначительным количеством фауны;

д) № 14 - глина известковистая, оолитовая, оруденелая, отложившаяся, возможно, вблизи грязевого вулкана. Рентгеновский и спектральные анализы (табл. II, III) указывают на содержание значительного количества гидроокислов железа (гепатита; сравни микрофотографию);

е) № 16 - песчаный мергель органогенно-оолитовый, кварцевый, псаммито-гелитовой структуры; обломки кварца преобладают в цементе; а не в ядрах оолитов;

ж) №№ 11, 17 - мергель глинистый, органогенный, с пористой текстурой. В № 11 - микрофауна фораминифер и некоторое количество иглы морских ежей. В № 17 - наряду с фораминиферами также остракоды; последних гораздо больше (сравни микрофотографии образцов №№ 11, 17, иллюстрации 69, 72)².

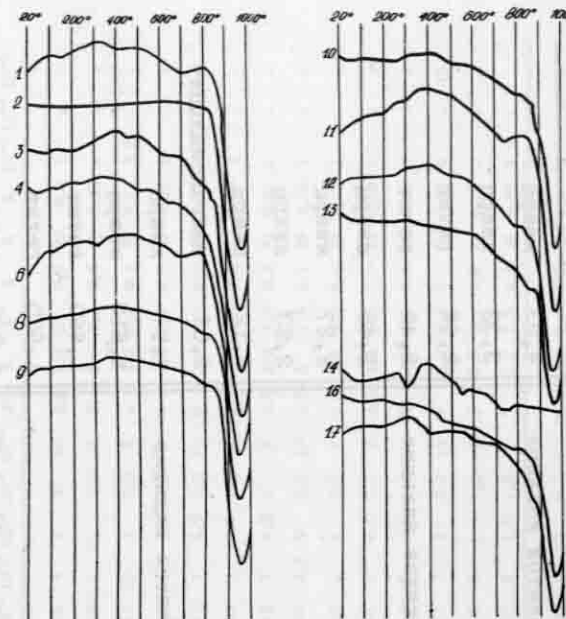
2. Кристаллические породы

а) №№ 5, 7 - граниты. Образец № 5 напоминает гранит из Токковского карьера около Никополя³. (Характерной особенностью токовских гранитов является присутствие в них ортита). № 7 напоминает топазовые граниты Приазовья (массив Каменной могилы)⁴ - сравни микрофотографию образца № 7, иллюстрация 68.

б) № 15 - представляет собой особую породу, которую с полным основанием можно отнести к коре выветривания (латеритной), к ее поверхностным железистым брекчиевидным образованиям. Она может образовываться довольно часто на поверхности гранита или другой кристаллической породы. Структура брекчиевидна, текстура массивная, Цемент рудный, базальный. Кластический материал представлен исключительно кварцем. Среди пород II подгруппы этот образец занимает особое место. Образование колломорфной и железистой породы возможно на поверхности коры выветривания любой кристаллической породы, в том числе и на слабожелезистых кварцитах (восточная часть Приазовья - Мангушская зона с метадапилистой формацией).

Для более детальной диагностики некоторых из описываемых пород были проведены дополнительные исследования.

Кривые дифференциального термического анализа (ДТА) карбонатных пород (иллюстрация 73) показывают, что значительная часть карбоната состоит из кальцита (эндотермический эффект 940°), а в образцах №№ 1, 3, 6, 8, 9, 10, 12, 13 и 17 содержится определенная примесь доломита (эндотермический эффект 800-830°). В образцах №№ 1, 3, 6, 10, 12, 17 имеется, по-видимому, немного гидрослюда, а в образце № 14 - гидрокислого железа.

Результаты термического анализа некоторых пород
Wyniki analizy cieplnej niektórych odmian

Результаты рентгенометрического анализа образцов №№ 12, 14, 16 и 17 приводятся в табл. II, из которой следует, что преобладающим минералом в данных образцах является кварц. Образцы №№ 12, 16 и 17 содержат большое количество манганокальцита (не менее 7% $MnCO_3$).

Это подтверждается также спектральным анализом тех же образцов. Количество Mn в них составляет 0,2% (табл. III). Рентгеновским анализом в образце № 14, кроме кварца, обнаружено присутствие гетита (спектральный анализ также указывает на преобладание железа), а в образцах №№ 12, 16 и 17 - водного силиката кальция.

Выводы о петрографическом исследовании каменных баб Аскании-Нова нуждаются, несомненно, в критическом подходе, так как они сделаны на очень специфическом материале. Подвергавшиеся изуче-

Табл. II. Рентгенометрический анализ

№ линий	образец № 12	образец № 16	образец № 17	минерал	образец № 14	минерал
	$\frac{d\alpha}{n}$	$\frac{d\alpha}{n}$	$\frac{d\alpha}{n}$			
1	3,82	3,82	3,82	группа водных силикатов кальция	4,23	кварц
2	3,33	3,33	3,33	кварц	3,33	кварц
3	3,02	3,02	3,02	манганокальцит	2,62	гетит
4	2,82	2,82	2,82	группа водных силикатов кальция	2,49	гетит
5	2,47	2,47	2,47	манганокальцит	2,45	кварц
6	2,27	2,27	2,27	кварц	2,27	кварц
7	2,08	2,08	2,08	манганокальцит	2,23	кварц
8	1,902	1,902	1,902	манганокальцит	2,12	кварц
9	1,864	1,864	1,864	манганокальцит	2,07	манганокальцит
10	1,618	1,618	1,618	манганокальцит	1,97	кварц
11	1,596	1,600	1,600	группа водных силикатов кальция	1,810	кварц
12	1,598	1,515	1,518	манганокальцит	1,660	гетит
13	1,434	1,434	1,434	манганокальцит	1,655	гетит
14	1,415	1,415	1,415	манганокальцит	1,535	кварц
15	-	-	-	кварц	1,450	кварц
16	-	-	-	-	1,378	кварц
17	-	-	-	-	1,369	гетит

Табл. III. Спектральный анализ

№ образца	Cu	Pb	Tl	Cr	Mn	Ga	Ge	Co	Ni	Ba	Be	V	Nb	Mo	Sn	Ce	Y	Zr	Ag	Ia	Zn	Sc	Si	Al	Mg	Fe	Ca	Na	P	Tl	As	
	10^{-4}	10^{-4}	10^{-2}	10^{-4}	10^{-3}	10^{-5}	10^{-4}	10^{-4}	10^{-4}	10^{-2}	10^{-4}	10^{-4}	10^{-4}	10^{-5}	10^{-5}	10^{-3}	10^{-4}	10^{-3}	10^{-6}	10^{-3}	10^{-3}	10^{-4}	%	%	%	%	%	%	%	10^{-2}	10^{-4}	
1	14	10	3,6	10	100	8	-	7	15	4	1,5	15	-	12	8	-	22	18	5	4	2	10	3,6	2,6	2	0,6	23	0,3	1	-	-	
2	20	18	5	11	150	9	-	7	15	10	1,5	25	-	14	6	-	22	18	5	4	1,5	8	8	3,0	2,2	0,6	25	0,35	-	-	-	
3	20	22	5	9	250	8	-	9	25	9	2	28	-	6	7	-	28	18	15	5	1,5	8	4	3,2	2,8	0,5	26	0,3	5,6	-	-	
4	10	4	4	4	40	7	-	3	7	4	2	10	-	5	8	-	18	14	5	4	1,5	7	5	2,6	2,8	0,3	27	0,28	1	-	-	
6	18	5,6	5,6	9	80	9	-	6,3	18	8	2	11	-	7	6	-	25	15	7	4,5	1,5	10	8	3,0	2,5	0,5	26	0,40	7	-	-	
8	14	7	5	7	200	6	-	9	25	7	1,5	20	-	8	6	-	28	20	5	3,6	1,5	7	3,6	2,6	2,5	0,4	27	0,22	3	-	-	
9	15	8	3,6	4	90	6	-	4	12	4	2	7	-	5	5	-	15	15	7	2,5	2	7	2,8	2,2	2,9	0,2	23	0,22	-	-	-	
10	22	11	5	12	180	5	-	10	28	10	1,5	70	-	9	6	-	36	18	6,3	5	1,5	10	4,5	3	2,8	1,2	28	0,18	1	-	-	
11	12	6,3	3,6	3	140	6	-	5,6	12	12	1,5	10	-	5	6	-	25	15	4	4	1,5	7	2,8	2,6	2,3	0,5	25	0,17	1	-	-	
12	15	7	4	4	150	7	-	10	22	8	1,2	28	-	7	6	-	32	18	5	4,5	1,5	7	3,2	2,8	2,8	1,0	27	0,19	1	-	-	
13	18	7	4	6,3	150	7	-	7	15	7	1,5	25	-	5	7	-	28	14	8	4,5	1,5	10	5	2,6	2,9	0,7	26	0,18	1	-	-	
14	36	40	18	36	25	50	2	5,6	18	2	4	140	14	40	15	10	25	63	7	2	6,3	15	28	3,2	0,3	8	0,6	0,10	9	-	12	
16	14	5,6	3,6	5,6	140	8	-	5	14	3	1,2	18	-	7	5	-	22	18	7	3	1,5	7	3	2,8	2,4	0,6	27	0,20	-	-	-	
17	11	9	3,2	6,3	200	7	-	6,3	20	9	1,5	12	-	12	6	-	25	12	8	4,5	1,5	7	7	2,7	2,8	0,4	26	0,28	1,5	-	-	
5	36	32	25	25	45	220	1	8	10	9	2	56	15	25	32	28	25	50	9	10	9	10	27	7,5	2,8	2,0	5,6	2,0	9	3,6	-	
7	18	5	1,5	14	56	9	-	5,6	12	3	5	14	-	9	6	-	18	18	5	3	1,5	7	5,6	2,5	3,2	0,6	28	0,22	1	-	-	
15	22	22	15	22	18	210	1	6,3	9	10	3,6	45	14	28	28	18	32	18	32	8	11	8	11	26	7,3	0,9	1,6	3,2	2,0	6,3	3,2	-

нию образцы, в связи с тем, чтоб нанести по-возможности минимальные повреждения памятникам древности, были взяты из более или менее эродированной поверхности изваяний, что не могло не повлиять на результаты лабораторных исследований.

Примечания

¹ Анализы выполнены в лабораториях геологического факультета Львовского государственного университета им. И. Франко и в Проблемной лаборатории физико-химических исследований горных пород Киевского государственного университета им. Т. Шевченко. Номерация образцов соответствует номерации каменных изваяний.

² Исследование киммерийских доломитовых карбонатных пород проводилось в связи с изучением Керченского железнорудного бассейна. См. Ю.Ю. Юрк, Е.Ф. Шнюков, Ю.С. Лебедев, О.Н. Криченко, Минералогия железнорудной формации Керченского бассейна, Симферополь 1960. Сравни также: Ю.М. Епатов, Е.Ф. Шнюков, Об условиях образования карбонатных конкреций Керченского бассейна, "Записки Украинского отделения Всесоюзного минералогического общества", вып. 1, К. 1962, с. 75-81.

³ Геологическое строение СССР, т. 3: Магматизм, М. 1968, с. 90-91.

⁴ З.М. Ляшкевич, Метасомат Восточного Приазовья, К. 1971, с. 47.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДСАЧ	Вісті Державного степового заповідника "Чаплі" ім. Х. Раковського (к. Асканія-Нова), Х.- Асканія-Нова.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.
ЗАО	Записки имп. Археологического общества, Санкт-Петербург.
ЗВУАК	Записки Всеукраїнського археологічного комітету, Киев.
ЗООИД	Записки имп. Одесского общества истории и древностей, Одесса.
ЗХУ	Записки имп. Харьковского университета, Харьков.
ИАК	Известия имп. Археологической комиссии, Санкт-Петербург.
ИАО	Известия имп. Археологического общества, Санкт-Петербург.
ИОАОЭ	Известия Общества археологии, истории и этнографии, Казань.
ИОЛЕАЭ	Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Москва.
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии, Симферополь.
КСИИМП	Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Москва.
СА	Советская археология, Москва.
ТОУАК	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, Оренбург.

Тр. ... АС	Труды... археологического съезда.
ЧОИДР	Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, Москва.
К.	Киев.
Л.	Ленинград.
М.	Москва.
О.	Одесса.
Пг.	Петроград.
СПб.	Санкт-Петербург.
Х.	Харьков.
SPb.	Saint-Petersbourg.

BABY KAMIENNE STEPÓW NADCZARNOMORSKICH.

KOLEKCJA Z ASKANII NOWEJ

Streszczenie

Przedmiotem rozważań autorów są rzeźby z kamienia, spotykane na ogromnych przestrzeniach stepowych Azji oraz południowo-wschodniej Europy i stanowiące ważny element zwyczajów pogrzebowych dawnych ludów tureckich. Jakkolwiek rzeźby te, zwane "babami kamiennymi", były znane nie tylko mieszkańcom tych ziem, ale także podróżnikom i uczonym od całych stuleci, to jednak badania nad nimi nie zostały zakończone po dziś dzień, a co więcej: wokół kwestii z nimi związanych nadal się pojawiają nowe hipotezy i teorie. Studia nad tymi mniej lub więcej prymitywnie wykonanymi posągami należą tradycyjnie do zainteresowań uczonych rosyjskich i radzieckich, by wymienić tylko nazwiska takich badaczy, jak G.I. Spaskij, P.A. Uwarow, P.S. Uwarowa, N.I. Wiesielowski, W.W. Bartold, W.A. Gorodcow, L.A. Jewtiuchowa, A.D. Gracz, J.A. Szer, G.A. Fiedorow-Dawydow, S.A. Pletniowa, L.R. Kyzłasow i in. Wymienić tu należy także nazwiska takich archeologów i historyków ukraińskich, jak A.W. Tereszczenko, A.A. Hancuk, W.N. Jastrebow, D.I. Ewarnickij [-Jawornickij], D.I. Bahalej, A.I. Markewicz, A.I. Rużyckij, G.E. Marczenko, L.P. Kryłowa, W.J. Sołowjow. Niemalże jest także udział uczonych polskich w badaniach nad babami kamiennymi. Stanowiły one przedmiot szczególnego zainteresowania ze strony ałtaisty W. Kotwicza, który im poświęcił w 1928 r. kilka wnikliwych i nowatorskich studiów. Spośród polskich archeologów wymienić tu należy W. Demetrykiewicza oraz W. Antoniewiczza, który się interesował specjalnie kamiennymi babami z Nieborowa.

Literatura na temat bab kamiennych jest bardzo bogata, -szczególnie w XIX i XX w., próby zaś rozwiązania poruszanych w niej problemów podzieliły badaczy na dwa obozy. Celem uświadomienia sobie, jak bardzo rozbieżne były, a często i są, poglądy uczonych w podstawowych kwestiach dotyczących bab, można przypomnieć teorie związane z ich pochodzeniem. Otóż przypisywano je ni mniej, ni więcej tylko następującym ludom: niezidentyfikowanym grupom plemiennym z epoki brązu, Scytom, Hunom, Gotom, Węgom, Celtom, Finom, Słowianom, Mongołom, Turkom, a w szczególności Protobułgarom oraz Połowcom-Kumanom. W 1885 r. uczonego węgierskiego G. Vámbéry pierwszy przypisał baby kamienne ludom tureckim i jego teoria obowiązuje w zasadzie i dziś, z tym zastrzeżeniem że - idąc w pewnym stopniu za propozycją N.I. Wiesiełowskiego, potwierdzoną przez L.A. Jewtiuchową, S.A. Pletniową i G.A. Fiodorowa-Dawydowa - przypisuje się baby kamienne Europy pld.-wsch. Połowcom (Kumanom, czyli Kipczakom), natomiast pewien wydzielony typ tych posągów, charakteryzujący się znaczącymi cechami odzieży i broni - Scytom. Autorzy niniejszego studium w obu tych nader istotnych kwestiach przedstawili własny punkt widzenia.

Rozdział I: Kwestie związane z badaniami nad tureckimi posągami kamiennymi

Po określeniu problematyki badawczej we "Wprowadzeniu" (główni badacze, podstawowe teorie, mało uzasadnione próby łączenia bab pochodzenia azjatyckiego z podobnymi posągami występującymi w innych obszarach kulturowych) w kolejności omówiono następujące zagadnienia:

1. "Świadectwo źródła". Omówienie dzieł wschodnich i zachodnich podróżników oraz pisarzy średniowiecznych.
2. Wybrane kwestie dotyczące "Klasyfikacji typologicznej". Zasługi A.S. Uwarowa jako autora pierwszej naukowej klasyfikacji bab, różnorodność kryteriów podziału, jak: płeć lub poza wyobrażanej postaci, sposób jej przedstawienia, technika rzeźbiarska, użycie odzieży i in.
3. "Ilość i zbiory". Zagadnienie ilości istniejących egzemplarzy bab w przeszłości i obecnie (potrzeba uaktualnienia danych przedstawionych przez A.D. Gracza w 1955 roku w odniesieniu do posągów Ałtaju, Mon-

golii, Chakasji, Siedmiorzecza i Kazachstanu; oraz przeanalizowanie danych dotyczących XIX w.; 428 posągów w gubernii jekatierinosławskiej i 649 w pld. Rosji i na Ukrainie, 1133 egzemplarze w pld. Rosji i na Ukrainie w 1908 r.; wreszcie 644 baby oraz informacje o 40 dalszych - według stanu sprzed kilku lat, przedstawionego przez S.A. Pletniową), a także istniejące kolekcje bab w pld. Ukrainie oraz w innych muzeach ZSRR i poza jego granicami.

4. "Znaczenie badań porównawczych. Baby kamienne a kurhany". Omówiono tu przyjmowany przez poprzedników związek pomiędzy babami ustawianymi na kurhanach a samymi kurhanami, które z reguły należą do grup etnicznych uprzednio stepy zamieszkujących, 100 znanych już pochówków przypisywanych Połowcom, a znajdujących się pod kurhanami i nie wyposażonych w baby, zdaje się wyraźnie świadczyć, że te ostatnie nie stanowiły u Połowców pomników nagrobnych.

5. "Wyobrażenia zmarłych czy ich wrogów?". Jeden z najważniejszych a zarazem najbardziej spornych problemów. W związku z tym podano argumenty przemawiające za tezą, że posągi ze stepów pld. Rosji i Ukrainy przedstawiają w przeważającej większości samych zmarłych - wybitnych i bogatych przedstawicieli arystokracji koczowniczej - mężczyzn i ich kobiety-małżonki. Wydają się za tym przemawiać: troska o szczegółowe i realistyczne przedstawienie detali ubioru i innych przedmiotów, które ze swej strony dają się zidentyfikować z przedmiotami wydobytymi z grobów przypisywanych Połowcom, a także wielka liczba wizerunków kobiecych, które jest trudno uznać za wizerunki wrogów. Ponieważ jednak - jak się wydaje - u Turków Orchońskich baby miały z reguły wyobrażać wrogów, logiczne zdaje się przyjęcie tezy, nie wiadomo zresztą czym uwarunkowanej, o ewolucji obyczaju wraz z upływem czasu i przesuwaniem się różnych grup etnicznych tureckich na zachód.

6. "Baby kamienne a bałbały". Problem wiążący się nierozzerwalnie z istnieniem i funkcjami tzw. bałbałów - zwykłych lub tylko lekko obrobionych, a wyjątkowo także oznaczonych krótkimi napisami kamieni i bloków, towarzyszących pomnikom dawnych Turków. Fakt symbolizowania przez bałbały zabitych wrogów, których jakby zaklinano w kamień po to, by służyli zwycięzcom w ich życiu poza grobem, a także cechy wyróżniają-

ce bałbały, i ich podział, nie wywoływały w ciągu minionych stu lat poważniejszych wątpliwości. Tymczasem jednak wyniki badań terenowych, prowadzonych przez L. Jisla w Mongolii przed przeszło dwudziestu laty, a dotyczące m.in. miejsca, w jakim ustawiano baby i bałbały, ukazały pozornie zatarcie różnicy pomiędzy obiema kategoriami posągów.

W związku z tym zwrócono m.in. uwagę na fakt, że o ile w odniesieniu do głównego bałbala przyjmuje się bez wahania twierdzenie, iż ma on służyć zmarłemu w życiu poza grobem, to w odniesieniu do drugiej kategorii bałbałów - zwykłych kamieni - nie wydaje się to równie oczywiste, wnioski zaś z tego wynikające nie były przedmiotem bardziej szczegółowych dociekań. Omówiono tu również kwestię zastanawiającego kontrastu pomiędzy dużą, sięgającą wielu setek, liczbą ustawianych bałbałów a ograniczoną fizyczną zdolnością człowieka do zabijania ludzi w walce wręcz.

7. "Zagadnienie terminologiczne". Przedstawiono próby określenia zakresu znaczeniowego wyrazów 'baba' i 'balbal' (właściwie: 'blbl'), z tym że niektórzy badacze proponują (bez dostatecznego uzasadnienia) użycie pierwszego z tych wyrazów w charakterze terminu nadrzędnego, a także próby etymologizacji obu tych wyrazów (rzekome wspólne pochodzenie wyrazów 'balbal', 'bałwan' i 'baba').

8. "Płeć przedstawianych postaci". Zwrócono tu uwagę, że posągów żeńskich zachowało się ponad 50%, że niektóre postacie wykazują jednocześnie cechy obu płci, zarówno w zakresie pierwszorzędnych, jak i drugorzędnych cech płciowych. Podjęto próbę wyjaśnienia zamierzeń twórców tych przedstawień.

9. "Indywidualizacja, tendencje do portretowania". Przedstawiono tu rozważania, które dzielą radykalnie badaczy na dwa obozy: tych, którzy uważają, że baby kamienne, schematyczne i masowo powielane, są produktami standardowymi i nie mają nic wspólnego z rysami rzeczywistości zmarłych w tej epoce osób, oraz tych, którzy w babach dostrzegają poza typizacją także tendencję do uchwycenia indywidualnych cech przedstawianych osobników. Pod adresem przyszłych badaczy wysunięto tutaj pewne postulaty metodologiczne.

10. "Przedmioty wyobrażone na rzeźbach". Omówienie katalogu deta-

li odzieży (kaftan, spodnie, buty, sprzączki i in.), bogatych nakryć i przybrań głowy (kapelusze, czapki, "rogi" i in.), ozdób (naszyjniki, wisiorki, wstążki, łańcuszki, bransolety i in.), broni (miecze, szable, łuki, noże i in.) oraz innych przedmiotów (kaptorgi, szydła, grzebienie, instrumenty muzyczne i in.) należących do przedstawianych osób.

11. "Naczynie". Baby kamienne trzymają w rękach, zwykle splecionych na brzuchu, naczynie w kształcie kubka lub czary; od bardzo dawna zwracało swą zagadkowością uwagę badaczy. Zdaniem jednych ma ono symbolizować składanie ofiary, zdaniem drugich mieści w sobie jakiś napój nieśmiertelności, a jeszcze inni twierdzą, że zagłębienie lub otwór górny służy do składania ofiar albo że naczynie jest w istocie urną mieszczącą popioły zmarłego, albo że czara w rękach posągu obrazuje istniejący do dziś wśród koczowników azjatyckich zwyczaj przynoszenia w darze napoju, itd. Bardzo przekonująca wydaje się hipoteza L.R. Kyzłasowa, który przypuszcza, że zmarły, wyobrażony z czarą w dłoniach, bierze po prostu udział w uroczystej stypie, wyprawionej po jego zgonie, że osobiście towarzyszy uczującym żałobnikom. Zwrócono tu jednak uwagę na pewną - jak się wydaje - nielogiczność proponowanego rozwiązania, polegającą na tym, że nie tylko biesiadnicy piją za pozagrobową pomyślność zmarłego, ale sam zmarły pije na swą własną cześć, w czym zdaje się kryć jakaś sztuczność lub fałsz. Wymieniono tu także pięć typów naczyń wyróżnionych przez S.A. Pletniową.

12. "Rozmieszczenie bab w stosunku do innych elementów zabytku". Poruszono tu istotne zagadnienie miejsca, jakie baby i bałbały zajmują w zespole zabytkowym. Już dawno zwrócono uwagę, że były one umieszczane za zewnątrz terenu stanowiącego główną część zespołu. Niekiedy jednak umieszczano je także w obrębie działki ziemi otoczonej szeregiem kamieni i tworzącej swego rodzaju ogrodzenie.

13. "Kamienne ogrodzenia" ("ogródki kamienne"). Zdaniem L.J. Jewtiuchowej miały pełnić rolę ołtarzy ofiarnych. Mają one urozmaicone kształty, tworzą bowiem kręgi, prostokąty, dróżki, korytarze itd. (siedem głównych ich typów wyodrębnił J.G. Granð), a zagadkowe pozostają nadal ich funkcje, gdyż nie zawsze łączą się one z grobami, często natomiast występują wspólnie ze słupami kamiennymi. Wysunięto przypuszczenie, że ka-

mienne ogrodzenia pełnią przy pomnikach zwykłych ludzi tę samą funkcję, jaką rów, mur lub basen z wodą pełniły w zespołach pomnikowych wzniesionych ku czci zmarłych wybitnych i bogatych, a mianowicie chronią, głównie przed złymi duchami, miejsce, w którym przebywa jedna z dusz zmarłego. Niewykluczona, a nawet prawdopodobna jest także dalsza funkcja: chronienie żywych przed szkodliwym działaniem zmarłych. W obrębie wspomnianych ogrodzeń odbywały się także uroczystości żałobne ku czci zmarłych: tu składano ofiary i odbywano stypy. Niekiedy zdarzało się, że na wydzielonej w ten sposób działce grzebano także ludzi później zmarłych. Zwyczaj sporządzania kamiennych ogrodzeń zanikał w miarę posuwania się Turków na zachód i już u Połowców był bodaj nieznanym. Interesujące są także związki pomiędzy ogrodzeniami a położonymi w ich sąsiedztwie kurhanami (na Altaju i w Tuwie znaleziono dziesiątki podobnych zespołów). Wymieniono pięć miejsc, w których najprawdopodobniej odbywały się stypy: pierwsza, wyprawiana zaraz po śmierci lub przy okazji wzniesienia pomnika, oraz następne. Jakkolwiek - zdaniem J.-P. Roux - "przodek nigdy nie stawał się bogiem", to jednak wraz z upływem czasu miejsca poświęcone zmarłym, a zwłaszcza skupione obok siebie, zaczynały stopniowo pełnić rolę miejscowych sanktuariów.

14. "Transport". Omówiono tu znany od szeregu lat problem przewożenia bab. Dawniejsi badacze uważali całą tę kwestię za "przedwczesną a nawet wątpliwą" (W. Kotwicz); współczesnym wcale się ona tak nie wydaje i rozpatrują ją jako transport gotowych bloków do pracowni oraz z pracowni do miejsca przeznaczenia. Wyrąbywanie odpowiednich bloków było w przypadku rzemieślników połowieckich znacznym osiągnięciem technicznym (możliwe, że zajmowali się tym także rzemieślnicy obcy, zwłaszcza jeńcy, choć na ten temat brak wiadomości), ale sam transport po stepie przy pomocy zwierząt nie wydaje się szczególnie trudny. Sprawa transportu nabrała ostatnio nowego znaczenia, a to w związku z wcześniejszym domniemaniem, że bałbały można było ofiarowywać zmarłym, a prawdopodobnie także osobom żyjącym, i to nie tylko osobiście, lecz także na odległość (Zagadnienie przewożenia już gotowych bab rozpatrzono także w rozdz. II.)

15. "Cześć oddawana posągom". Zwrócono uwagę na dodatkowe as-

pekty szacunku i adoracji, jakimi otaczano kamienne posągi. Nie wiemy, niestety, jak długotrwałe były to uczucia. Nie wiemy także dokładniej, jakie funkcje pełniły świątynie-mauzolea i kamienne sarkofagi, spotykane w zespołach pomnikowych władców T'u-kfle - zapewne budowano je na siedzibę jednej z dusz zmarłego i duszę tę miały chronić. Prawdopodobnie tę ostatnią funkcję w późniejszych okresach przejęły baby.

16. "Aspekt etniczny". Przedstawiono najważniejsze ogólne zagadnienia związane z pochodzeniem bab kamiennych. Problem ten jest złożony, gdyż w odniesieniu do ludów tureckich (tj. z pominięciem kwestii bab łączonych z epoką brązu oraz ze Scytami lub Sarmatami) przyjmujemy, że w pierwszej fazie wnosili je w Mongolii najdawniejsi Turcy (czyli wspomniani T'u-kfle), w drugiej zaś Kumanie-Połowcy. Brak natomiast konkretnych informacji dotyczących innych grup tureckich żyjących w Azji i w Europie pomiędzy VIII a XIII w. Przeszło stulecie badania nie przyniosły także zadowalającego wyjaśnienia genezy tego obyczaju. A.N. Bernsztam przypuszczał, że centrum pochodzenia bałbałów był obszar należący do dawnych Kirgizów, czyli Kraj Minusiński. L.R. Kyzłasow sądził natomiast, że baby kamienne biorą swój początek w kulturze taksztyjskiej w dolinie chakasko-minusińskiej, a być może także na Altaju. Także więc w tym przypadku Kirgizi jenisejscy mieliby być tym ludem, który nauczył T'u-kfle stawiania owych posągów z kamienia. Z drugiej strony jednak wydaje się, że jeszcze niedostatecznie zbadano możliwości wpływów huńskich, a także w pewnym zakresie i chińskich. Zarazem powstaje pytanie, dla jakiego typu figur kamiennych - bab czy bałbałów - mamy zamiar szukać ewentualnych wzorców. Do rozstrzygnięcia kwestii etnicznej przynależności bab kamiennych zbliżają się przede wszystkim ci badacze, którzy przyjmują, że są one mniej lub więcej realistycznymi przedstawieniami członków plemion, które zamieszkiwały dane terytorium. Na przykład S.W. Kisielow uważał baby kamienne na Altaju za przedstawienia Turków altajskich, S.I. Wajnsztejn widzi w babach kamiennych Tuwy dawnych mieszkańców tego obszaru, a S.A. Pletniowa wraz z innymi badaczami uważa baby kamienne zwane "połowieckimi" za portretowe przedstawienie Połowców i Połowczanek. Natomiast badacze, którzy w babach środkowoazjatyckich i południowsyberyjskich doszukują

się wizerunków wrogów Turków, a tylko wyjątkowo samych Turków (M.E. Masson, L. Jisl), stają przed jeszcze większymi trudnościami i faktycznie oddalają od siebie możliwość etnicznej identyfikacji. G.A. Fiodorow-Dawydow jest zdania, że pewne typy bab kamiennych, wcześniej wznoszone w Siedmiorzeczcu, przejęli przede wszystkim Kimacy, będący wschodnim ugrupowaniem Kipczaków, i oni to przyczynili się do rozpowszechnienia tych rzeźb w X-XI w. w Kazachstanie oraz dalej w stepach kipczackich. Zwyczaj wznoszenia bab kamiennych praktykowany był na Altaju w ciągu ok. 400 lat, w Azji Środkowej zaś był zapewne znany jeszcze w XII w. Twarze bab kamiennych nie zawsze nosiły rysy mongoloidalne, niekiedy natomiast wyraźnie europeoidalne, co się słusznie odczytuje jako ślady kontaktów z sąsiadami, przede wszystkim z Rusinami. Poruszono tu również kwestię reform, jakie do zwyczaju stawiania bab wnieśli przypuszczalnie Torcy (figury mniejsze, wykonane z drewna i umieszczone w grobie), oraz prawdopodobieństwa wznoszenia bab także przez Pieczyngów i Bułgarów naddunajskich. Wspomniano ponadto o wpływach islamu, zwalczającego - z poważnymi trudnościami i nie zawsze skutecznie - zwyczaj wznoszenia bab przez Turków-neofitów. Obecny stan badań nie pozwala na udzielenie odpowiedzi na frapujące pytanie, czy i które jeszcze inne ludy tureckie (na przykład wymienione w napisach orchońskich) praktykowały zwyczaj stawiania bab. Przypuszczenie takie wydaje się jednakże bardzo uzasadnione.

Rozdział II. Atrybucja etyczna bab kamiennych północnych ziem nadczarnomorskich

W celu oświetlenia kwestii, wśród których tureckich ludów koczowniczych należy szukać twórców wielotysięcznej rzeszy monumentalnych posągów, omówiono następujące problemy.

1. "Los bab kamiennych w XIV-XX w." Nakreślono tu żałosne dzieje niszczenia bab na stepie oraz przyległych połaciach lasostepu. Najdawniejsze ślady niszczenia bab pochodzą jeszcze z czasów Złotej Ordy. Oczywiście już wówczas posągi traciły swą aureolę świętości. Późniejsze niszczenie posągów, szczególnie intensywne w okresie od XVIII do początku XX w., trzeba rozpatrywać przede wszystkim jako rezultat

zdobywania stepów na ludności koczowniczej. Baby, przeważnie ustawione na wierzchołkach starożytnych mogił, często nie należących do koczowników, niszczone, spożytkowując kamień na potrzeby nowo zakładanych gospodarstw napływającej ludności ukraińskiej i rosyjskiej. Niszczono je również przy rozkopywaniu kurhanów, przy warzeniu saletry, przy poszukiwaniu skarbów, niszczone z inspiracji wrogich przeżytkom pogaństwa władz cerkiewnych, a także po prostu w wyniku prymitywnego pędu do niszczenia. Te najważniejsze okoliczności niszczenia bab przejawiały się najjaskrawiej w okresie przesuwania się ludności osadniczej na południe, przy zaorywaniu ugorów stepowych i opuszczaniu pastwisk przez ludność koczowniczą, najprawdopodobniej fetyszyzującą posągi. Przy końcu XVIII i na początku XIX w. pojawiły się nowe przyczyny niszczenia bab: przewożenie posągów do siedzib magnatów i dziedziców, a później (po przemianach tej romantycznej mody) masowe użycie bab w charakterze kamieni milowych na traktach pocztowych. Systematyczne niszczenie bab zostało zaświadczone zarówno przez ówczesne czynniki oficjalne, jak i przez badaczy i podróżników XIX-wiecznych (D. Schlatter, P.N. Fus, W.W. Passek, A.I. Piskariow, A. Petzold, A. Podbereski, D.I. Jawornickij i in.). W 1915 r. wybitny archeolog rosyjski N.I. Wiesielowski pisał, że "po przyłączeniu do cesarstwa rosyjskiego baby kamienne zaczęły szybko znikać z mogił... Pobłażliwość władz miejscowych w stosunku do rozgrabiania bab kamiennych przyniosła archeologii rosyjskiej wielką i niepowetowaną szkodę". Nieudolność administracji carskiej również stawała się często przyczyną niszczenia posągów, trzebionych przez samych urzędników, pragnących w ten sposób uniknąć kłopotów związanych z ochroną tych zabytków na swoim terenie. Baby niszczone także podczas ostatnich wojen, a dopiero w latach najnowszych doczekały się one opieki. Dokładne przebadanie mechanizmów, które doprowadziły do masowej zagłady posągów, daje podstawę do następujących wniosków: a) liczba bab w przeszłości, w końcowym okresie ich wznoszenia na stepach i lasostepie Europy wschodniej, była w rzeczywistości więcej niż dziesięciokrotnie większa od liczby podawanej w literaturze i innych źródłach; b) nie można uważać braku bab w pewnych rejonach, zaświadczonego w ciągu ostatnich stu lat, za przeko-

nujące świadectwo braku tychże bab w odległej przeszłości. Innymi słowy: zasięg rozpowszechnienia bab kamiennych został w kardynalny sposób zmieniony w wyniku znacznego ich wyniszczenia przez człowieka w ciągu szeregu stuleci; c) opisywane w literaturze naukowej miejsca znacznej koncentracji interesujących nas posągów dają prawdopodobnie zupełnie fałszywy obraz ogólny, intensywność nasycenia pewnych rejonów posągami była bowiem bezpośrednio zależna od stopnia zagospodarowania ziemi przez człowieka, czyli że istnienie skupisk bab zostało w przekazach pisemnych utrwalone w odniesieniu przede wszystkim do tych miejscowości, w których zaorywanie stepu zaczęło się stosunkowo późno.

2. "Liczba bab kamiennych". Przeanalizowano wyniki dotychczasowych obliczeń, a także zestawiono rozrzucone po literaturze przedmiotu luźne spostrzeżenia i wnioski różnych badaczy dotyczące liczby zniszczonych oraz zachowanych bab. W wyniku pierwszego spisu bab w 1844 r. zarejestrowano na obszarze państwa rosyjskiego 645 zachowanych posągów (A.I. Piskariow) - najwięcej na południu Ukrainy i Rosji. Podczas drugiego spisu, w latach 1903-1905, zebrano informacje o 1133 posągach (P.S. Uwarowa). W 1952 r. zebrano informacje o 1092 babach (zachowanych lub znanych z literatury) w europejskiej części ZSRR (L.P. Zia-blina), w 1974 roku - ok. 1300 babach na tymże terenie, z których zachowało się jedynie 684 (S.A. Pletniowa). Autor (J.R. Daszkiewicz) proponuje powiększenie tej liczby do ok. 1650 bab w europejskiej części ZSRR, z czego dochowało się do naszych czasów nie więcej niż 730.

Porównanie ogólnych danych cyfrowych uzyskanych w latach 1903-1905 z wiadomościami dotyczącymi mniejszych rejonów dowodzi, że liczby ogólne były w pewnym stopniu obniżone. Na podstawie analizy danych liczbowych i opisowych, podanych przez wielu autorów (P.N. Fus, J. Jerney, A.W. Tereszczenko, M. Much, A.L. Kryłow, G.S. Czirikow, I.S. Lewakowski, D.I. Jawornickij, N.I. Wiesielowski i in.), J.R. Daszkiewicz dochodzi do wniosku, że na terytorium przyłączonym do Rosji znajdowało się, poczynając od lat osiemdziesiątych XVII w. do lat dziewięćdziesiątych XVIII w., ok. 30 tysięcy bab. Na obszarze stepu oraz lasostepu przed dziewiątym dziesiątkiem lat XVII w., będącym wówczas w granicach Polski i Rosji, znajdowało się ok. 10 tysięcy bab.

Ogromna większość tych bab (proponowana liczba ok. 40 tysięcy dla połowy XIV w.) została zniszczona w rezultacie późniejszej działalności człowieka. Liczby 40 tysięcy nie można oczywiście uważać za arytmetycznie dokładną - jest ona jedynie hipotezą roboczą skonstruowaną celem ustalenia prawdziwych, choć przybliżonych proporcji pomiędzy liczbą posągów zniszczonych a zachowanych.

Z punktu widzenia metodyki naukowej za zupełnie chybione trzeba uznać rzutowanie niewielkich liczb posągów zachowanych, a także zarejestrowanych w literaturze, ale nie zachowanych (ok. 1650 egzemplarzy), na czasy, kiedy już zaniechano stawiania bab (połowa XIV w.), a tym bardziej na okres panowania w stepach Połowców, z którymi w najnowszej literaturze wiąże się wyłącznie zwyczaj wznoszenia tych posągów.

3. "Zasięg rozpowszechnienia bab w Europie Wschodniej". Przedstawiono nową próbę wyznaczenia ogromnego terytorium, na którym w ubiegłych stuleciach występowały baby kamienne. Oznaczenie zasięgu rozpowszechnienia bab natrafia na szereg trudności związanych z: a) masowym wyniszczeniem bab, b) ich przewożeniem na bliższe lub dalsze odległości, c) sporną interpretacją danych literatury lub historycznych źródeł z tych czasów, kiedy to nie zwracano uwagi na różnice zachodzące pomiędzy różnymi typami posągów. Materiał lingwistyczny okazuje się również mało pomocny, ponieważ zasięg użycia specyficznego terminu ukraińskiego 'mamaj' (= turecki posąg kamienny) nie został dotychczas sprecyzowany.

W rezultacie mody, a później i kolekcjonerstwa, niektóre baby przewieziono daleko od miejsc ich rzeczywistego występowania - do Polski, na Litwę, do Gruzji, Niemiec, a nawet Kanady. Niemniej jednak sprawa przewozu bab nie powinna podlegać swoistej demonizacji, przy której wszystkie baby nie mieszczące się w ramach pewnej koncepcji przestrzennej klasyfikuje się jako importy. W czasach najnowszych zapomniano o opinii jednego z pierwszych badaczy bab, ukraińskiego archeologa A.W. Tereszczenkii (połowa XIX w.), który na podstawie autopsji pisał, że "południowe krańce Rosji, stepy naddnieprzańskie, Ukraina małorosyjska (gubernia połtawska, czernihowska, charkowska, kijowska oraz część wołyńskiej), były usiane babami kamiennymi, stojącymi na mogiłach, przy drogach i na polach". Właściwie dopiero N.I. Wiesielowski na początku

XX w. spróbował wyodrębnić baby tureckie spośród bab innego pochodzenia, jednak i on nie nakreślił zasięgu występowania tych pierwszych.

Znane są XIX-wieczne koncepcje ograniczające rozpowszechnienie bab do pewnych zacieśnionych terytoriów - do Ukrainy lewobrzeżnej Dniepru, do ziem zajmowanych w odległych czasach przez koczujących Węgrów. W czasach ostatnich dokonano sztucznego zwężenia zasięgu występowania bab, a mianowicie w celu podbudowania koncepcji stawiającej znak równości pomiędzy zasięgiem rozpowszechnienia bab tureckich w Europie Wschodniej a terenami zajętych przez koczujących Połowców (L.P. Ziablin, G.A. Fiodorow-Dawydow, S.A. Pletniowa). Wszystkie baby znajdujące się na terytorium Deszt-i Kipczak zostały - bez dostatecznej argumentacji - uznane za połowieckie, natomiast znajdujące się obecnie lub dawniej poza zasięgiem wspomnianego terytorium ogłoszono - również bez dostatecznej argumentacji - za importy z terenów uprzednio zajmowanych przez Połowców. Na posągi kamienne szczęśliwym trafem zachowane w poszczególnych egzemplarzach poza granicami Deszt-i Kipczak nie zwracano uwagi, bezpodstawnie stosując także metodykę opracowania archeologicznych mikroobektów do archeologicznych makroobektów, do których należą rzeźby omawianego typu.

Autor (J.R. Daszkiewicz) zrewidował panującą koncepcję, sięgając do szeregu źródeł pomijanych przez nowszych badaczy. Nakreślony zasięg obejmuje trzy typy posągów, ogólnie uznawanych za tureckie: 1) bryłowate posągi z wyrzeźbioną jedynie głową, 2) posągi z wyrzeźbioną głową i zaznaczonymi rękami, bez naczynia, 3) "klasyczne" posągi, trzymające naczynia przed pępkiem.

Na tej podstawie J.R. Daszkiewicz ustalił granice zasięgów:

a) Granica południowo-zachodnia: region południowo-przyduńajski. Najdalej na południe wysunięte znalezisko bab znajduje się w Bułgarii, 80 km na południe od Dunaju (Złotna Niwa). W połowie ubiegłego stulecia Dunaj uważano za granicę rozpowszechnienia bab,

— granica południowo-zachodnia: międzyrzecze Dniestr-Dniepr. Niektóre części tego regionu należały do bardzo gęsto nasyconych posągami (były powiaty aleksandrowski, elizawetgradzki), szereg bab znajdował się na prawym brzegu Bohu (południowego Bugu), jeden posąg znaleziono również w Besarabii;

b) Granica zachodnia: Podole. Oznaczenia granicy komplikuje się wskutek występowania bab różnych typów (nie tylko tureckich), niedostatecznie wyróżnianych w dawniejszej literaturze przedmiotu. Niemniej jednak istnieją dosyć przekonujące podstawy, aby za baby tureckie uważać egzemplarze znajdujące się dawniej lub zachowane dotychczas w Mierzwinie (Merwynie) w byłym powiecie kajsyńskim, Tulczynie, Iwankowcach w rejonie nowouszyckim oraz Pankowcach w obwodzie lwowskim. Relikty bab w tych z dawna zasiedlonych rejonach stepu i lasostepu zdawały się zachować tylko w ziemi lub dzięki traktowaniu ich jako fetysze przez miejscową ludność wiejską,

— granica zachodnia: środkowe prawobrzeże Dniepru. Dość szczegółowe wiadomości dotyczą reliktowo występujących bab w Subotowie w byłym powiecie czehryńskim, w samym Czehrynie oraz w Kuryłowie w byłym powiecie kaniowskim, tj. w basenach rzek Rosi i Taśminu, uznanych przez niektórych badaczy (S.A. Pletniowa) za tereny wolne od bab, zasiedlone niegdyś przez Czarnych Kłobuków. Na razie nie można przekonująco zweryfikować wiadomości na temat bab na północ od Kijowa oraz na Wołyniu (oczywiście wschodnim),

— granica zachodnia: środkowe lewobrzeże Dniepru. B. Gubernia połtawska, charkowska, część kurskiej, a także czernihowska znajdowały się w zasięgu dość intensywnego rozpowszechnienia bab. Granica północna przebiegała przez b. powiaty łebedyński, achtyrski, bohuchowski, chotmyżski. Wysunięte najdalej na północ były baby koło Biełgorodu;

c) Granica północno-zachodnia: okolice Moskwy. Dane literatury świadczą o istnieniu swego rodzaju "wyspy" (odległej o 450-500 km od rejonu środkowego lewobrzeża Dniepru i tyleż samo od rejonu Powołża), na której baby występowały. Ta "wyspa" obejmowała okolice Riazania, Oriechowa oraz Moskwy (Kuncewo);

d) Granica północno-wschodnia: Powołże. Dość znaczna liczba bab znajdowała się na prawym brzegu Wołgi. Najbardziej na północ wysunięte znaleziska odnotowano w b. powiatach sierdobskim oraz chwałyńskim. Liczba bab zwiększała się w kierunku południowym - do okolic Kamyszyna. Na lewym brzegu Wołgi granica, biegnąc wzdłuż Kamy, obejmowała

terytorium o wiele bardziej wysunięte na północ (na ok. 300 km w porównaniu z prawym brzegiem). Wiele bab znajdowało się w dorzeczu Samary i na południe od niego;

e) Granica południowa: Kaukaz Północny oraz Krym. Obydwa te rejony wchodzi bez dyskusji do strefy intensywnego rozpowszechnienia bab starotureckich. Określenie granic bardziej szczegółowych na Kaukazie północnym natrafia trudności w związku z występowaniem tam posągów różnych typów, których cechy nie zostały dotychczas w literaturze dostatecznie określone.

Obszar zajęty przez rzeźby antropomorficzne typu tureckiego obejmował więc we Wschodniej Europie terytorium przypominające nieregularny czworokąt o rozmiarach ok. 750 km (rejon naddunajski - Podole) × 1500 km (rejon nadkamski - Kaukaz Północny) × 1200 km (Kaukaz Północny - rejon naddunajski) z odgałęzieniem w kierunku Podola Zachodniego, i z "wyspą" pod Moskwą. Jest to terytorium równające się blisko 1/5 części Europy Wschodniej. Dla porównania można przypomnieć rozmiary Stepu połowieckiego, liczącego około 750 km z zachodu na wschód i 500 km z północy na południe (S.A. Pletniowa). Nakreślony przez autora (J.R. Daszkiewicza) zasięg rozprzestrzenienia antropomorficznej rzeźby tureckiej odzwierciedla jedynie w przybliżeniu stan z połowy XIV w., kiedy to obszar tego zasięgu mógł być w istocie większy, a niewątpliwie był o wiele bardziej nasycony posągami w porównaniu ze stanem w XVIII-XIX w. Wyznaczony zasięg w żadnym razie nie odpowiada granicom obszaru zajmowanego przez jakiś jeden turecki lud koczowniczy, innymi słowy odpada możliwość monoetnicznej atrybucji posągów. Turecka rzeźba antropomorficzna, rozprzestrzeniona na ogromnych połaciach Europy Wschodniej, występuje jako dziedzictwo kulturalne wielu ludów.

4. "Typologia, chronologia i etnos". Turecka rzeźba w północnych rejonach przyczarnomorskich jest ostatnim ogniwem wielowiekowej ewolucji, w której miejscowa tradycja obróbki kamienia splotła się z potrzebami różnych etnicznie kultur, przesuwających się przez obszary Ukrainy ze wschodu na zachód.

Autor proponuje następującą klasyfikację rzeźb antropomorficznych na tym terytorium:

I. Eneolityczne stele antropomorficzne różnych typów - od migdałopodobnych ze słabym zarysem postaci ludzkiej do płaskorzeźby antropomorficznej, wzbogaconej ornamentyką i symboliką - datowane na tysiąclecie III - początek II tysiąclecia p.n.e. Jest możliwe, że twórcy rzeźb tureckich spożytkowali niektóre elementy kompozycyjne pochodzące z odległych czasów;

II. Tzw. posągi "scytyjskie" - również różnych typów, najczęściej przedstawiające osobników bez bród, ale z wąsami, z rogiem w prawej ręce, kołczanem przy lewym boku, z lewą ręką na prostym kindźale. Przypisuje się je Scytom, Trako-Scytom, Geto-Scytom, podbitej przez Scytów ludności nieirańskiego pochodzenia. Podobnie niezdecydowaną atrybucja wydaje się bardzo niepewna również dlatego, że zbudowano ją na kruchych podstawach (Scytowie w przekazach ikonograficznych to zwykle zarośnięci brodacze; róg i kindżał są znane również z rzeźb o wiele późniejszych, szczególnie w rejonie północnokaukaskim itp.). Przypisywanie ich Scytom jest bardzo wątpliwe również w związku z niezwykle prymitywnym wykonaniem rzeźb, co się wydaje nie do pomyślenia u wielbicieli sztuki greckiej i przypuszczalnych twórców wysoce artystycznego stylu zwierzęcego. Niektóre elementy rzeźb świadczą o powiązaniach z posągami tureckimi z jednej strony, słowiańsko-bałtyjskimi zaś z drugiej;

III. Antyczne posągi greckich, hellenistycznych oraz rzymskich kolonii Północnego Nadczarnomorza VII w. p.n.e. - IV w. n.e., zupełnie odizolowane od rzeźby stepowej;

IV. Słowiańskie (słowiańsko-bałtyjskie?) posągi - słupopodobne, z jedną lub wieloma twarzami, a także figuralne rzeźby z rogiem lub czaszą. Niektóre elementy są tu genetycznie bliskie tzw. rzeźbom "scytyjskim";

V. Kaukaskie posągi - stanowiące pojęcie raczej terytorialne, obejmujące typologicznie niedostatecznie określoną rzeźbę antropomorficzną Kaukazu północnego, po wyłączeniu z niej posągów "scytyjskich", antycznych oraz tureckich;

VI. Posągi tureckie - obejmujące figuralną rzeźbę trzech wyszczególnionych wyżej typów. Bardzo szczegółowe opracowanie ich cech typologicznych, uwzględniające różnorakie punkty widzenia badaczy, mija się

z celem i jest słabo podbudowane metodologicznie, nie dostrzega bowiem w babach kamiennych wytwórów sztuki, ale wytwory w rodzaju fibul czy rękojeści akinaków. Budowanie chronologii porównawczej nie jest przekonywające, ponieważ prymitywizm wykonania mógł charakteryzować zarówno początkowy, jak i końcowy okres wytwarzania bab. Rekonstrukcja drzewa genealogicznego bab na podstawie cech zewnętrznych jest trudna również dlatego, że przy kolekcjonowaniu bab wybierano zazwyczaj egzemplarze "najładniejsze" z punktu widzenia europejskiej estetyki XIX-XX w.

Zagadnienie atrybucji etnicznej bab europejskich jest ważnym problemem badawczym, od którego rozwiązania zależy pomnożenie spuścizny materialnej i kulturalno-obyczajowej poszczególnych ludów, a także spożytkowanie samych rzeźb jako ważnego źródła etnograficznego.

W ostatnich dziesięcioleciach usilnie się propaguje pogląd, że baby kamienne stanowiły spuściznę wyłącznie jednego ludu tureckiego - Połowców (L.P. Ziablin, G.A. Fiedorow-Dawydow, S.A. Pletniowa; zwolennicy tego poglądu powołują się niekiedy na N.I. Wiesielowskiego, chociaż ten nigdy podobnego twierdzenia nie wysunął). Ostateczne rozstrzygnięcie tej kwestii zależy od uwzględnienia szeregu momentów: 1) świadectw źródeł pisanych, 2) zasięgu rozpowszechnienia posągów, 3) powiązania posągów z inwentarzem pochówków, 4) porównawczych danych etnografii, 5) czynnika demograficznego.

Najdawniejsze przekazy źródeł pisanych (Nizami, Rubruk) istotnie mówią o ustawianiu bab przez Połowców, ale nie twierdzą, że wyłącznie Połowcy je ustawiali. Milczenie w tym względzie źródeł, które się odnoszą także do innych ludów stepowych, nie może być uważane jako dowód niestawiania bab przez inne ludy tureckie.

Zasięg rozprzestrzenienia posągów jest o wiele większy od rozmiarów Stepu Połowieckiego, obejmuje bowiem terytoria zajmowane w różnych czasach przez Protobułgarów, Pieczyngów, Połowców, wczesnych Mongoł-Tatarów. Zupełnie mylące jest uważanie bab występujących na terytorium dawnego Deszt-i Kipczak za wyłącznie połowieckie, podobnie jak ograniczanie terytorium Deszt-i Kipczak do obszarów, na których występuje większość posągów.

Identyczność inwentarza pochówków koczowników z inwentarzem rzeźbionym na większości bab nie ulega wątpliwości, jednakże z całym naciskiem należy podkreślić brak obiektywnych kryteriów mogących służyć do etnicznej i chronologicznej identyfikacji inwentarza pochówków różnych koczowników (Pieczyngów, Torków, Połowców, wczesnych Mongoł-Tatarów i in.). Niedopuszczalne jest zatem ogłaszanie za inwentarz połowiecki przedmiotów znalezionych w pochówkach tylko dlatego, że są one identyczne z wyrzeźbionymi na posągach.

Dane etnografii historycznej, zarówno wcześniejszej, jak i odzwierciedlającej stosunki XIX-wieczne, świadczą zdecydowanie przeciwko monoetnicznej (połowieckiej) atrybucji bab. Zupełnie niezrozumiałe wydaje się przypuszczenie, że spośród licznych ludów tureckich przesuwających się z Azji do Europy jedyni tylko Połowcy zachowali zwyczaj stawiania bab ku czci swoich bohaterów. Jeszcze w połowie XIX w. na terytorium północnej Mongolii baby kamienne stawiały zarówno niektóre ludy tureckie (Urianchajcy), jak i mongolskie (Torguci) - jedni i drudzy będący budystami. Stawianie bab kamiennych nie było monopolem wyłącznie samych Turków, a tym mniej samych Połowców.

Również dane etnograficzne świadczą o polietniczności. Wydaje się nieprawdopodobne, by w przeciągu mniej więcej dwóch stuleci Połowcy wyłoniли spośród siebie ok. 40 000 wybitnych ludzi, którym wzniesiono posągi. Bardziej prawdopodobne wydaje się przypuszczenie, że tak wielką liczbę bab ustawiono w ciągu przynajmniej 6-7 stuleci.

Tak więc za polietniczną atrybucją przemawiają liczne argumenty. Z podobnym twierdzeniem (choć bez rozwiniętej argumentacji) występowała już dawniej D.I. Iłowajskij, N.I. Wiesielowski, W.W. Bartold. Za końcową cezurę ustawiania posągów przyjmuje się okres ostatecznego zwycięstwa islamu w stepach. Mało prawdopodobna wydaje się hipoteza, że w tym przejściowym okresie wnoszono baby "kombinekowane", w których nie odtwarzano twarzy zmarłego.

Jedyna możliwa przy dzisiejszym stanie badań konkluzja sprowadza się do tego, że baby typu tureckiego były ustawiane w Europie Wschodniej ku czci wybitnych przedstawicieli społeczności koczowniczych przez Protobułgarów, Pieczyngów, Torków, Połowców, wczesnych Mongoł-Ta-

tarów, a prawdopodobnie także przez inne ludy w okresie od VI do XV w. Wschodnioeuropejskie baby powstały w wyniku przeniesienia obyczajów centralnoazjatyckich, zmodyfikowanych na czarnomorskim wybrzeżu, gdzie nastąpiła ich konfrontacja z bardzo dawnymi tradycjami antropomorficznej rzeźby i rzeźbiarskiej obróbki kamienia.

5. "Problematyka dalszych badań". Konkluzji powyżej dokonanej nie należy w żadnym wypadku uważać za zakończenie prac badawczych. Zdając sobie sprawę, że w kamieniu posągów brak jakichkolwiek wskazówek datujących, można dalsze badania zmierzające do sprecyzowania chronologii i ustalenia wyróżników etnicznych bab wyobrazić sobie w sposób następujący:

1) przebadanie źródeł pisanych VI-XIV w. celem wydobycia wiadomości dotyczących kultury materialnej poszczególnych ludów tureckich (odzieży, broni, ozdób, fryzury itd.) i porównanie uzyskanych danych z przedmiotami wyrzeźbionymi na posągach;

2) kierowane przeświadczeniem, że baby kamienne są świadectwem oficjalno-rytualnej sztuki wyrażanej środkami realizmu etnograficznego połączonego z dążnością do idealizacji (monumentalizm), przeprowadzenie badań nad rzeźbionymi przedmiotami pod kątem wyodrębnienia jednolitych grup, odzwierciedlających w miarę możliwości istniejące w przeszłości podziały klanowo-rodowe;

3) poszukiwanie cech ewolucji tureckiej rzeźby monumentalnej, a w szczególności zawartych w niej idei estetyczno-artystycznych oraz ocena przydatności tych danych dla chronologii względnej oraz bezwzględnej posągów;

4) rozszerzenie badań nad kulturą materialną koczowników, by uzyskać odpowiedź na temat możliwości skonstruowania modelu monoetnicznych pochówków z monoetnicznym inwentarzem dla poszczególnych ludów tureckich. Późniejsze poszukiwanie analogii z inwentarzem rzeźbionym;

5) spożytkowanie ogromnej nie opublikowanej rękopiśmiennej, ikonograficznej (łącznie z fotograficzną) i kartograficznej spuścizny wielu badaczy XIX-XX w., wśród której zachowały się informacje o przeważnie już zniszczonych egzemplarzach bab kamiennych;

6) wydawanie naukowych albumów zachowanych posągów, oparte na

przeświadczeniu, że każda baba kamienna stanowi drogocenny zabytek dawnej sztuki i dawnej kultury;

7) stosowanie nowoczesnych metod badań petroarcheologicznych, przy których pomocy będzie zapewne można uzyskać dane o rozmieszczeniu dawnych kamieniołomów oraz wydzielić grupy posągów wyprodukowanych w określonym rejonie przez daną "szkołę", pracownię czy warsztat.

Rozdział III: Baby kamienne Askanii Nowej

Omówiono tu realizację dwóch ostatnich (6 i 7) z rozdz. II postulatów badawczych w oparciu o próbny, ograniczony do 17 egzemplarzy materiał badawczy.

1. "Askania Nowa i jej zbiór archeologiczny". Nakreślono dzieje kolekcji archeologicznych zlokalizowanych w parku narodowym na południu Ukrainy (obwód chersoński), cieszących się wielkim rozgłosem. Pierwsze wiadomości o babach kamiennych w okolicy Askanii Nowej pochodzą z czwartego dziesiątka lat XIX w., początki zaś kolekcji bab sięgają ósmego dziesiątka lat tegoż wieku. Przy końcu XIX w. i na początku XX w. baby, podobnie jak inne obiekty archeologiczne pochodzące ze stepów, gromadzono w muzeum, założonym przez światowej sławy zoologa-aklimatyzatora, właściciela Askanii Nowej i okolicznych włości F. von Falz-Feina. Przed wojną domową na Ukrainie w Askanii Nowej oraz na pobliskich terenach znajdowało się około 24 posągów. Szereg bab przywieziono do Askanii Nowej przy końcu trzeciego i na początku czwartego dziesiątka lat XX w. Wojna domowa, II wojna światowa oraz długotrwały brak należytej ochrony przyniosły zniszczenie licznych posągów, a także całej z nimi związanej dokumentacji.

2. "Opis bab kamiennych". Po 1960 r. S.A. Pletniowa opisała część kolekcji (10 bab); 7 bab, dotychczas nie opisanych, publikujemy po raz pierwszy. Zweryfikowano także opis wspomnianych 10 bab. Ponadto dołączono dokumentację fotograficzną wszystkich 17 bab. Opisu bab dokonano zgodnie ze zmodyfikowaną instrukcją A. Fedorowskiego, przy czym skorzystano także z doświadczeń S.A. Pletniowej i Ł.P. Kryłowej.

3. "Badania petroarcheologiczne". Po raz pierwszy przy badaniu bab zastosowano również tę metodę. Przez długie lata dyskutowano, czy baby

przywożono z daleka, czy też wytwarzano je w kamieniołomach położonych w miejscach najbliższych ustawieniu posągów. Badacze reprezentujący drugi punkt widzenia zgromadzili więcej przekonywających argumentów. Nieraz próbowano także określać miejsca, w których się miały znajdować dawne kamieniołomy (koło Czerkaska, Bachmutu, Pietrowska, Słobody Sieriebrjanskij itd.). Zauważno również, że baby wykonane z twardszego materiału sprawiają wrażenie roboty grubej i bardzo prymitywnej.

Aneks

J.P. Rybaczok i A.W. Filippowa-Putij: "Wyniki petrograficznego badania bab kamiennych Askanii Nowej"

Przeprowadzono następujące badania materiału, z którego 17 bab zostało wykonanych: 1) badania przezroczystych szlifów, 2) wyznaczenie ogólnej zawartości węglanów (karbonatu), 3) różnicowa (dyferencjalna) analiza termiczna, 4) analiza rentgenometryczna, 5) analiza widmowa. 14 bab wykonano z węglanowej skały pochodzenia osadowego (różne odmiany margli, wapniak oraz glina), 3 baby ze skały krystalicznej (granity oraz lateryt). Granity pochodzą prawdopodobnie z Tokowskich kamieniołomów koło Nikopola i z masywu Kamiennej Mogiły (w Przyazowiu), lateryt natomiast może pochodzić ze wschodniego Przyazowia (strefa manguska).

«STONE BABAS» OF THE BLACK SEA STEPPES COLLECTION FROM ASKANIA NOVA

Summary

The authors discuss in this book many complicated and unsolved problems concerning the «stone babas», anthropomorphic stone sculptures of both sexes, spread all over the steppes of Asia and South-Eastern Europe and being an important element of the funeral customs of Turkic and other peoples.

The book consists of three chapters. Chapter I includes 16 paragraphs and presents "Problems of the research work on the Turkic stone sculp-

tures"; Chapter II comprises 5 paragraphs and discusses "Ethnic affiliations of the «stone babas»"; in Chapter III, entitled "«Stone babas» at Askania Nova", a complete edition of 17 stone babas preserved in a celebrated sanctuary of Askania Nova, South Ukraine, can be found. In the Appendix results of petrographic analyses have been given.

УКАЗАТЕЛЬ

INDEKS^x

1

ИМЕНА АВТОРОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ

NAZWISKA AUTORÓW I POSTACI HISTORYCZNYCH

- Алабин П.В. 118, 121, 131
 Александр I 69
 Александреску А.Д. (Aleksandrescu A.D.) 133
 Альбаум Л.И. 28, 44, 57, 61
 Альберт Г. 139
 Антонец В. (Antoniewicz W.) 9, 16, 47, 51, 53, 62, 179
 Антонович В.Б. 52, 129
 Апанович О. 123, 125
 Арсеньева Т.М. 132
 Артамонов М.И. 132
 Ахмед ибн-Фадлан 19, 61
 Ашурбейли С.Б. (Aszurbejli S.B.) 134
 Бабич А.Д. 165
 Багалеи Д.И. 9, 51, 76, 92, 118, 121, 124-126, 130, 179
 Барбаро И. (Barbaro I.) 112, 113, 136
 Бартольд В.В. 9, 20, 49, 61, 110, 111, 136, 179, 195
 Берг Г.Г., генерал 67
 Берке, хан 112, 113
 Бернштам А.Н. 30, 31, 43, 54, 57, 61, 62
 Бертельс Е.Э. 52
 Берчу Д. 133
 Бильге-каган 22, 36
 Бобринский А.А. 141
 Борзаковский А. см. Борзаковский О.
 Борзаковский О. (также: Борзаковский А.) 142, 161, 166, 168
 Боровой С.Я. 119

- Брайчевский М.Ю. 129, 134
 Бранденбург Н.Е. 72, 120, 123, 167
 Брауман 139
 Бремнер Р. (Bremner R.) 71, 122
 Вамбери Г. (Vámbéry G.) 10, 180
 Ваидов Р.М. 135
 Вайнштейн С.И. 44, 185
 Варнеке Б. 132
 Веселовский Н.И. 9, 10, 49, 72, 77, 83, 97, 105-107, 111, 120-125, 127, 135, 136, 141, 163, 169, 179, 180, 187, 188, 194, 195
 Винокур I.C. 129, 134
 Водарский Я.Е. 119
 Волкова О.В. 51
 Гак, помещик 81
 Гакстгаузен А., фон (Haxthausen A., Freiherr von) 119, 122, 162, 169
 Галатовский И. 118
 Гандвих, полковник 67, 87
 Ганджеви см. Низами Ганджеви
 Гарденин 137
 Гартманн А. (Hartmann A.) 82, 127
 Гатцук А.А. (Hatsuk A.A.) 9, 51, 94, 130, 179
 Геюшев Р.Б. 134, 135
 Гизель И. (Gizel I.) 65, 118
 Гильденштедт И.-А. (Güldenstädt J.A.) 13, 64, 67, 87, 118, 120, 128
 Гизиэль I. см. Гизель И.
 Грлдин Г. 123, 125
 Городцов В.А. (Gorodcow W.A.) 9, 18, 49, 60, 64, 65, 118, 121, 122, 163, 169, 179
 Горелик М.В. 132
 Гошкевич В.И. 118
 Грабовский М. (также: Grabowski M.) 66, 90, 119, 128, 129
 Гранэ Й.Г. (Granß J.G.) 33, 56, 58, 183
 Грач А.Д. (Gracz A.D.; также: Grach A.D.) 9, 15, 30, 50, 53, 179, 180
 Гребнев Л.В. 19
 Гревингк К. 137
 Гречко Г.А. 166
 Грум-Гржимайло Г., Е. 30, 40
 Груфешев Н. 127
 Гулиев Н.М. 135
 Гульдман В.К. 128
 Гуляев С.И. 125
 Гумилевский Д. (псевд.: Филарет) 119, 167
 Гянджеви Н. см. Низами Ганджеви
 Данилевич В. 129
 Данильченко И. 165
 Д[ашкевич] Я[рослав], также: Я.Д. 50, 63-169, 190
 Деметрикевич В. см. Деметрыкевич В. (Demetrykiewicz W.)
 Десемет К. 137
 Десятова-Шостенко Н. 165

^x Hasła indeksowe występujące w tej publikacji poza grażdanką również alfabetem łacińskim, a często wyłącznie nim, zostały podane na końcu poszczególnych indeksów w polskiej wersji językowej.

- Довженко В.И. 89, 129
 Дрогобыч Н.Е. 166-168
 Дубняк К. 164
 Дзэмэтрыкевич В. (Demetrykiewicz W.) 9, 82
 Дяченко М.Т. 119
 Евтухова Л.А. 9, 10, 30, 32, 37, 38, 49, 56-59, 179, 180, 183
 Едигей, хан 112, 113
 Екатерина II 67, 69
 Епатко Ю.М. 176
 Ерней Я. (Jerney J.) 77, 84, 85, 120, 124, 127, 188
 Жур Л.В. 130
 Завадовский М.М. 165
 Зайковский Б.В. 124, 131
 Залесский К.М. 141, 160, 166, 168
 Захаров А.А. 103, 134
 Зуев В.Ф. 13, 67, 87, 120, 128
 Зяблин Л.П. 76, 83, 106, 112, 124, 135, 137, 167, 188, 190, 193
 ибн Фадлан Ахмед см. Ахмед ибн Фадлан
 Иванов М.Ф. 139, 168
 Ивановский А.А. 136, 137
 Иванчев-Писарев А.А. 125
 Игорь 26
 Иловайский Д.И. 111, 136, 195
 Искандер 52
 Івік 124, 125
 Йисль Л. (Jisl L.) 10, 11, 19-23, 28, 30, 32, 34, 38, 41, 42, 44, 52, 54-61, 182, 186
 Кабузан В.М. 119
 Казакевич В.А. 56
 Карпини см. Плано Карпине
 Кастанье И.(Ж.)А. (Castagné J.) 82, 96, 125, 127, 131, 136
 Катанов Н.Ф. 136
 Кельсиев А.И. 75, 93, 94, 106, 120-122, 124, 125, 130, 131, 135
 Кеппен П.И., фон (Körpen P., von) 85, 93, 125, 127, 130, 137
 Керндл А. (Körndl A.) 126
 Керцелли Н.Г. 127, 162, 167, 169
 Кириченко О.Н. 176
 Киселев С.В. 44, 185
 Климов В.В. 166-168
 Княжевич Д. 119, 120
 Ковалевский А.П. 61
 Козлов П.К. 141, 142, 164, 165, 166
 Колянківський Н. см. Колянківський М.
 Колянківський М. (также: Колянківский Н.) 126

- Кондараки В.Х. 125, 162, 169, 169, 188
 Кониський О. 168
 Контарини (Contarini) 136
 Корш Ф.Е. 55, 56
 Костенко Л. 168
 Костомаров Н. 118
 Коцієвський О.С. 119
 Котвич В. (Kotwicz W.) 9, 11, 20, 21, 25, 30, 40, 42, 51-57, 60, 61, 179, 184
 Крашевски Ю.-И. (Kraszewski J.I.) 89, 129
 Крылов А.Л. 77, 120, 124, 188
 Крылова Л.П. 9, 51, 53, 54, 134, 147, 179, 197
 Кубарев В.Д. 54, 55, 133
 Кудряшов К.В. 74, 91, 129
 Куликовский Г.И. 134
 Куринный П.П. 98, 132
 Куринный (также: Куринный) П.П. 98, 132
 Кызласов Л.Р. 9, 31, 34, 38, 43, 50, 58-61, 114, 136, 179, 183, 185
 Кюль-тегин 21, 23, 25, 28, 35, 36, 60
 Лассота Э. (Lassota von Steblau E.) 13, 52
 Латынин Б.А. (Latynin B.) 9, 50
 Лебедев А.С. 131
 Лебедев Ю.С. 176
 Леваковский И.С. 77, 124, 162, 169, 188
 Левченко М. 125
 Лепехин И.И. 13, 131
 Лерхе Й.Я. (Lerche J.J.) 13, 53, 137, 161, 169
 Лесник (псевд. корреспондента) 142, 143, 166
 Липскеров К. 52
 Ляликов 128
 Ляшкевич З.М. 176
 Мавродинов Н. 86
 Максимов Е.К. 131
 Малеин А.И. 52
 Манштейн Э., фон 165
 Маркевич А.И. 9, 51, 76, 124, 163, 165, 169, 179
 Марченко Г.Е. 9, 51, 179
 Массон М.Е. (Masson M.E.) 44, 186
 Медведев С.И. 166
 Медици М. 125
 Мелиоранский П.М. 55, 56, 167
 Мельник К. 121, 133, 134
 Мелюкова А.И. 101, 132, 133
 Миллер А.А. 98, 102, 103, 134
 Миллер Г.Ф. 13, 53, 87, 128
 Минаева Т.М. 133
 Минх А.Н. 122
 Мнацаканян С.С. 134
 Молодчикова И.О. 135
 Мочульский В.И. 87, 127, 137
 М[урзакевич] Н.М. 53, 133
 Мух М. (Much M.) 77, 124, 188

Надеждин Н.И. 73, 123, 126, 135, 137, 144, 147, 148, 163,
 Нарцов А.Н. 93, 94, 130 167, 168, 179-181, 183, 185,
 Низами Ганджеви (Гянджеви) 10, 188, 190-192, 197
 12, 52, 107, 194 Подбереский А. (Podbereski A.)
 72, 120-123, 129, 187
 Опиц (Dessau) Г. 164, 165 Поля А.Н. 53, 121, 126
 Попова Е.А. 132
 Паллас П.С. (Pallas P.S.) 13, Потапов Л.А. 114, 136
 95, 124, 131 Потемкин Г.А. 67
 Пассек В.В. 71, 82, 92, 106, Пороцки Я. (Potocki J.) 13, 53,
 122, 126, 129, 135, 187 125
 Пассек Т.С. 9, 50 Потрац Й.А.Г. (Potratz J.A.)
 Пачоски Ю. (также: Пачоский 100, 133
 И.К.) (Paczoski J.) 142,
 166 Радзивиллова Г. из Пжездзецких
 Пачоский И.К. см. Пачоски 16
 Ю [зеф] Радлов В.В. 55, 58, 167
 Перовский Л.А. 73 Радожицкий И. 122
 Петровский А.С. 118, 131 Рикман Э.А. 128, 133
 Петрунь В.Ф. 169 Рожественский Н.А. 122, 130
 Пецольд А. (Petzold A.; так- Романов Е.Р. 126, 130
 же: Petzhold A.) 71, 120- Ру Ж.-П. (Roux J.-P.) 25, 39,
 -123, 162, 169, 187 60
 Пискарев А.И. 71, 73, 75, 84, Рубрук Г., де (Rubruck G.,
 121-124, 128, 165, 187, 188 de) 10, 12, 20, 52, 107,
 Пишчевич А.С. 87, 128 194
 Плано Карпини (Pian del Car- Рудинський М.Я. 163, 169
 pine G.) 52 Ружицкий А.И. 9, 51, 72, 76,
 Плетнева С.А. 9, 10, 15, 17, 120, 121, 123, 124, 163, 164,
 19, 29, 31, 34, 38, 44, 46, 169, 179
 50, 53, 54, 56-59, 61, 62, Рыбачок Е.П. 170-176, 198
 74, 76, 80, 83, 86, 91, 92, Рычков Н.А. 114, 132, 136
 95, 96, 99, 101, 106-108,
 118, 123-127, 129-131, 133, Сабра-тархан 22

С [авельев] П. 126 Тереножкин А.И. 100, 101, 133
 Салганский А.А. 166 Тереножкін О.І. (также: Тере-
 Самоквасов Д.Я. 72, 122, ножкин А.И.) 100, 101, 133
 123 Терещенко А.В. 9, 51, 71, 77,
 Селенгинский А.И. 128 79, 83, 91-93, 96, 119, 120,
 Сербина К.Н. 53 122-125, 127, 129-131, 167,
 Сердюков Я. 167 179, 188, 189
 Сецинский Е. 128 Тизенгаузен В.Г. 123
 Сибилев Н. 123, 125 Тимошук Б.О. 134
 Синельников А.Н. 51 Тихвинский С.Л. 136
 Скряжнская Е.Ч. 136 Товбич Д. 137
 Слесь И.С. 166 Томилин Е.И. 126
 Смирнов А.П. 131 Томилина А.И. 126
 Снігиревський С. 165 Треус В.Д. 166, 168
 Соболевский А.И. 40 Трефилеев Е.П. 47
 Соловйов В.Я. 9, 51, 137; Труфешев Н. 132
 179
 Спасский Г.И. 9, 49, 120, Уваров П.А. 9, 14, 49, 82, 84,
 121, 128, 179 95, 105, 126, 179
 Спицын А.А. 20, 54, 131, 135, Уварова П.С. 9, 15, 49, 76, 77,
 136 124, 179, 188
 Стёцкие, семья 16 Узбек, хан 112
 Страленберг Ф.-И., фон (Strahlen- Успенский Г.А. 140, 161, 165,
 berg Ph.J., von) 13, 53, 166, 168
 167
 Сукачев В.Н. 142, 166 Фабрициус И.В. 128
 Сумцов Н. 118 Фальк И.-П. 13
 Сунгуров 137 Фальц-Фейн, семья (Falz-Fein, von,
 Сысоев В.М. 134 Familie) 138-146, 166, 168
 Телегин Д.Я. 132 Фальц-Фейн А.Э. (Falz-Fein A.E.,
 von) 140
 Телегин Д.Я. (также: Телегин) Фальц-Фейн В. (Falz-Fein W., von)
 132 164, 168

- Фальц-Фейн Л.Н. 140
 Фальц-Фейн Ф.Э., фон (Falz-
 Fein F.E., von) 138-141,
 165, 166, 197
 Фальц-Фейн Э.А., фон (Falz-
 Fein E.A., von) 140, 165,
 166
 Фегер Г. 86
 Федоров-Давыдов Г.А. 9, 10,
 20, 38, 40, 45, 50, 52, 54,
 56, 59, 60, 83, 86, 105,
 106, 118, 125, 127, 135,
 179, 180, 186, 190, 194
 Федоровский А. см. Федоровсь-
 кий О.
 Федорсвський О. (также: Федо-
 ровский А.) 118, 123, 137,
 168, 197
 Фейн И.-Ф.И. 138
 Фелицин Б.Д. 134
 Фердинанд, герцог ангальт-ке-
 тенский 138, 139
 Филарет см. Гумилевский Д.
 Филимонов Г.Д. 134
 Филиппова-Путий А.В. 170-176
 Флоренсов Я. 71, 77, 122,
 124, 125, 167
 Флоринский В.М. 129
 Формозов А.А. 100, 132-134
 Фортунатов Б.К. 142, 166
 Франко И. 176
 Фундукле И. 119
 Фус П.Н. (Fus P.N.) 71, 77, 187, 188
 Хазанов А.М. 100, 133
 Халилов Дж.А. (также: Халилов
 Н.Э.) 104, 134
 Харламов В.А. 76, 121, 124
 Хицугов П. 167
 Ходская Е.Г. 130
 Чириков Г.С. 72, 77, 117, 122-
 -124, 188
 Чернова З.И. 168
 Шалит М. 165
 Шамрай С. 119
 Шарлемань М.В. 142, 161, 165,
 166, 168
 Швецов М.Л. 117, 118
 Шевченко О.И. 166
 Шевченко Т.Г. 92, 130, 132,
 176
 Шелов Д.Б. 132
 Шер Я.А. 9, 45, 50, 53, 57,
 113, 136, 179
 Шидловская 71, 81
 Ширалиев М.Ш. 134
 Шляттер Д. (Schlatter D.) 71,
 120-122, 125, 187
 Шмидт А. 128
 Шнайштейн Е.В. 131
 Шнюков Е.Ф. 176
 Шоков А.Ф. 93, 130
 Штерн Э., фон 133
 Шульц П.Н. 132, 137
 Шуммер А.А. 142, 166

- Шербакова М.А. 160
 Шепинський А.А. 132
 Эварницкий[-Яворницкий] Д.И.
 9, 51, 72, 77, 120-125, 128
 167, 179, 187, 188
 Эйхвальд Э. (также: Eichwald
 Е.) 66, 95, 119, 126, 131
 Я.Д. см. Д[ашкевич] Я[рослав]
 Яворницкий Д. (Jawornickij D.) см.
 Эварницкий -Яворницкий Д.И.
 Ядринцев Н.М. 101, 110, 133,
 136
 Ястребов В.Н. (Jastrebow W.N.) 9,
 51, 76, 88, 118, 121, 124,
 128, 179
 Юргевич В. 133
 Юрк Ю.Ю. 176
 *
 Alexandrescu A.D. (Алексан-
 дреску А.Д.) 133
 Antoniewicz W. 9, 23, 25, 47,
 51, 53, 62, 179
 Arnaud A. 169
 Aszurbejli S.B. (Ашурбейли
 С.Б.) 134
 Auerbach H. 119
 Bahalej D.I. (Багалей Д.И.)
 9, 51, 76, 92, 118, 121, 124-
 -126, 130, 179
 Barbaro I. (Барбаро И.) 112,
 113, 136
 Bartold W.W. (Бартольд В.В.)
 9, 20, 49, 61, 110, 111, 136,
 179, 195
 Beauplan W. (Beauplan G. le
 Vasseur) 52
 Bernsztam A.H. (Бернштам
 А.Н.) 30, 31, 43, 54, 57, 61,
 62, 185
 Bouzek J. 133
 Bremner R. 71, 122
 Brückner A. 125
 Büsching A.F. 53
 Bžškeanc' M. 125
 Carpine G., Pian del (Плано
 Карпини) 52
 Carter Th.H. 56, 61
 Castagné J. (Кастанье И.А.) 82,
 96, 125, 127, 131, 136
 Clarke E.D. 119, 125
 Czirikow G.S. (Чириков Г.С.) 72,
 77, 117, 122-124, 188
 Daszkiewicz J.R. 50, 63-169, 188,
 190
 Dąbrowski K. 61, 62, 127
 Demetrykiewicz W. (Демэтрыкевич
 В.) 9, 82, 127, 179
 Drücke A. 164
 Dubois de Montpéreux F. 122

- Eichwald E. (Эйхвальд Э.) 66, 95, 122, 126, 131
 Eranchin N. 165
 Ewarnickij-Jawornickij D.I. (Эварницкий-[Яворницкий] Д.И.) 9, 51, 72, 77, 120-125, 128, 167, 179, 187, 188
 Falz-Fein, rodzina (Фальц-Фейн, семья) 138-146, 164
 Falz-Fein A.E., von (Фальц-Фейн А.Э., фон) 140
 Falz-Fein E., von (Фальц-Фейн Э.А., фон) 140, 165, 166
 Falz-Fein F., von (Фальц-Фейн Ф.Э., фон) 138-141, 165, 166, 197
 Falz-Fein L., von (Фальц-Фейн Л.Н., фон) 140
 Falz-Fein W., von (Фальц-Фейн В., фон) 164, 168
 Fedorowski A. (Федоровский А.) 118, 123, 137, 168, 197
 Fiedorow-Dawydow G.A. (Федоров-Давыдов Г.А.) 9, 10, 20, 38, 40, 45, 50, 52, 54, 56, 59, 60, 83, 86, 105, 106, 118, 125, 127, 135, 179, 180, 186, 190, 194
 Filippowa-Putij A.W. (Филиппова-Путий А.В.) 170-176, 198
 Fus P.N. (Фус П.Н.) 71, 77, 187, 188
 Fritzwiser K. 126
 Frumkin G. 54
 Gabain A., von 55
 Gorodcow W.A. (Городцов В.А.) 9, 18, 49, 60, 64, 65, 118, 121, 122, 163, 169, 179
 Grabowski M. (также: Грабовский М.) 66, 90, 119, 128, 129
 Grach A.D. zob. Gracz A.D.
 Gracz A.D. (Грач А.Д.) также Grach A.D.) 9, 15, 30, 50, 53, 179, 180
 Granß J.G. (Гранэ Й.Г.) 33, 56, 58, 183
 Grønbech K. 56
 Gruet 169
 Guthrie M. 119
 Gùldenstädt J.A. 118, 120, 128
 Hartmann A. (Гартманн А.) 82, 127
 Hatsuk A.A. (Гатцук А.А.) 9, 51, 94, 130, 179
 Haxthausen A., Freiherr von (Гакстгаузен А., фон) 119, 122, 162, 169
 Heiss L. 164, 168
 Hendry G.L. 169
 Hošek R. 133
 Howajskij D.I. (Иловайский Д.И.) 111, 136, 195
 Janusz B. 128
 Jastrebow W.N. (Ястребов В.Н.) 9, 51, 76, 88, 118, 121, 124, 128, 179

- Jawornickij D.I. zob. Ewarnickij-[Jawornickij] D.I.
 Jerney J. (Ерней Я.) 77, 84, 85, 120, 124, 127, 188
 Jewtiuchowa L.A. (Евтюхова Л.А.) 9, 10, 30, 32, 37, 38, 49, 56-59, 179, 180, 183
 Jisl L. (Йисль Л.) 10, 11, 19-22, 28, 30, 32, 34, 38, 41, 42, 44, 52, 54-61, 182, 186
 Joussaume R. 169
 Kisielow S.W. (Киселев С.В.) 44, 185
 Kohn A. 120
 Korytko S. 129
 Kotwicz W. 51, 52, 54, 55, 57, 60, 61, 179, 184
 Kørpen P., von (Кеппен П.И., фон) 85, 93, 125, 127, 130, 137
 Kørndl A. (Керндль А.) 126
 Kraszewski J.-I. 89, 129
 Kryłow A.L. (Крылов А.Л.) 77, 120, 124, 188
 Kryłowa L.P. (Крылова Л.П.) 9, 51, 53, 54, 134, 147, 179, 197
 Kuziasow L.R. (Кызласов Л.Р.) 9, 31, 34, 38, 43, 50, 58-61, 114, 136, 179, 183, 185
 Lassota von Steblau E. 13, 52
 Latynin B. 9, 50
 Lerche J.J. 13, 53, 137, 161, 169
 Lewakowskij I.S. (Леваковский И.С.) 77, 124, 162, 169, 188
 Marczenko G.E. (Марченко Г.Е.) 9, 51, 179
 Markewicz A.I. (Маркевич А.И.) 9, 51, 76, 124, 163, 165, 169, 179
 Masson M.E. (Массон М.Е.) 44, 186
 Medici M. (Медици М.) 125
 Mohen J.-P. 169
 Much M. 77, 124, 188
 Nagrodzka-Majchrzyk T. 62, 127
 Nizami-Gandzewi (Низами-Ганджеви) 10, 12, 52, 107, 194
 Opitz G., Dessau 164, 165
 Paczowski J. 142, 166
 Pallas P.S. (Паллас П.С.) 13, 95, 124, 131, 167
 Passek T. (Пассек Т.С.) 9, 50
 Passek W.W. (Пассек В.В.) 71, 82, 92, 106, 122, 126, 129, 135, 187
 Pauli Z. 129
 Petzholdt A.; Petzold A. (Пецольт А.) 71, 120-123, 162, 169, 187
 Piskariow A.I. (Пискарев А.И.) 71, 73, 75, 84, 121-124, 128, 165, 187, 188

- Pletniowa S.A. (Плетнева С.А.) Shotton F.W. 169
 9, 10, 15, 17, 19, 29, 31, 34, Sołowjow W.J. (Соловйов В.Я.)
 38, 44, 46, 50, 53, 54, 56- 9, 51, 137, 179
 -59, 61, 62, 74, 76, 80, 83, 86, Spaskij G.I. (Спасский Г.И.) 9,
 91, 92, 95, 96, 99, 101, 106- 49, 120, 121, 128, 179
 -108, 118, 123-127, 129-131, Strahlenberg Ph.J., von 13, 53,
 133, 135, 137, 144, 147, 148, 167
 163, 167, 168, 179-181, 183, Strandmann J.M., von 137
 185, 188, 190-192, 197 Szer J.A. (Шер Я.А.) 9, 45, 50,
 Podbereski A. 72, 120-123, 129, 53, 57, 113, 136, 179
 187
 Polonska-Vasylenko N.D. 119 Tereszczenko A.W. (Терещенко А.В.)
 Potocki J. 13, 53, 125 9, 51, 71, 77, 79, 83, 91-93,
 Potratz J.A. 100, 133 96, 119, 120, 122-125, 127, 129-
 Pritsak O. 135, 168 -131, 167, 179, 188, 189
 Trichet J. 169
 Roux J.-P. 25, 39, 55, 60, 184 Tryjarski E. 9-62, 126, 127
 Rubruck G., de 10, 12, 20, 52, 107, 194
 Uwarow A.S. (Уваров А.С.) 9, 14,
 Rulikowski E. 129 49, 82, 84, 95, 105, 126, 179,
 180
 Rużycki A.I. (Ружицкий А.И.) 9, 51, 72, 76, 120, 121, 123, Uwarowa P.S. (Уварова П.С.) 9,
 124, 163, 164, 169, 179 15, 49, 76, 77, 124, 179, 188
 Rybaczok J.P. (Рыбачок Е.П.) 170-176, 198
 Wajnsztejn S.I. (Вайнштейн С.И.)
 44, 185
 Wiesielowski N.I. (Веселовский
 Н.И.) 9, 10, 49, 72, 81, 83, 97,
 105-107, 111, 120-125, 127, 135,
 136, 141, 163, 169, 179, 180, 187,
 188, 194, 195
 Wójcik Z. 52
 Wyngaert A., van den 52
 Schottin R. 52

- Vámbéry G. 10, 180 83, 106, 112, 124, 135, 137,
 188, 190
 Ziablin L.P. (Зяблин Л.П.) 76, Zwick H.A. 167

2

ЭТНОНИМЫ
 NAZWY ETNICZNE

- азовцы 53 кимаки (восточная группа кыпча- а
 алтайско-орхонские тюрки см. ков 45, 61, 186; см. также:
 тюрки команы
 анты 89, 104 киммеры 100, 133; см. также:
 скифы
 балты 102, 193 киргизы, киргизы древние (ха-
 басмалы 49 касский народ) 25, 50, 114,
 берендеи 135 125, 127, 136, 185
 болгары 10, 86, 87, 186; см. - Енисей и Тянь-Шаня 43, 45,
 также: протоболгары 50, 114, 185
 китайцы 23, 32, 43, 185
 венгры 180, 190 козаки запорожские 13
 гето-скифы (геты) 100, 193 команы, куманы 12, 20, 43, 47,
 111; см. также: половцы, кып-
 чакчи
 готы 10, 180 кыпчаки 43, 45, 52, 109, 112
 греки 100, 103, 193 - восточные, т.н. кимаки 45, 61,
 186; см. также: команы, куманы
 гунны (хунны) 10, 43, 62, 180 - западные 107-109
 гузы-торки 62 киргизы см. киргизы
 иранцы (скифы-иранцы) 102, 164
 калмыки 49, 66, 78, 109; см. монголо-татары 108, 110, 112, 145,
 также: торгуты 194, 195; см. также: татары
 карлуки 49 - ранние 112, 115
 кельты 10, 180 монголы 10, 49, 109, 110, 136;

- см. также: торгуты, монголо-
-татары
- западные 109
монгольские тюрки см. тюрки
- ногайцы (тюркские народы) 78,
124
- огуз-торки 48, 62
огузы 19; см. также: узы
- персы 26, 101
печенеги 17, 47, 48, 50, 57,
59, 61, 62, 108, 111, 115,
125, 135
печеніги 135; см. печенеги
- половцы 10, 12, 15, 18-20,
23-26, 38, 40-43, 45-47, 50,
53, 54, 56, 57, 61, 62, 64,
80, 83, 84, 86, 98, 101, 105-
-108, 110-113, 115, 118, 123-
-126, 130, 131, 135, 137
- кыпчаки 10, 106
- половцы и половчанки 44, 50
протоболгары 17, 48, 62, 86,
108, 115, 127, 180, 194
- сарматы 98, 101; см. также:
скифо-сарматы
скифо-сарматы 10, 43, 103
скифы 10, 17, 43, 88, 98-101,
103, 132, 133, 140, 141,
168, 180, 185; см. иранцы
скиты см. скифы
- славяне 10, 50, 81, 89, 90, 99,
100, 103, 129, 134, 180
славяно-балты 102, 193
словїяни 134; см. славяне
- татаро-монголы 53, 136
татары 53, 64, 66, 108, 111-
-113, 131, 135, 136, 168
- астраханские 131; см. также:
монголо-татары, ногайцы, тюрк-
ские народы
телесцы 22, 49
торгуты (торгоуты) 109, 110,
114, 136, 195
торки 46, 47, 50, 61, 108, 111,
115, 135, 186, 195
тувинские тюрки см. тюрки
тувинцы 21, 114, 136
ту-кю 19, 21, 24, 35, 42, 43,
45, 50, 58, 185; см. тюрки Орхона
турки 10, 43, 49, 53, 107, 111,
136; см. также: тюрки
турко-татарские народы (тюркские
народности) 111; см. также:
татары, турки, тюркские народ-
ности
тюрки (тюркские народы) 11, 12,
17-19, 31, 32, 34, 35, 39, 40,
43-48, 58, 79-116, 136, 161,
180, 181, 184-186, 193, 195
- алтайские 44, 58, 59, 185
- алтайско-орхонские 50
- древние 9, 10, 20, 39, 47,
50, 53, 56, 61

- кочевники 24, 34, 89, 109,
113, 115-117
- монгольские 59, 109
- Орхона 12, 49, 50, 55,
181 см. также: ту-кю
- Семиречья 38, 113
- тувинские 21, 59, 114, 136
тюркских народности см. так-
же: тюрки, печенеги, полов-
цы, протоболгары, татары
- угры древние 10, 84, 180, 190
узы 111; см. также: огузы
уйгуры (древние) 21, 45
- урякхайцы 109, 110, 195
фины 10, 180; см. также:
угры
фракийцы 100, 101, 132, 133
фрако-скифы 133
хазары 62, 111
хакасы см. киргизы древние
хунны см. гунны
- черные клобуки 91, 129, 191
эфталиты, эфталитки 44
- *
- Abchazi 122
Antowie 89, 104
- Baĭto-Słowianie zob. Słowiano-
-Baĭtowie
Bułgarzy naddunajscy 10, 86,
186; zob. też Protobułgarzy
- Celtowie 10, 180
Chazarowie 62, 111
Chińczycy, wpływ chińskie 19,
23, 32, 43, 185
Czarne Kłobuki 91, 129, 191
Czerkiesi 122
- Finowie, Ugro-Finowie 10, 180;
zob. też Węgrzy
- Geto-Scytowie 100, 101, 193
Goci 10, 180
Grecy nadczarnomorscy 100, 103,
193
Hunowie, wpływ huńskie 10, 43,
62, 180
- europejscy 62, 127
- Kimacy (wschodnie ugrupowanie Kip-
czaków) 45, 61, 186
Kipczacy 43, 45, 52, 109, 112;
zob. też Kimacy, Kumanie, Połow-
cy
Kirgizi (dawni), Chakazowie 25,
43, 45, 50, 114, 125, 127, 136,
185

- jenisejscy (Jeniseju i Tiań-Szania) 43, 45, 50, 114, 185
 Komanie-Połowcy zob. Połowcy
 Kumanie 12, 20, 43, 47, 111;
 zob. też Połowcy, Kipczacy
 Mongołowie 10, 49, 109-112, 136
 - mongolscy Turcy 59, 109
 Mongoło-Tatarzy (wcześni, koczownicy (108, 110, 112, 115, 194, 195
 Nogajowie 78, 124
 Pieczyngowie (Pieczenedzy) 17, 47, 48, 50, 57, 59, 61, 62, 108, 111, 115, 125, 135, 186, 194, 195
 Połowcy, Połowcy-Kumanie, Kipczacy 10, 12, 15, 18-20, 23-25, 38, 40-43, 45-47, 50, 53, 54, 56, 57, 61, 62, 64, 80, 83, 84, 86, 96, 98, 101, 105-108, 110-113, 115, 118, 123-126, 130, 131, 135, 137, 185, 189, 190, 194, 195
 Połowcy-Kumanie 47, 180; zob. też Połowcy
 Protobułgarzy 17, 48, 62, 86, 108, 115, 127, 180, 194
 Rosjanie, ludność rosyjska 187
 Rusini 186
 Sarmaci 98, 101, 185
 Scyto-Sarmaci 10, 43, 103
 Scytowie 10, 17, 43, 88, 98-101, 103, 132, 133, 140, 141, 168, 180, 185, 195; zob. też Geto-Scytowie, Trako-Scytowie, Scyto-Sarmaci
 Słowianie 10, 50, 55, 89, 90, 99, 100, 103, 129, 134, 180; zob. też Słowiano-Bałtowie
 Słowiano-Bałtowie 102, 193
 Tatarzy 53, 64, 66, 108, 111-113, 131, 135, 136, 168
 Torcy 46, 47, 50, 59, 108, 111, 115, 135, 186, 195
 Torguci (Torgouci) 109, 110, 114, 136, 195
 Trako-Scytowie 193
 Trakowie 100, 101, 132, 133; zob. też Trako-Scytowie
 T'u-küe (najdawniesi Turcy) 19, 21, 24, 35, 42, 43, 45, 50, 185
 Turcy, ludy tureckie 11, 12, 17-19, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 43-50, 58, 79-116, 136, 161, 180, 181, 184-186, 193, 195
 - ałtajscy 44, 58, 59, 185
 - orchońscy 12, 49, 50, 55, 110, 181; zob. też T'u-küe
 Ugrowie 10, 84; zob. też Węgrzy
 Ujgurzy 21, 45

- Ukraińcy, ukraińska ludność 187
 Urianchajcy 109, 110, 195
 Węgrzy (dawni), Ugrowie 10, 84, 180, 190

3

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

NAZWY GEOGRAFICZNE I HISTORYCZNE

- Абакан 13 133, 180, 184, 185
 Агарджан-куя см. Ново-Васильевка -северный 49
 Агвана, Закавказская Албания 104
 Азербайджан 12, 104, 134, 135
 Азия 9, 11, 17, 22, 39, 46, 49-51, 53, 54, 102, 109, 112, 113, 133, 136
 - Передняя 102
 - Средняя 17, 46, 49, 109, 113
 - Центральная 22, 51, 54, 109, 112, 115
 азиатские степи см.
 евразийские степи
 Азовское море 13, 110, 125
 Алама 53
 Албания Кавказская (Албания Закавказская) 104, 134
 Александрийский у. Херсонской губ. 51, 77, 78, 120
 Александровский у. Екатеринославской губ. 87, 128
 Алтай 11, 12, 15, 32, 33, 37, 43, 46, 49, 53-55, 58, 109,
 133, 180, 184, 185
 -северный 49
 Алтайско-Саянское нагорье 43
 Албания Закавказская см. Албания Кавказская
 Анадолийское степное лесничество 74
 Ананьевский у. Херсонской губ. 88
 Ангальт-Кетен (Anhalt-Köthen) герцогство 138, 139, 164
 Аркадия 16
 Армения 122, 134
 Аскания-Нова 16, 117, 138-169, 179-199
 - Ботанический парк 138, 141, 146, 154, 156
 - Заповедная степь 138, 141-147, 161, 165-168
 - Зоологический парк (Зоопарк) 138, 141, 143, 144, 146, 152, 153, 165, 166
 - Новый Этап 142, 160
 Аскания-Нова см. Аскания-Нова
 Астахов (Астахово), село 63

- Астрахань 53, 81
 астраханские степи 83, 96, 131
 Ахтырский у. Харьковской губ. 92, 93
- Баба, холм 90
 Баку 134
 Балалык-тепе 57, 61
 Балашов 95
 Балканский полуостров 16
 Бахмут, город 122, 162
 Бахмут, река 163
 Бахмутский у. Екатеринославской губ. (позже: Харьковской) 49, 63, 70, 71, 77-79, 118, 120, 124, 162, 163
 Белая Вежа 46, 61
 Белгород (также: Білогруд) 52, 65, 93, 132
 Белгородская черта 66
 Белгородщина 93
 Белицкое, село 163
 Бердянск 16, 68, 69
 Бердянский у. Таврической губ. 71, 163
 Березани, остров 169
 Берлин 81, 126
 Бессарабская губ. 88, 128
 Бессарабская обл. 119
 Білогруд (также: Белгород) 52, 65, 93, 132; см. также: Белгород
 Ближний Восток 56, 61
 Бог (Буг Южный), река 66, 87, 88
- Богодуховский у. Харьковской губ. 92, 93
 Божско-Днепровское междуречье 66
 Божско-Днепровское междуречье 66
 Болгар, городище 63, 95
 Болгария 16, 17, 48, 82, 86, 87
 Большая Калитва, река 163
 Борисовка, село 93
 Бретань (Бретония) 164
 Буг Южный, река см. Бог
 Бузулукский у. Самарской губ. 95
 Буковина 134
 Быковский у. Могилевской губ. 81, 92
- Вадуц 165
 Валковский у. Самарской губ. 82, 92, 122
 Варна 16
 Варшава 81
 Васильевка см. Васюковка
 Васюковка (Васильевка), село 70
 Великая Виска см. Шанец Виский
 Великий Иргиз, река 95
 Великий Токмак, село 71
 Венеция 112
 Вешняковка, село 64
 Вильнюс 81, 125
 Войска донского обл. 125
 Волга, река 61, 70, 95, 191
 Волынская губ. 81, 83, 129
 Вольты 83, 91, 191
 Вольск 95

- Воронеж 16, 93
 Воронежская обл. 93
 Ворошиловград 16
 Ворошиловградская обл. 63
 восточнотюркский каганат 32
 Вязовка, село см. Дергуновка
- Гавриловка, село 140
 Гайсинский у. см. Липовецкий (Гайсинский) у.
 Галичина 82
 Германия 81, 126, 127
 Грузия 81
 Гявуркяла, городище в Азербейджане 134
- Дагколаны, село Шемахинского района в Азербейджане 134
 Даниловка, село 67
 Дариганга 43, 56
 Дергуновка (Вязовка), село 64
 Деспен, котловина 36
 Дешт-и кыпчак 186, 190, 194; см. также: Кыпчакские степи; Половецкая степь
 Дикие поля 64
 Днепр, река 13, 46, 66, 84, 125, 138, 140, 142, 146, 160, 162; см. также: Левобережье Днепра; Правобережье Днепра
 Днепровский у. Таврической губ. 139, 167
 Днепропетровск 16, 126
 Днепропетровская обл. 76
- Днестр 129
 Днестровско-Днепровское междуречье 87, 129, 190
 Дністрово-Дніпровсько межиріччя 129; см. также: Днестровско-Днепровское междуречье
 Добруджа 101, 133
 Дон, река 77, 82-85, 112, 130, 132
 Донец, река 49, 110, 121; см. Донец Северский
 Донец Северский (Северский Донец), река 46, 67, 163
 Донецк 16
 Донецкая обл. 74, 76
 Донская обл. 77, 78, 121
 Дофино 138, 139
 Дунай, река 87
 Дунайско-Божское междуречье 79
 Дялангач (Ногайск) 68, 78
- Евпаторийский р-н Крымской обл. 163
 евразийские (азиаевропейские) степи 51, 109, 125, 127, 129
 Европа passim
 - Восточная 10, 11, 40, 50, 51, 74-115, 118, 127, 131
 - Западная 17
 - Центральная 82
 Европейская Россия см. Россия
 Екатеринослав 70, 121, 125
 Екатеринославская губ. 15, 49, 51, 63, 67, 68, 70, 71, 76-79, 84

- 87, 91, 92, 118-120, 128, 162
 Елизаветградский у. Херсонской губ. 64, 87, 128
 Елкувата, речка 53
 Енисей, река 50
 Эссенбургский р-н Ставропольского края 101
 Жданов 16
 Заволжье 95; см. также: Волга
 Закавказье 102, 104, 134
 Закавказская Албания см. Агвана
 Замковая гора см. Чигирин-Замковая гора
 Запорожская обл. 163
 Запорожская сечь 66
 Запорожье 16
 Златна Нива (также: Златная Нива), село в Болгарии 16, 48, 53, 63, 86, 87, 190
 Златная Нива см. Златна Нива
 Змиевский у. Харьковской губ. 92, 93
 Знаменка, село 67
 Зпранька, хутор 51
 Золотая Орда 50, 112, 165, 186
 Иванковцы, село, Новоушицкий р-н 89, 103, 129, 191
 Изюмская черта 66
 Изюмский у. Харьковской губ. 49, 67, 74, 92, 93, 121, 123
- Ингул Большой 13
 Ингулец (также: Малый Ингул), река 13, 68, 87
 Иргиз см. Великий Иргиз
 Иртыш см. Черный Иртыш
 Ишима, река 114
 Ихе-Асхете (Монголия) 22, 31, 51
 Изюмщина 123, 134
 Кавказ 66, 70, 81, 96, 97, 102, 103, 127, 134
 - Закавказье 102, 104
 - Северный 66, 81, 96, 97, 102, 192
 Кавказский край 167
 Казахстан 11, 12, 15, 37, 43, 45, 50, 53, 114, 181, 186
 Казань 118
 Какуигыр, колодезь 53
 Калауз, исток 53
 Калитва, река, см. Большая Калитва
 Калишская губ. 82
 Кальмиус, река 163
 Кама, река 95, 191
 Каменец Подольский (ныне: Хмельницкий) 89, 128
 Каменка, село 67
 Каменная могила в Мелитопольском р-не 163, 172, 198
 Камьшин 70, 95, 191
 Канада 81, 189

- Канев 92, 191
 Каневский у. Киевской губ. 91
 Кара-Холье, в Туве 136
 Керченский железнорудный бассейн 176
 Кетен (KÛthen) 139, 164
 Киев (Київ) 16, 65, 89-91, 98, 118, 135
 Киевская губ. 66, 83, 88, 90, 91, 119
 Київщина 90, 129
 Киргизия 125
 Киргизская степь 125, 127
 Киргис-Кайсацкая степь 136
 Кировоград 98
 Кировоградская обл. 76
 Китай 32, 136
 Кичкас, село 87
 Киев см. Киев
 Кобелянский у. Полтавской губ. 130
 Козловский у. Тамбовской губ. 94
 Конка, река 72
 Константиновка, село 88
 Кошо-Цайдам 23, 167
 Краснодар 16
 Краснокутовка 72
 Кременская ст. 63
 Кривый Рог 16
 Крым 66, 81, 85, 96, 97, 120, 127, 145, 162, 168
 Крымское ханство 64
 Кубань, река 126, 134
- Куйбышев 131
 Кума 13
 - Маджарские степи 13
 Кунцево, село ок. Москвы 82, 94, 130
 Купянский у. Харьковской губ. 92, 93
 Куриловка, село 90, 91
 Курская губ. 81, 92, 93, 126
 Кучеровка см. Кучеровые Байраки
 Кучеровые Байраки (позже: Кучеровка) 87
 Кучук-Кайнарджи (сег. Кайнарджа), село 66
 Кыпчакские степи 20, 186, 190, 194; см. также: Дешт-и кыпчак, Половецкая степь
 Лебединский у. Харьковской губ. 92-93
 Лебединский у. Тамбовской губ. 94
 Левобережье Днепра 64, 66, 81, 84, 85, 89, 92-94, 146
 Лемешкино 95
 Ленинград 15, 165, 168
 Лизаветчина (см. также: Елизаветский у.) 119
 Липовецкий (Гайсинский) у. Киевской губ. 88
 Литва 64, 81, 88
 Лихтенштейн 165
 Лубны 82, 92

Луган (позже: Луганск) 67 23, 30-33, 37, 40-43, 49, 53,
 Луганск см. Луган 56, 109, 136, 180, 181, 195
 Луганская обл. 74 - северо-зап. 33, 56, 58, 109
 Львовская обл. 90 - центральная 43, 51
 Монгун-Тайга (в Туве) 136
 Москва, город 15, 51, 69, 82,
 Малороссия см. Украина 93, 94, 106, 120, 130, 131, 166
 Малый Ингул (Ингулец), река Москва, река 94
 13, 68, 87 Мунгу-Хайрхан-Ула 50
 Мангушская зона 172
 Мандрово, село, см. Мантурово
 Мантурово, слобода Тимского у. Надушита, село Сорокского у.
 (также: Мандрово) 126 Бессарабской губ. 88, 128
 Маньч, река 81 Неборув (Nieborów), Польша 16,
 Мариуполь 77 Нехворощ, село в Полтавской обл. 47, 51, 53, 81, 179
 Мариупольский тракт 70 130
 Мариупольский у. Таврической Ниагара Фаллс (также: Ниагара
 губ. 78, 125 Фаллс, Нягара Фаллс) 81, 126
 Меджидия, село (в Добруджи) 133 Николаевский у. Самарской губ.
 Мелитополь 16, 140 64, 95
 Мелитопольский р-н Запорожской Никополь 15, 172
 обл. 163 Ниагара Фаллс см. Ниагара Фаллс
 Мервин, село 88 Новая черта 66
 Мещера 93 Ново-Васильевка (Агарджан-куя),
 Михайлово-Апостолово, имение хутор Ново-Троицкой волости
 51 167
 Милашевичево, село 87 Новомосковск Екатеринославской
 Миусский окр. 77, 78 губ. 68
 Мияс, речка 53 Новомосковский у. Екатеринослав-
 Минусинский край 43, 185 ской губ. 67
 Могилевская губ. 81, 92, 126 Новопавловка, село 67
 Молдавия 128 Новороссийский край 51, 82, 119
 Монастир 16 Новороссия 119
 Монголия 11, 12, 15, 20, 22, Ново-Троицкая вдольсть, Днепров-

ского у. 167 Памиро-Алай 54; см. также:
 Новоузенский р-н Самарской Азия Центральная
 губ. 95 Панковце, село Львовской обл.
 Новоушицкий р-н Каменец-Подоль- 90, 191
 ской (ныне: Хмельницкой) обл. Паннония 84
 89 Пензенская губ. 95
 Новочеркасск 16, 68, 77 Персия 12
 Новый Этап см. Аскания-Нова Петербург (также: С. Петербург)
 Ногайская степь, ногайские 81, 120, 125, 140
 степи 13, 66, 124, 162 Петровск 162, 198
 Ногайск см. Дялангач Петровская крепость 67
 Нягара Фаллс см. Ниагара Фаллс Питомник 144
 Півничная Буковина см. Буковина
 Оболянский у. Курской губ. 93, 130 Півничное Причорноморье см.
 Одесса 16, 74, 101, 140 Причерноморье
 Одесский у. 12, 126 Плиска (в Болгарии) 16, 48, 86
 Окско-Донская возвышенность Поволжье 17, 66, 70, 94-96, 121,
 93 131, 194
 Ольховатский р-н Воронежской - Западное 90, 95
 губ. 93 - Нижнее 131
 - Саратовское 121
 Ораншенбаум 164 - Северное 83
 Орель 130 - Южное 66
 Оренбургская губ. 96, 125 Подгородное, село 67
 Оренбургские степи 83, 96, Подмосковье 93, 94, 96
 125
 Оренбургский у. 96 Поднепровье (среднее) 90; см.
 Ореховский тракт 69, 94 также: Левобережье, Правобе-
 Орловщина, село 67 режье Днепра
 Орский у. Оренбургской губ. Поднестровье (среднее) 89, 103,
 96 129; см. также: Приднестровье
 Орхон, река 35, 110 Подолье 82, 88-90, 96, 103, 128,
 191
 Павлоградский у. Екатеринослав- - Восточное 88, 90, 128
 ской губ. 67, 70, 71, 77-79 - Западное 88, 90, 96, 128

- Подольская губ. 128
 Подольское гранитное плато 162
 Подунавье 86, 87, 96, 133
 - Южное 86, 87,
 Половецкая степь 64, 96, 107, 129, 192, 194; см. также: Дешт-и кыпчак, Кыпчакская степь
 Полтавская губ. 81, 83, 92, 130
 Полтавская обл. 82, 92, 130
 Полтавский у. 82, 92, 122
 Польское королевство 82
 Польско-Литовское государство 88
 Польша 16, 47, 64, 79, 81, 82, 88
 Поросье 46, 61, 91
 Правобережье Днепра 64, 90, 143, 153; см. также: Левобережье Днепра, Поднепровье
 - - Среднее 90
 Предкавказье, Предкавказский регион 96, 99, 104
 Приазовье 15, 66, 69, 119, 129, 133, 161, 172, 176, 198
 - Восточное 66, 176
 - Северное 15, 69, 161
 Приволжские степи 66, 167
 приднепровские степи 83; см. также: Поднепровье
 Приднестровье 119, 129, 133
 Придунайские земли 66; см. также: Подунавье
 Прикамье 96; см. также: Кама, река
 Присивашье 166
 Причерноморье 49, 63-137, 164
 - Западное 100
 - Северное 63-137, 164
 - Южное 83
 Причорноморье см. Причерноморье
 Пруссия 64, 127
 Прут, река 77
 Пятигорск 134
 Роменский у. Полтавской губ. 92
 Российская империя см. Россия
 Российское государство см. Россия
 Россия (азиатская и европейская) 11, 13, 15, 40, 51, 73-86, 111, 119, 127, 133, 164, 181
 - Южная 25, 39, 75, 111, 125-128, 133, 164, 181
 Ростов 16, 122
 Рось, река 91
 Ртищевский р-н, Пензенской обл. 95
 Румыния 99
 Русское государство см. Россия
 Русь 46, 110, 111, 135
 Рязань 69, 94, 122, 191
 Салгир, река 168
 Сальский округ 125
 Самара, река 53, 65, 95, 192
 Самара 95

- Самарская губ. 64, 95
 самарские степи 83
 Самарский край 118
 С. Петербург см. Петербург
 Саратов 16, 83, 95
 Саратовская губ. 70, 83, 95, 131
 саратовские степи 83
 Саратовское Поволжье 121
 Саркель - Белая Вежа 46, 61
 Сарыг-Булун 35
 Саяно-алтайское нагорье 58
 Световраченз, село 16
 Северский Донец см. Донец Северский
 Селенга 35
 Семиречье 11, 15, 37, 38, 40, 45, 46, 50, 53, 57, 113, 136, 181, 186
 Сердобск 95
 Сердобский у. Пензенской губ. 95
 Серебрянская слобода 163, 198
 Сибирь 11-13, 17, 32, 33, 40, 49, 53, 58, 59, 101, 128, 133, 136, 137, 185
 - Западная 11, 133
 - Восточная 40
 - Южная 12, 17, 49, 53, 58, 59, 128
 Симбирская черта 66
 Симферополь 16
 Синий курган на р. Большой Калитве 163
 Синюха, река 64
 Скифия 122, 129, 134
 Славяносербский у. Екатеринославской губ. 71, 77-79, 124
 Слобідська Україна 119
 Советский Союз (СССР) 16, 74
 Сорокский у. Бессарабской губ. 88, 128
 София 16
 Сосница, село 93
 Средиземноморье 99
 Ставрополь 70, 133
 Ставропольский край 101, 133
 Суботов, село 90, 91, 191
 Сура, речка 13
 Таврическая губ. (также: Таврийська губ.) 51, 71, 76-78, 119, 120, 124, 139, 163, 164, 167
 Таврические горы 127
 Таврия 72, 136
 Таврийська губ. 119; см. также: Таврическая губ.
 Таганрог 16, 74, 137
 Таганрогский тракт 69
 Тамбов 94
 Тамбовская губ. 94
 Тамбовский у. (той самой губ.) 94
 Тана 112, 136
 Танаис 98, 132
 Тарбагатайская обл. (в Китайской империи) 136

- Тасьмин, река 91, 191
 Татария 13, 51
 Таш-ти 61
 Тбилиси (Тифлис) 81, 120, 137
 Темирский у. Уральской губ. 96, 126
 Терновка, речка 52, 65
 Тимский у. Курской губ. 81, 126
 Тифлис см. Тбилиси
 Токмак 28, 44
 Токовский карьер около Николаева 172, 198
 Тола, река 35
 Толстая могила, ок. Чертомлыка 87
 Томаковка, село 87
 Тохаристан 57
 Троицкий у. Оренбургской губ. 96
 Тува 11, 15, 30, 32-35, 37, 43, 44, 50, 53, 58, 59, 114, 136, 184, 185
 - Западная 50
 Тульчин, р-н Новоушицкий 89, 191
 Турция 64
 - тюркский каганат 50
 Тянь-Шань 50, 54, 114
 Тясмин, река см. Тасьмин
 Украина (Україна) 15, 47, 52, 54, 65, 69, 74, 82, 87-103, 119, 126-129, 132, 138, 141, 165
 - Малороссийская (т.е.: Полтавская, Черниговская, Харьковская, Киевская и часть Волынской губ.) 83, 189
 - Степная 83, 87, 119
 - Южная 64, 75, 87, 88, 138-169
 Украинская ССР (также: Українська Радянська Соціалістична Республіка) 119, 128
 Україна 119; см. также: Украина
 Українська РСР 119; см. также: Украинская ССР
 Урало-Волжский район 131
 Уральская обл. 96, 126
 Феодосия 16
 Франция 99, 127, 132
 Фрунзе 48
 Хазарское царство 111
 Хакассия 15, 43, 53, 114, 136, 181
 Хакасская Автономная Республика 53
 Хакаское государство (древнехакаское государство; также: Киргизия) 114, 136
 Хакаско-Минусинская долина 43
 Харківщина 118
 Харьков 70, 82, 85, 92, 121
 Харьковская губ. 49, 51, 67, 76, 77, 82, 83, 92, 93, 117-121, 162

- Харьковская епархия 119
 Харьковская обл. 74, 82, 92
 Харьковский у. Саратовской губ. 92
 Хвалынский у. Саратовской губ. 95
 Херсон 16, 68, 120, 166
 Херсонская губ. 51, 64, 76-78, 84, 87, 88, 118-120, 128
 Херсонская обл. 74, 76
 Херсонская степь 87
 Херсонский у. 51, 120, 128
 Хмельницкая обл. см. Каменец-Подольская (Хмельницкая) обл.
 Хороше, магнатский парк ок. Тульчина 15, 89
 Хоружевская слобода 92
 Хотмыжский у. Курской губ. 93
 Хыныслы, городище в Азербайджане 134
 Чапли (участок в Аскании-Нова) 138, 139, 142, 145
 Чапли-Аскания-Нова, село, см. Аскания-Нова
 Чапл 138, 145, 164-166, 168; см. Аскания-Нова
 Черкасск 162
 Черкасская обл. 76
 Чернигов 65
 Черниговская губ. 83, 92, 93
 Черниговщина 65
 Черный гай, возвышенность ок. села Панковцев 90
 Черный Иртыш 109
 Черный лес, Херсонская губ. 77
 Чертомлык, село 87
 Чигирин-Замковая гора 90
 Чигиринский у. Киевской губ. 90
 Чичиклея, река 87
 Чугуев 70
 Чуйская долина (в Дариганге) 31, 50, 61
 Шанец Виский (позже: Великая Виска) 64, 87
 Швеция 13
 Шедиево, село Кобелянского у. Полтавской губ. 130
 Шемахинский р-н (в Азербайджане) 134
 Шумен (ок. Плиски) 16, 86
 Эндже 16
 Элизабетфельд, село 140
 Эрзерево, село 16
 Эрзинский р-н (Тува) 35
 Юрьевка, село (в Чуйской долине) 61
 Ялта 16
 Ясиневата, село Бахмутского у. 120

- Altaj 11, 12, 15, 32, 33, 37, 43, 46, 49, 53-55, 58, 109, 133, 180, 184, 185
- Anhalt-Köthen, księstwo w Saksonii 138, 139, 164
- Armenia 122, 134
- Askania-Nowa 16, 117, 138-169, 179-199
- Astrachań 53, 81, 131
- astrachański step 83, 96, 131
- Azerbajdżan 12, 104, 134
- Azja 9, 11, 17, 22, 39, 46, 49-51, 53, 54, 102, 109, 112, 113, 133, 136, 179-186, 195, 196
- Centralna 17, 22, 46, 49, 51, 54, 112, 115, 165
- Azowskie Morze 13, 110, 125
- Bachmut 122, 162, 198
- Berlin 81, 126
- Białogrodzki trakt 66
- Bielgorod 52, 65, 93, 132, 191
- Biłogrud, Białogród, też Bielgorod 52, 65, 93, 132, 191
- Boh (Bug południowy) 66, 87, 88, 190
- Bosforskie państwo 120
- Bułgaria 53, 190
- Chakasja (dziś: Kirgizja) 15, 43, 53, 114, 125, 181
- Chakasko-Minusińska Dolina 43
- Cherson (i rejon) 16, 51, 64, 68, 76-78, 84, 87, 118-120, 128, 166, 197, 199
- Czehryń 191
- Czerkask 76, 162, 198
- Deszt-i kipczak 186, 190, 194; zob. też Kipczackie stepy
- Dniepr, rzeka 13, 46, 66, 84, 125, 140, 142, 146, 160, 162
- naddnieprzańskie stepy 189
- lewobrzeże Dniepru 64, 66, 81, 84, 85, 89, 92-94, 146, 191
- prawobrzeże Dniepru 64, 90, 143, 153, 191
- Dniestr, rzeka 129
- międzyrzecze Dniestr-Dniepr 87, 129, 190
- Don, rzeka 77, 84, 85, 112, 130, 132
- Dunaj, rzeka 87
- międzyrzecze Dunaj-Boh 79
- naddunajski rejon 192
- Eurazja 51
- euroazjatyckie stepy 51, 109, 125, 127, 129, 186, 190, 192, 194
- Europa 50, 119, 179, 185, 195
- pd.-wsch. 10, 40, 50-53, 78, 86-92, 96-104, 112, 113, 179, 180, 186-198
- środkowa 82
- wsch. 74, 78-86, 93-97, 104, 112, 115, 131

- Galicja (Małopolska) 82, 120, 128 120, 122, 127, 145, 162, 163, 168
- Gruzja (Georgia) 81, 122, 189 168
- Kuncewo 191
- Ikhe-Khuchotu (w Mongolii) 51 Kuryłówka 191
- Istambul 54
- Lechistan (Lehastan) 125; zob. Polska
- Jeterynosławska gubernia 15, 49, 51, 63, 67, 68, 70, 71, 76-79, 87, 91, 92, 118-120, 128, 162, 181
- Lehastan zob. Lechistan
- Litwa 88, 189
- Merwyno zob. Mierzwino
- Mierzwino (Merwyno) 191
- Minusiński Kraj (kraina dawnych Kirgizów) 43, 185
- Mongolia 11, 12, 15, 20, 22, 23, 30-33, 37, 40-43, 49, 53, 56, 109, 136, 180, 181, 195
- centralna 43, 51
- północno-zachodnia 56, 58, 109
- Moskwa (okolice) 191
- Niagara Falls 81, 126
- Nieborów 16, 47, 51, 53, 81, 179
- Niemcy, kraj 189
- Nogajskie Stepy 13, 66, 125, 162
- Oranienbaum 164
- Oriechowo 191
- Oriechowski trakt 69, 94
- Pietrowsk 162, 198
- Podole 82, 88-90, 96, 103, 128, 191
- Polska (też: Królestwo Polskie; 120, 122, 127, 145, 162, 163, 168
- Kama, rzeka 95, 191
- nadkamski rejon 192
- Kamienna Mogiła, góra na Przyazowiu 172, 198
- Kamyszyn 70, 95, 191
- Kanada 81, 189
- Kaniów 92, 191
- Kaspijskie Morze 122
- Kaukaz 66, 70, 81, 96, 97, 102, 103, 127, 134
- Północny 66, 81, 96, 97, 102, 118, 192
- Zakaukazie 102, 104, 134
- Kazachstan 11, 12, 15, 37, 43, 45, 50, 53, 114, 181, 186
- Kipczackie Stepy 20, 186, 190, 194
- Kirgiskie Stepy 125, 127; zob. też Minusiński Kraj
- Kirgizja zob. Chakasja
- Kolchida 122
- Köthen 139, 164; zob. też Anhalt-Köthen
- Krym 64, 66, 81, 85, 96, 97,

- Lechistan) 16, 47, 53, 64, 79, 128, 133, 137, 185
81, 82, 88, 125, 188
- Połowiecki Step 64, 96, 107, 129, Tana 112, 136
192, 194; zob. też Deszt-i kip-
czak Taśmin, rzeka 91, 191
Tataria 13, 53; zob. też Złota
Orda
- Powolże 17, 66, 70, 94-96, 121, Orda
131, 191 Tauryda 72, 120, 127, 136
- Prusy 64, 127 Tokowskie Kamieniołomy 172, 198
- Przyazowie 15, 66, 69, 119, 129, Toronto 126
133, 161, 172, 176, 198
Tuwa 11, 15, 30, 32-35, 37, 43,
44, 50, 53, 58, 114, 136, 184,
185
- Riazań 69, 94, 191
- Rosja (Russia) 11, 13, 15, 25, 39,
40, 51, 73, 75, 79, 111, 118-
-164, 181, 188, 191; i passim
- Roś, rzeka 91, 191
- Ruś Czerwona 129 - małosyjska (Małoruś) 83, 189
- Samara, rzeka 53, 65, 95, 192 Wołga, rzeka 70, 95, 191
- nadwołżańskie stepy 66, 167
- Samara, miasto 95 - Powolże 17, 66, 70, 83, 94-96,
121, 131, 133, 191
- Scytia 120-123, 129, 134
- Siedmiorzecze (w Azji Centralnej) 121, 131, 133, 191
11, 15, 37, 38, 40, 45, 46,
50, 53, 57, 113, 181, 186
- Sieriebrianskaja Słoboda 163, 198 Złatna Niva (w Bułgarii) 16, 48,
53, 63, 86, 87, 190
- Subotow 90, 91, 191
- Syberia (Sybir) 11-13, 17, 32, Złota Orda (państwo tatarskie; Ta-
taria) 50, 112, 165, 186
33, 40, 49, 53, 58, 59, 101,

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А с к а н и я - Н о в а

- 1а-г Каменное изваяние № 1 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 2а-г Каменное изваяние № 2 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 3а-г Каменное изваяние № 3 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 4а-в Каменное изваяние № 4 (фас, тыл, правая сторона)
- 5а-г Каменное изваяние № 5 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 6а-г Каменное изваяние № 6 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 7а-г Каменное изваяние № 7 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 8а-г Каменное изваяние № 8 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 9а-г Каменное изваяние № 9 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 10а-д Каменное изваяние № 10 (фас, тыл, тыл - деталь, правая
сторона, левая сторона)
- 11а-г Каменное изваяние № 11 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)
- 12а-г Каменное состояние № 12 (фас, тыл, правая сторона, левая
сторона)

- 13а-г Каменное изваяние № 13 (фас, тыл, правая сторона, левая сторона)
- 14а-г Каменное изваяние № 14 (фас, тыл, правая сторона, левая сторона)
- 15а-г Каменное изваяние № 15 (фас, тыл, правая сторона, левая сторона)
- 16а-в Каменное изваяние № 16 (спереди - сверху, правая сторона, левая сторона)
- 17а-г Каменное изваяние № 17 (фас, тыл, правая сторона, левая сторона)
18. Микрофотографии камней: а - образец № 4. Увеличение 18 раз; б - образец № 7. Увеличение 20 раз; в - образец № 11. Увеличение 45 раз; г - образец № 14. Увеличение 8 раз; д - образец № 15. Увеличение 60 раз; е - образец № 17. Увеличение 125 раз
19. Каменное изваяние № 9. Цветное фото
- Диаграмма. Результаты термического анализа некоторых пород (с. 173)

SPIS ILUSTRACJI

Askania Nowa

- 1а-г Posąg kamienny nr 1 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 2а-г Posąg kamienny nr 2 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 3а-г Posąg kamienny nr 3 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 4а-в Posąg kamienny nr 4 (przód, tył, prawa strona)
- 5а-г Posąg kamienny nr 5 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 6а-г Posąg kamienny nr 6 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 7а-г Posąg kamienny nr 7 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 8а-г Posąg kamienny nr 8 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 9а-г Posąg kamienny nr 9 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 10а-ж Posąg kamienny nr 10 (przód, tył, tył-detel (scena myśliwska), prawa strona, lewa strona)
- 11а-г Posąg kamienny nr 11 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 12а-г Posąg kamienny nr 12 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 13а-г Posąg kamienny nr 13 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 14а-г Posąg kamienny nr 14 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 15а-г Posąg kamienny nr 15 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 16а-в Posąg kamienny nr 16 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
- 17а-г Posąg kamienny nr 17 (przód, tył, prawa strona, lewa strona)
18. Mikrofotografie kamieni: а - model nr 4. Powiększenie 18-krotne; б - model nr 7. Powiększenie 20-krotne; в - model nr 11. Powiększenie 45-krotne; г - model nr 14. Powiększenie 8-krotne; д - model nr 15. Powiększenie 60-krotne; е - model nr 17. Powiększenie 125-krotne
19. Posąg kamienny nr 9. Fotografia barwna
- Wykres. Wyniki analizy cieplnej niektórych odmian (s. 173)

Каменное изваяние № 1; а - фас
Pozag kamienny nr 1; a - przód

б - тыл

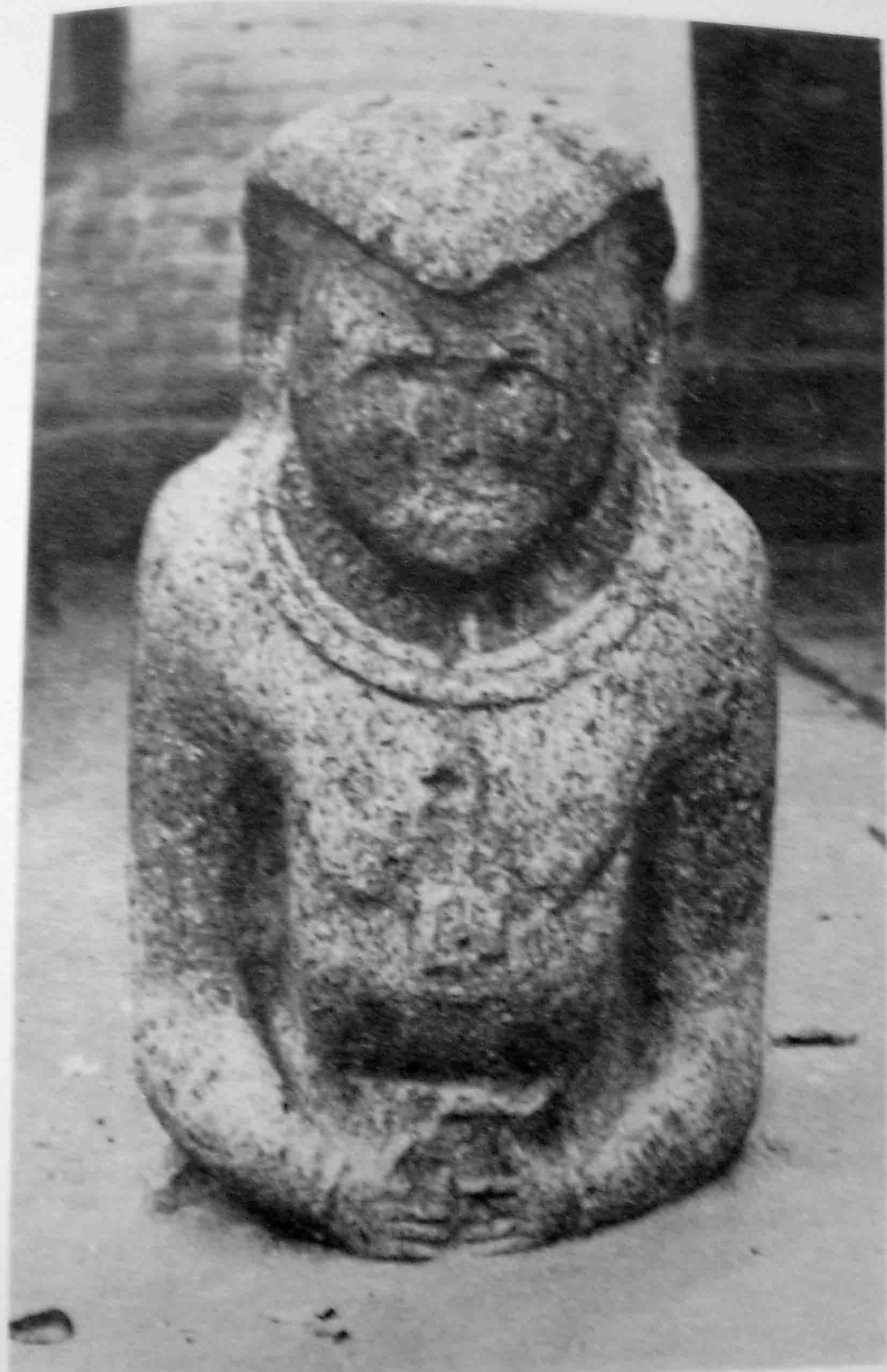
б - тыл

в - правая сторона
в - правая сторона

Г - левая сторона
Г - lewa strona

Каменное изваяние № 2: а - фас
Posaq kamienny nr 2: a - przód

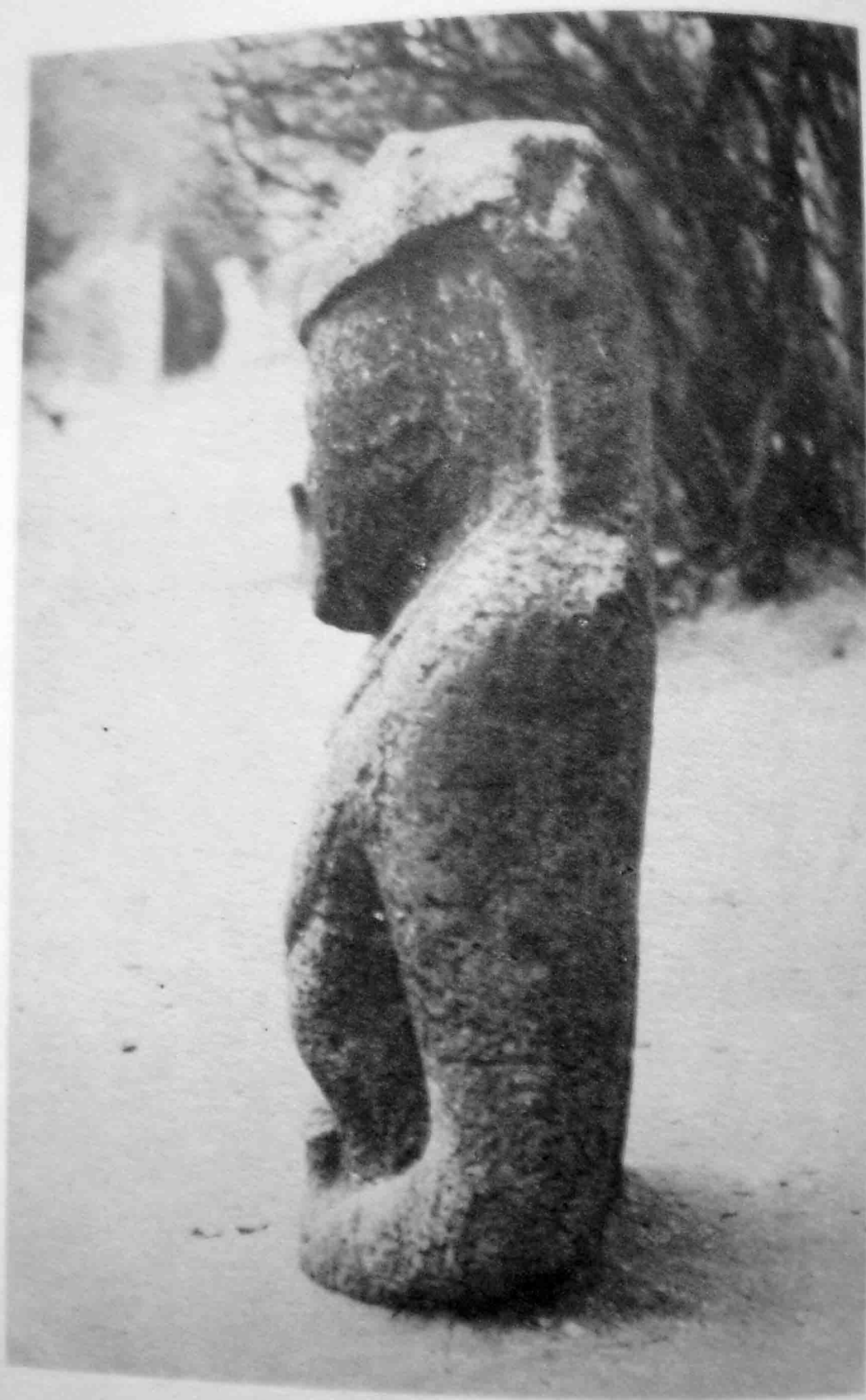

6 - тыл

6 - тул

в - правая сторона
в - права strana

г - левая сторона
г - lewa strona

Каменное изваяние № 3: а - фас
Posaq kamienny nr 3: a - przód

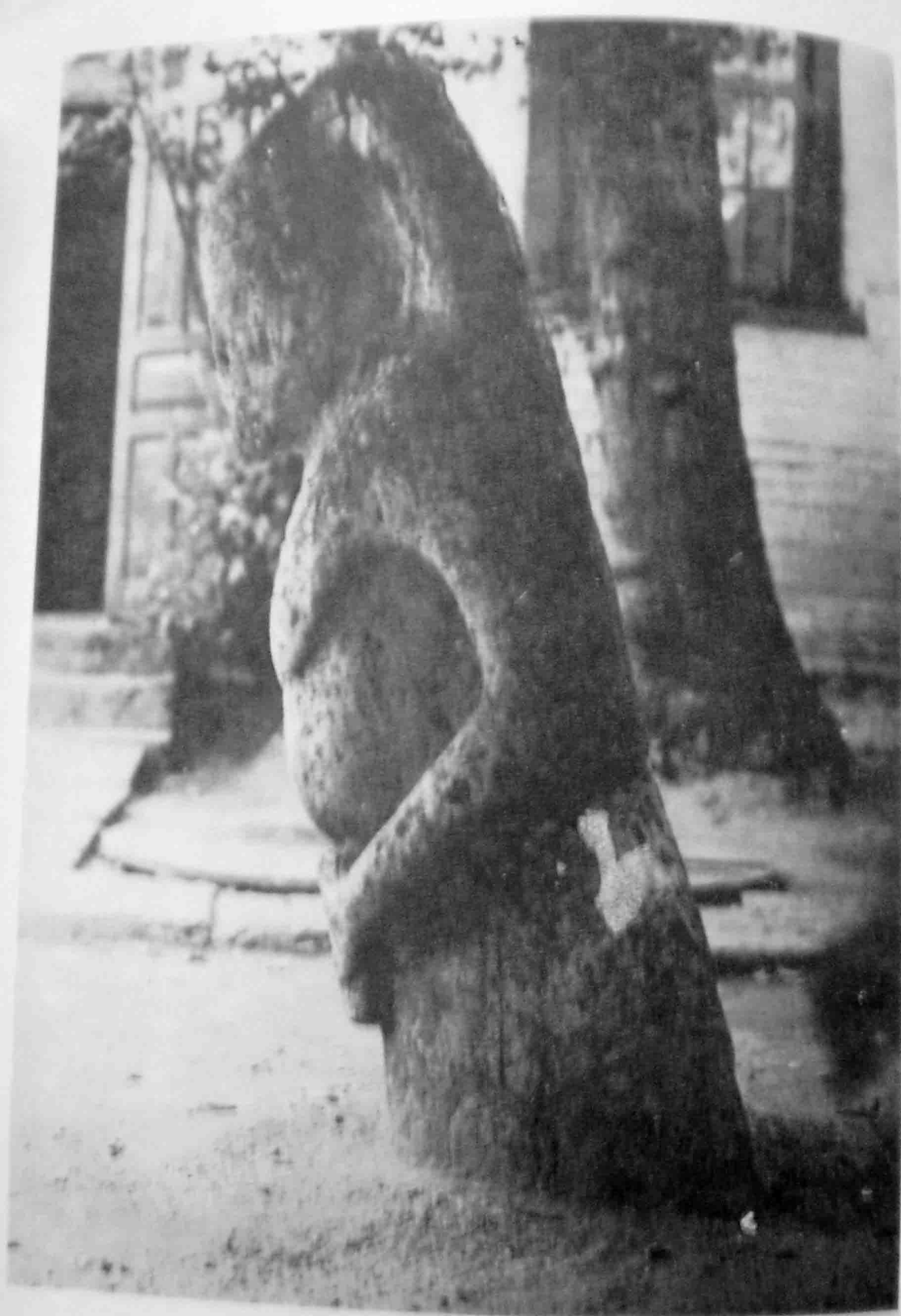

6 - TMA

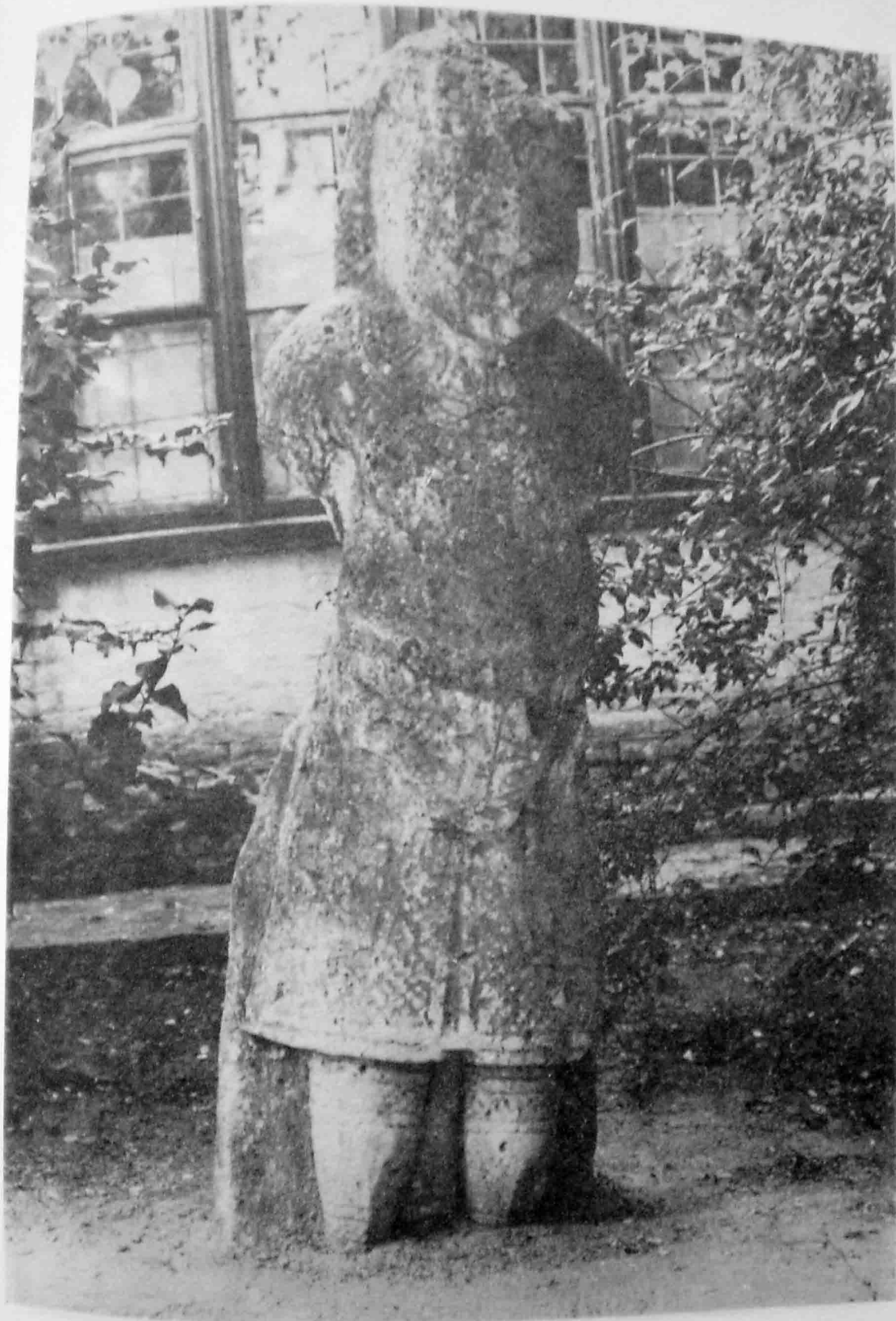
6 - 171

в = правая сторона
в = права страна

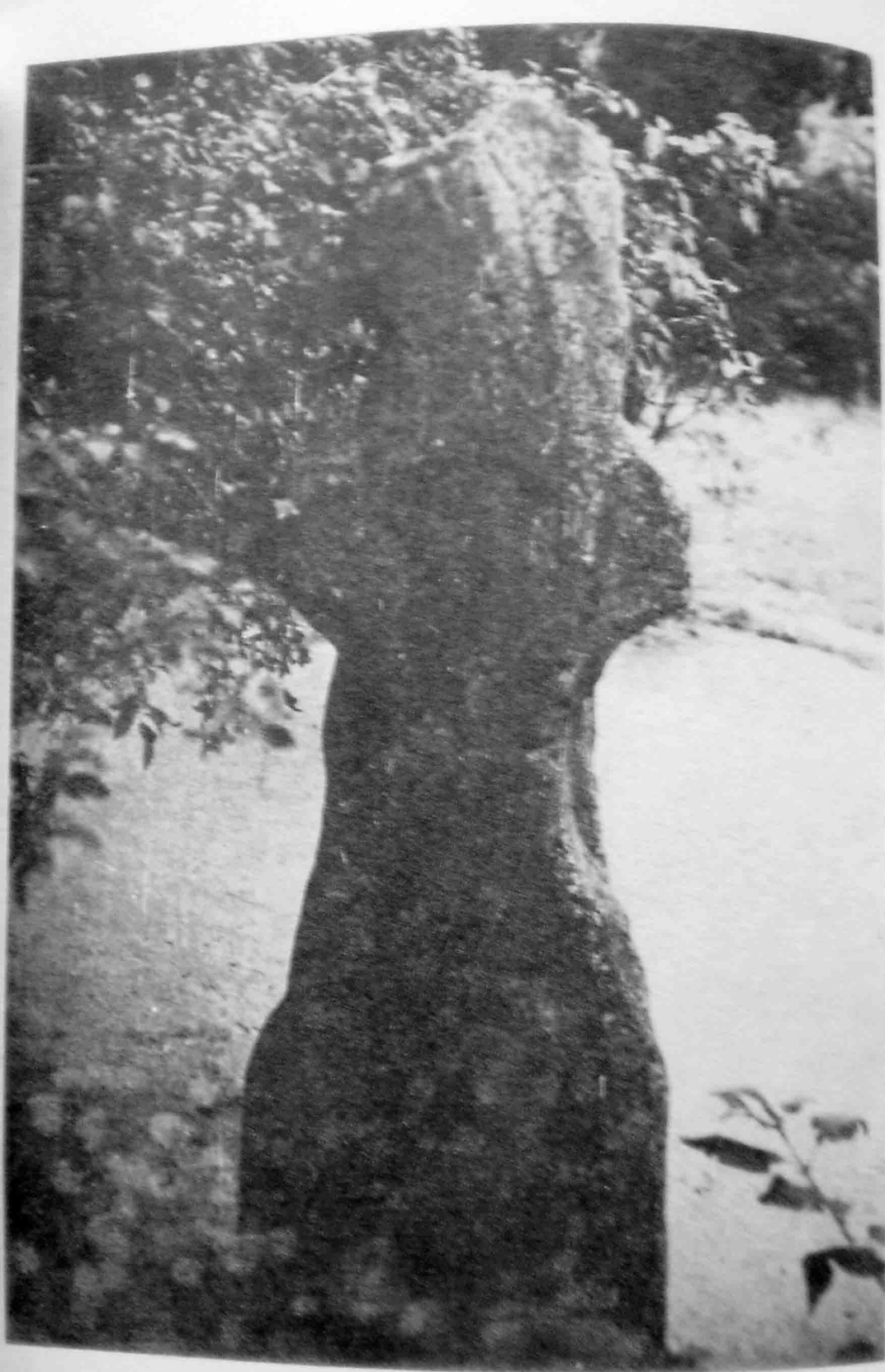

Г - левая сторона
Г - левая сторона

Каменное изваяние № 4: а - фас
Posąg kamienny nr 4: a - przód

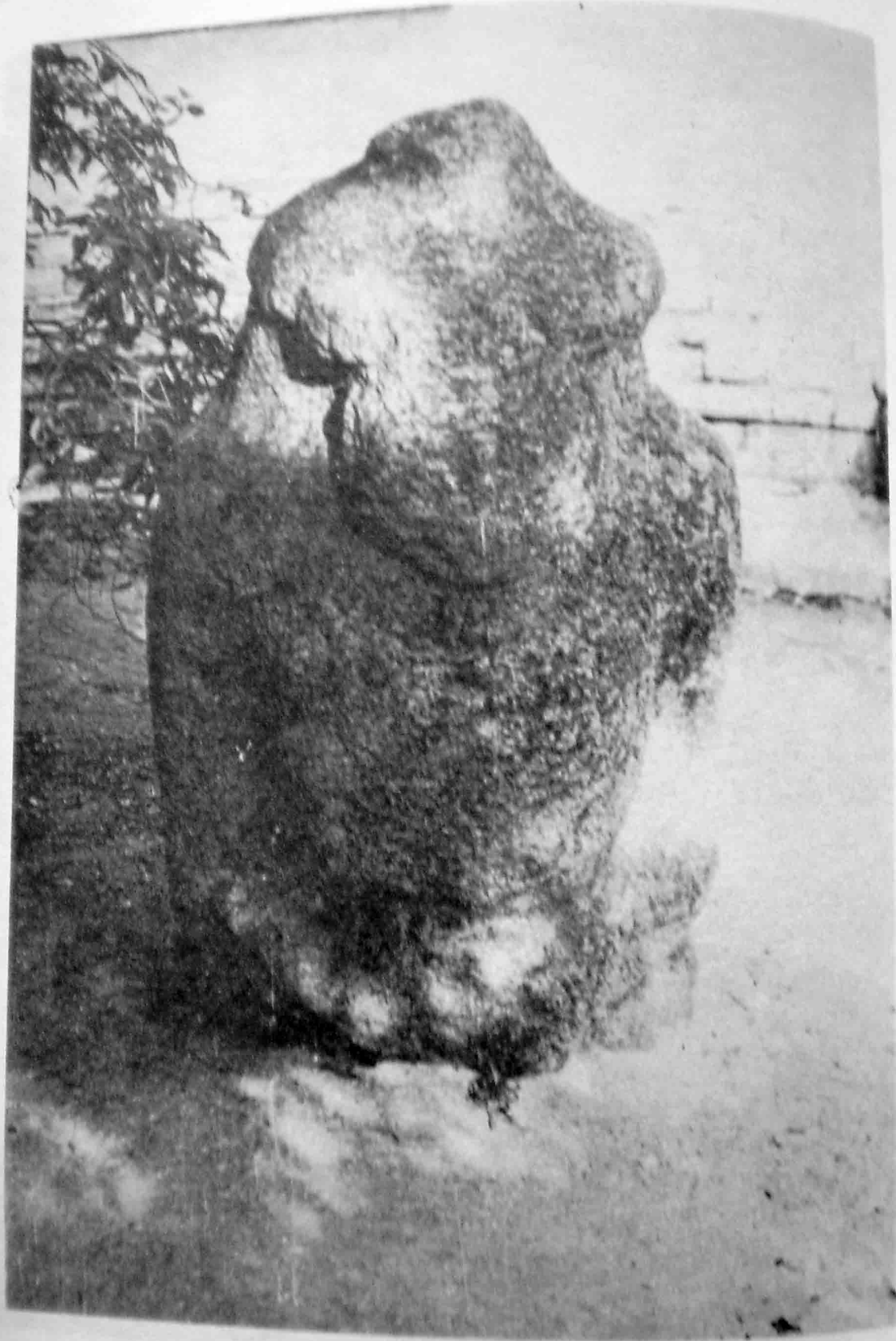

0 - Tыл

0 - tyl

в - правая сторона
в - prawa strona

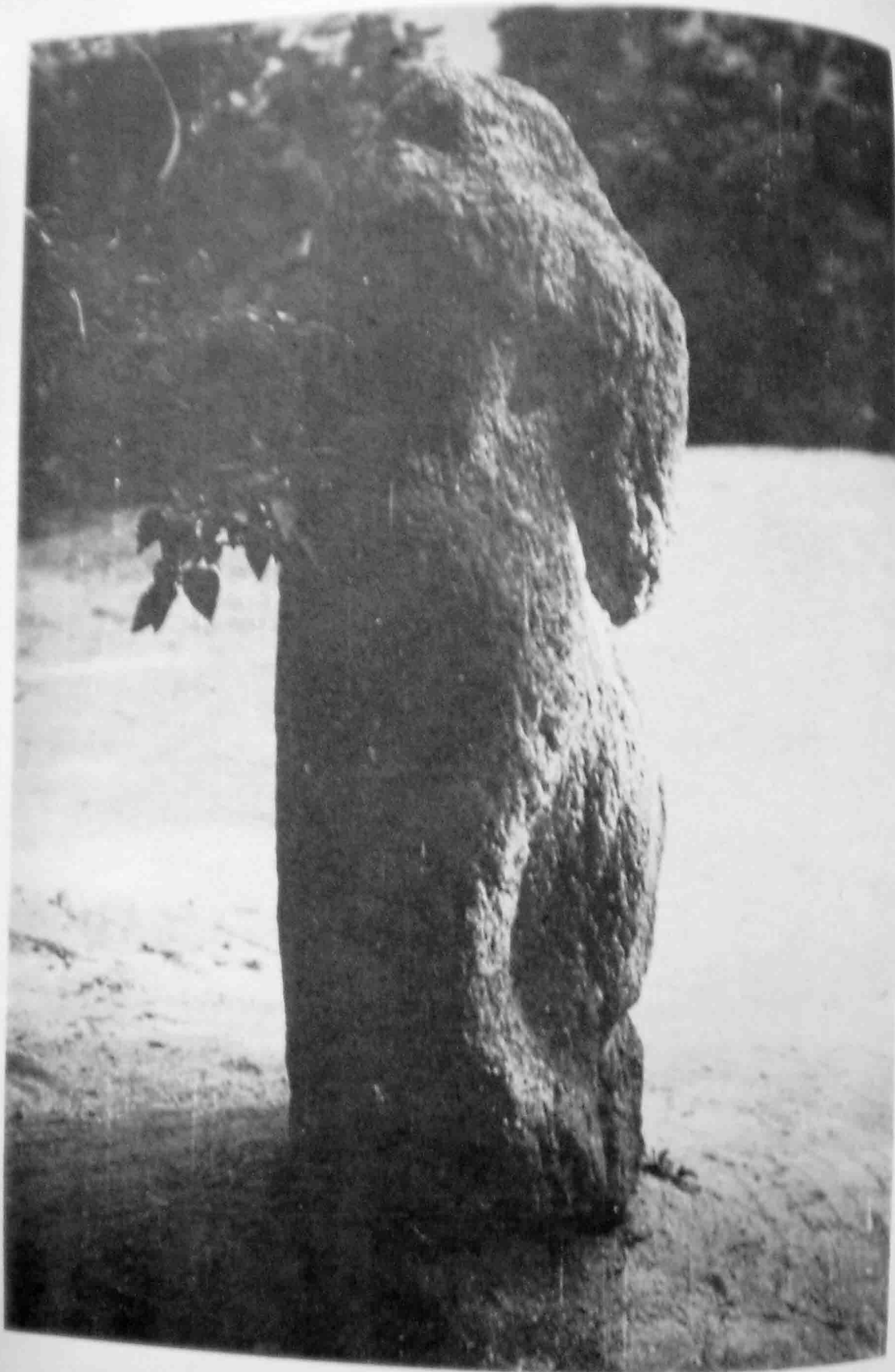
Каменное изваяние № 5: а - фас
Pozag kamienny nr 5: а - przód

6 - TMLR

6 - tyl

в - правая сторона
в - правая сторона

Р = левая сторона
Р = южная сторона

Каменное изваяние № 6: а - фас
Poząg kamienny nr 6: а - przód

6 - TBLA

6 - LYI

В - правая сторона
В - prawa strona

г - левая сторона
г - lewa strona

Каменное изваяние № 7; а - фаяо
- Posąg kamienny nr 7; а - przód

б - тыл

б - тыл

В - правая сторона
В - prawa strona

г = левая сторона
г = lewa strona

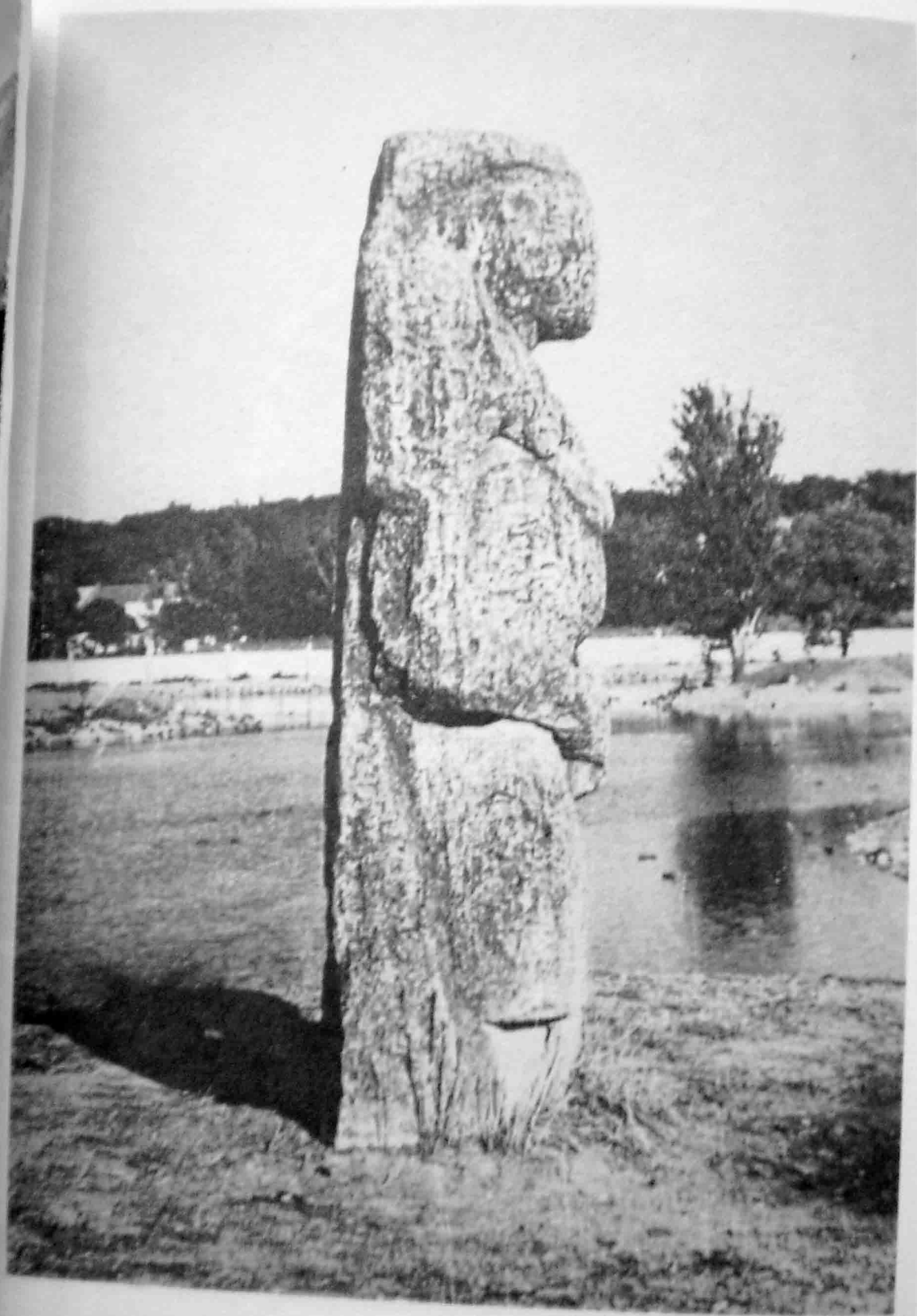
Каменное изваяние № 8: а - фас
Posąg kamienny nr 8: а - przód

6 - 1928

6 - 191

В - правая сторона
В - права сторона

Г - левая сторона
Г - левая сторона

Каменное изваяние № 9: а - фас
Posąg kamienny nr 9: а - przód

б - тыл
б - тыл

В - правая сторона
В - prawa strona

Г = левая сторона
Г = левая сторона

Каменное изваяние № 10: а - фас
Posąg kamienny nr 10: а - przód

б - тыл
б - тул

в - тыл. Деталь. Сцена охоты

в - scena myśliwska (tył, detal)

г - правая сторона
г - prawa strona

д = левая сторона
д = lewa strona

Каменное изваяние № 11: в = ФФФ
Рисунг каменному № 11: в = РРРР

6 - TMR

6 - tyl

В = правая сторона
В = левая сторона

Г - левая сторона
Г - lewa strona

Каменное изваяние № 12; а - фас
Posąg kamienny nr 12; а - przód

б - тыл

б - тул

в - правая сторона
в - prawa strona

г - левая сторона
г - lewa strona

Каменное изваяние № 13: а - фас
Pozag kamienny nr 13: a - przód

б = тыд

б = тул

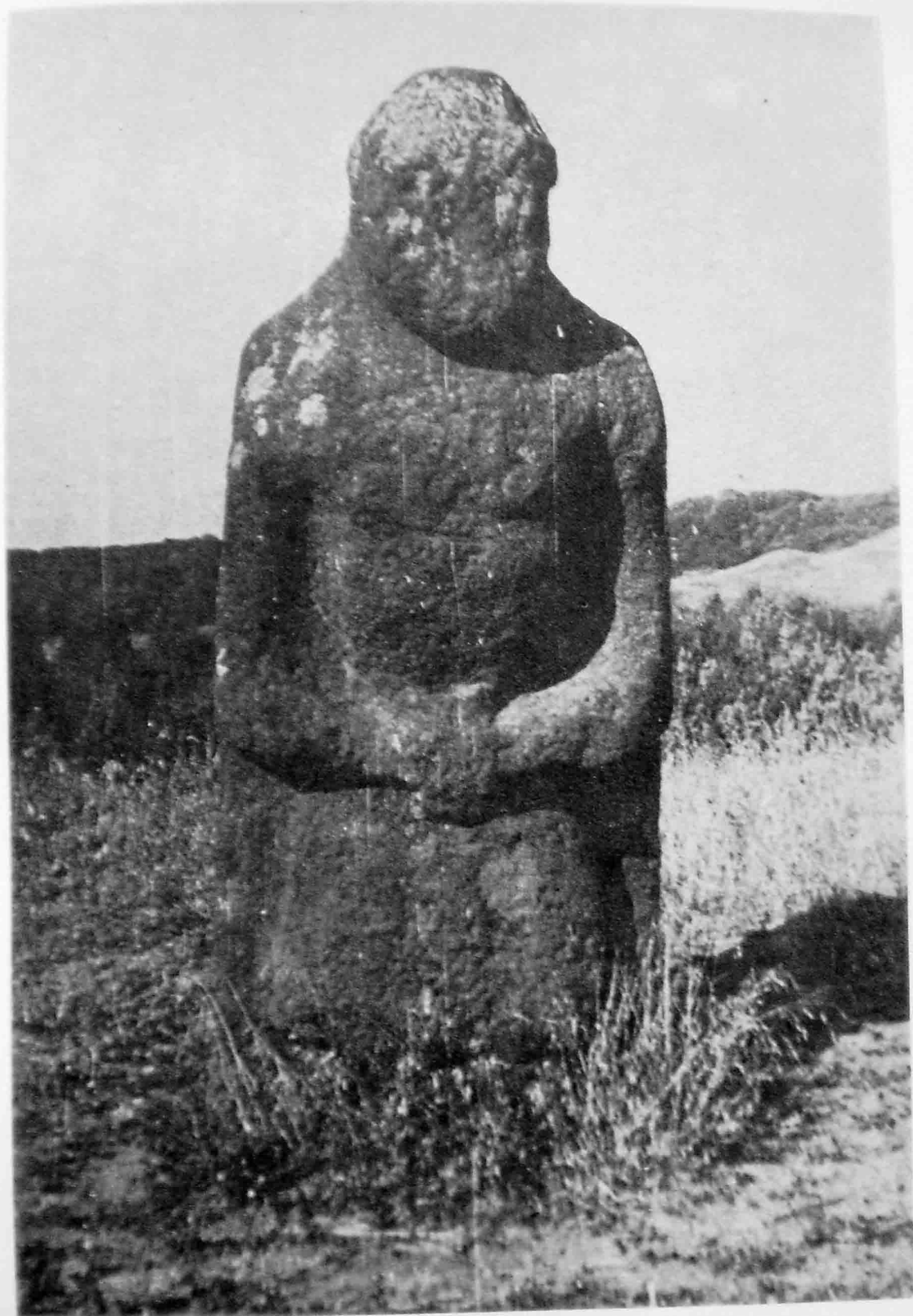

в - правая сторона

в - правая сторона

г - левая сторона
г - lewa strona

Каменное изваяние № 14: а - фас
Posąg kamienny nr 14: а - przód

б - тыл

б - тул

в - правая сторона
в - prawa strona

г - левая сторона
г - lewa strona

Каменное изваяние № 15: а - фас
Posąg kamienny nr 15: а - przód

б - тыл

б - (y)

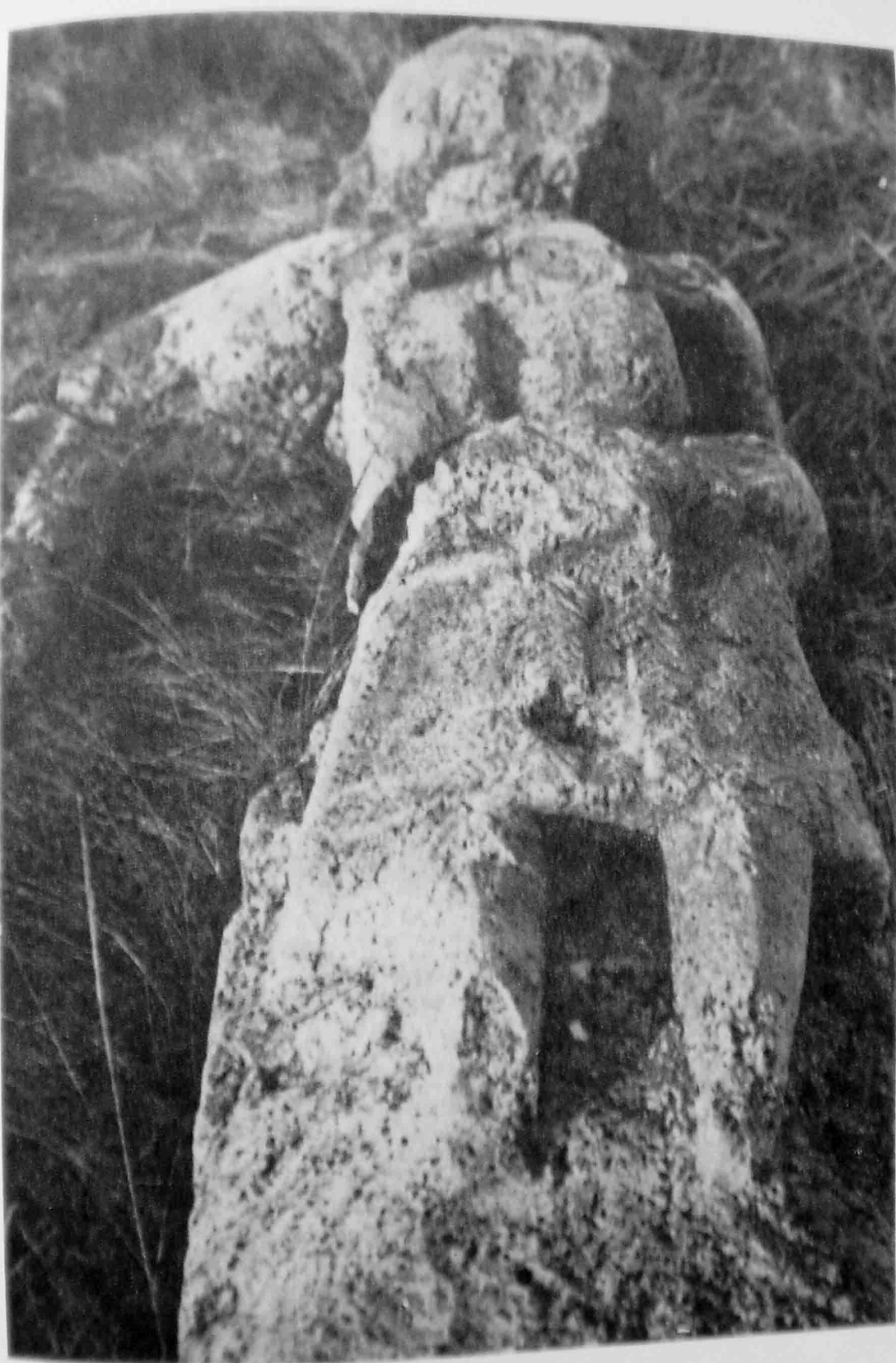

В - правая сторона
В - prawa strona

Г - левая сторона

г - lewa strona

Каменное изваяние № 16: а - спереди - сверху
Posąg kamienny nr 16: а - przód - od góry

б - правая сторона

б - prawa strona

В - левая сторона
В - left side

Каменное изваяние № 17: а - фас
Posąg kamienny nr 17: a - przód

б - тыл

б - тыл

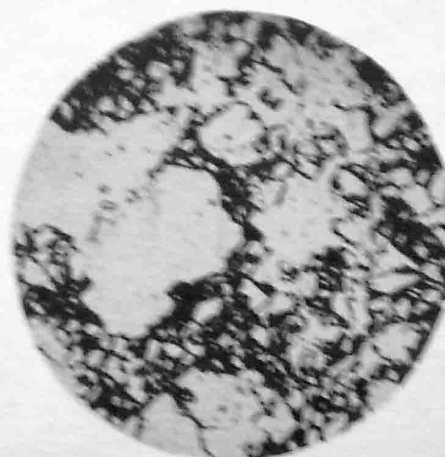
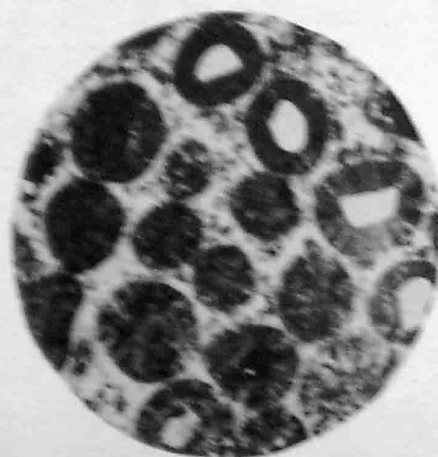

в - правая сторона
в - права strana

г - левая сторона
г - lewa strona

Микрофотографии камней: а - образец № 4. Увеличение 18 раз; б - образец № 7. Увеличение 20 раз; в - образец № 11. Увеличение 45 раз; г - образец № 14. Увеличение 8 раз; д - образец № 15. Увеличение 60 раз; е - образец № 17. Увеличение 125 раз
Mikrofotoğrafie kamieni: а - model nr 4. Powiększenie 18-krotne; б - model nr 7. Powiększenie 20-krotne; в - model nr 11. Powiększenie 45-krotne; г - model nr 14. Powiększenie 8-krotne; д - model nr 15. Powiększenie 60-krotne; е - model nr 17. Powiększenie 125-krotne